

Russian-Armenian University

**Printed by the decision of the
Academic Council of RAU**

**V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)**

**(45)
RAU University Press
No. 2/2023**

Российско-Армянский университет

**Печатается по решению
Ученого Совета РАУ**

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ)**

**(45)
Издательство РАУ
№ 2/2023**

Главный редактор: член-корреспондент НАН РА, д.э.н., проф., Иностранный член РАН **Дарбинян А.Р.**

Заместитель главного редактора: д.филол.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филол.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. (Профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)(Россия)

В.Л. Толстых – д.ю.н., доц. (Новосибирский государственный университет (НГУ))(Россия)

В.М. Баранов – д.ю.н., проф. (Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника») (Россия)

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., заслуженный юрист РА (Профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА)

А.С. Гамбарян – д.ю.н., проф. (Заслуженный юрист РА, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета)

Политические науки

М.М. Лебедева – д.полит.н., к.псих.н., проф. (Заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы) (Россия)

С.М. Маркедонов – к.ист.н. (Ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика») (Россия)

И.С. Семененко – д.полит.н., проф., член-корреспондент РАН (Заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН) (Россия)

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф. (Профессор кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова) (Россия)

С.П. Поцелуев – д.полит.н., к.филол.н., доц. (Профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета) (Россия)

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф. (Профессор кафедры политологии Ереванского государственного университета)

Экономические науки

Э.М. Сандоян – д.э.н., проф. (Директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского университета)

А.А. Широ́в – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. (Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН)(Россия)

А.К. Моисеев – д.э.н. (Заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования (РАН)) (Россия)

М.А. Абрамова – д.э.н., проф. (Руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ)(Россия)

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор (Директор Института экономики РАН)(Россия)

С.А. Кристине́вич – д.э.н. (Доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ)) (Белоруссия)

А.М. Суварян – д.э.н., проф. (Заведующий кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского университета)

М.А. Восканян – д.э.н., доц. (Заведующая кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета)

И.Б. Петросян – к.э.н., доц. (Заведующая кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета)

А.Г. Аветисян – к.э.н., доц. (Заведующая кафедрой математических методов и информационных технологий в экономике и бизнесе Российско-Армянского университета)

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф. (Профессор кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского университета)

А.А. Симонян – д.филол.н., проф. (Заведующая кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета)

К.С. Акопян – к.филол.н., доц. (Заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета)

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф. (Заведующая кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета)

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н. (Доцент кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН) (Россия)

И.С. Леонов – д.филол.н., доц. (Профессор кафедры мировой литературы Института русского языка имени А.С. Пушкина) (Россия)

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф. (Заведующий кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского университета)

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА (Директор Института истории НАН РА)

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф. (Заведующая кафедрой психологии Российско-Армянского университета)

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц. (Первый заместитель ректора, профессор кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет») (Россия)

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц. (Заведующий кафедрой философии Российско-Армянского университета)

К.А. Мирумян – д.филос.н., проф. (Профессор кафедры политологии Российско-Армянского университета)

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф. (Профессор кафедры философии Российско-Армянского университета)

Р.З. Джиддзян – д.филос.н., проф. (Профессор кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна)

Востоковедение

Е.И. Зеленев – д.и.н., проф. (Директор Департамента востоковедения НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия))

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф. (Директор Института Востоковедения Российско-Армянского университета)

В.А. Аракелова – к.и.н. (Профессор Института Востоковедения Российско-Армянского университета)

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2023г.

ISSN 1829-0450

DOI 10.48200/1829-0450

© Издательство РАУ, 2023

Editor-in-Chief: Corresponding Member of NAS RA, D. Sc. in Economics, Prof., Foreign member of the Russian Academy of Sciences **Darbinyan A.R.**

Deputy editor-in-chief: D.Sc. in Philosophy, Prof. PhD in Physics and Mathematics **Avetisyan P.S.**

Responsible secretaries: PhD in Philosophy, Assoc. Prof. **Sargsyan O.L.**, Ph.D. in Philology, Assoc. Prof. **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – D.Sc. (Economics), Ph.D., Prof. (Professor of the Department of Civil Law of the Rostov State Economic University (RINH)) (Russia)

V.L. Tolstykh – D.Sc. (Law), Assoc. Prof. (Novosibirsk State University (NSU)) (Russia)

V.M. Baranov – D.Sc. (Law), Prof. (Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technique”) (Russia)

S.S. Avetisyan – D.Sc. (Law), Prof., Honored Lawyer of the RA (Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, judge of the Criminal Chamber of the RA Court of Cassation)

A.S. Gambaryan – D.Sc.(Law), Prof. (Honored Lawyer of the RA, Head of the Department of the Theory of Law and Constitutional Law of the Russian-Armenian University)

Political sciences

M.M. Lebedeva – D.Sc. (Politics), Prof. (Head of the Department of World Political Processes at MGIMO, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education) (Russia)

C.M. Markedonov – Ph.D. in Politics (Leading Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Leading Researcher at the Institute for International Studies at MGIMO, Editor-in-Chief of the journal International Analytics) (Russia)

I.S. Semenenko – D. Sc. (Pedagogical Sciences), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Deputy Director of Research at IMEMO named after E.M. Primakov RAS) (Russia)

I.I. Kuznetsov – D.Sc. (Politics), Prof. (Professor of the Department of History and Theory of Politics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov) (Russia)

S.P. Pozelyev – D. Sc. (Politics), Ph.D. in Philosophy, Assoc. Prof. (Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Sciences of the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University) (Russia)

A.P. Engoyan – D. Sc. (Political), prof. (Professor of the Department of Political Science, Yerevan State University)

Economic Sciences

E.M. Sandoyan – D.Sc. (Economics), Prof. (Director of the RAU Institute of Economics and Business)

A.A. Shirov – corresponding member of RAS, D.Sc.(Economics), Prof. (Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences) (Russia)

A.K. Moiseev – D.Sc. (Economics) (Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences) (Russia)

M.A. Abramova – D.Sc. (Economics), Prof. (Head of the Department of Banking and Financial Markets of the Financial University under the Government of the Russian Federation) (Russia)

M.Yu. Golovnin – corresponding member of RAS, D.Sc. (Economics), Prof. (Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences) (Russia)

S.A. Kristinevich – D.Sc.(Economics) (Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Belarusian State Economic University (BSEU)) (Belarus)

A.M. Suvaryan – D.Sc. (Economics), Prof. (Head of the Department of Management and Business of the Russian-Armenian University)

M.A. Voskanyan – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof. (Head of the Department of Economics and Finance of the Russian-Armenian University)

I.B. Petrosyan – Ph.D in Economics, Assoc. Prof. (Head of the Department of Economic Theory and Problems of Economy in Transition, Russian-Armenian University)

A.G. Avetisyan – Ph.D in Economics, Assoc. Prof. (Head of the Department of Mathematical Methods and Information Technologies in Economics and Business of the Russian-Armenian University)

Philological sciences

A.K. Yeghiazaryan – D.Sc.(Philology), Prof. (Professor of the Department of Armenian Language and Literature of the Russian-Armenian University)

A.A. Simonyan – D.Sc.(Philology) (Head of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication of the Russian-Armenian University)

K.S. Hakobyan – Ph.D. in Philology, Assoc. Prof. (Head of the Department of Russian Language and Professional Communication of the Russian-Armenian University)

L.S. Meliksetyan – Ph.D in Philology, Prof. (Head of the Department of Russian and World Literature and Culture of the Russian-Armenian University)

S.T. Zolyan – D.Sc. (Philology), Prof.

N.V. Poplavskaya – Ph.D (Associate Professor of the Department of Mass Communications of the RUDN University, Deputy Dean of the Faculty of Philology of International Activities of the RUDN University, Head of the educational programs “Multi-media journalism”, “Global and digital media” of the RUDN University) (Russia)

I.S. Leonov – D.Sc.(Philology), Assoc. Prof. (Professor of the Department of World Literature of the Pushkin Institute of the Russian Language) (Russia)

Historical sciences

E.G. Margaryan – D.Sc. (History), Prof. (Head of the Department of World History and Foreign Regional Studies of the Russian-Armenian University)

A.A. Melkonyan – D.Sc. (History), Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Director of the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia)

Psychological sciences

A.S. Berberyan – D.Sc.(Psychology), Prof. (Head of the Department of Psychology, Russian-Armenian University)

O.A. Kornilova – D.Sc.(Psychology), Assoc. Prof. (First Deputy Rector, Professor of the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow “Moscow City Pedagogical University”) (Russia)

Philosophical sciences

G.E. Galikyan – Ph.D in Philosophy, Assoc. Prof. (Head of the Department of Philosophy, Russian-Armenian University)

K.A. Mirumyan – D.Sc.(Philosophy), Prof. (Professor of the Department of Political Sciences of the Russian-Armenian University)

S.G. Oganesyanyan – D.Sc.(Philosophy), Prof. (Professor of the Department of Philosophy of the Russian-Armenian University)

R.Z. Jijyan – D.Sc.(Philosophy), Prof. (Professor of the Department of Philosophy and Logic of the Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan)

Oriental studies

E.I. Zelenev – D.Sc.(Historical Sciences), Prof. (Director of the Department of Oriental Studies, National Research University, Higher School of Economics (St. Petersburg Russia))

G.S. Asatryan – D.Sc. (Philology), Prof. (Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University)

V.A. Arakelova – Ph.D. (Professor of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University)

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian University, 2023

ISSN 1829-0450

DOI 10.48200/1829-0450

© RAU University Press, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Енгоян А.П. Геополитический фактор Армении в регионе Южного Кавказа.....	14
Хачикян С.Р. Отражение проблематики глобального потепления в энергетической политике Республики Армения в контексте международного климатического режима.....	31
Агаян Н.А. Политические мифы и роль СМИ в политической коммуникации.....	42

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Оганесян О.А., Мартиросян Т.Л. Некоторые проблемы совершенствования трудового законодательства РА.....	50
---	----

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Петросян И.Б., Акобян Э.Н. Основные каналы воздействия экзогенных шоков на макрофинансовую среду в Республике Армения.....	55
Аветисян А.Г. О проблемах финансирования исследований и разработок в Армении.....	66
Галстян А.Г. Анализ инвестиционных потоков между РА и РФ.....	75
Бадалян Р.А. Динамика привлечения иностранных инвестиций и оценка их эффективности.....	83

ПСИХОЛОГИЯ

Мартиросян А.Р. Особенности идентичности в период юношеских кризисов в процессе формирования «Образа-Я».....	94
---	----

ЛИНГВИСТИКА

Варданян М.А. Анализ лексических ошибок изучающих английский в академическом письменном дискурсе.....	104
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Овян Г.Р., Саакян К.А. Образовательные потребности и педагогико-психологические услуги для детей с ООП113

Из университетской жизни

Международный психологический форум на площадке РАУ: наставничество-стратегия непрерывного развития и импульс к дальнейшему укреплению российско-армянских научно-образовательных и культурных связей120

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

Engoyan A. Geopolitical factor of Armenia in the South Caucasus region	14
Khachikyan S. The reflection of global warming issues in the energy policy of the Republic of Armenia in the context of international climate regime	31
Aghayan N. Political myths and the role of the media in political communication	42

JURISPRUDENCE

Hovhannisyan O., Martirosyan T. Some problems of improving RA labor legislation	50
--	----

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Petrosyan I., Hakobyan E. Main channels of exogenous shocks influence on the macro-financial environment in the Republic of Armenia	55
Avetisyan A. Issues of R&D financing in Armenia.....	66
Galstyan A. Analysis of investment flows between RA and RF.....	75
Badalyan R. The dynamics of attracting foreign investment and assessing their effectiveness	83

PSYCHOLOGY

Martirosyan A. Specificities of identity during the period of youth crises in the process of forming “Self-image”	94
--	----

LINGUISTICS

Vardanyan M. Academic vocabulary error analysis in EFL learners’ written discourse.....	104
--	-----

THE PROBLEMS OF EDUCATION

Hovyan G., Sahakyan K. Educational needs and pedagogical and psychological services for children with SEN113

From university life

International psychological forum at RAU: mentoring as a strategy for continuous development and impulse to further strengthening Russian-Armenian scientific, educational and cultural relations120

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_14
УДК 327

Поступила: 14.06.2023г.
Сдана на рецензию: 21.06.2023г.
Подписана к печати: 19.07.2023г.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР АРМЕНИИ В РЕГИОНЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА

А.П. Енгоян

*Ереванский государственный университет
aengoyan@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Географические границы Армении еще со времен Первой республики во многом определились не только благодаря героической борьбе армянского народа за независимость, но и явились результатом разрешения множества противоречий и достижения компромиссов между различными геополитическими игроками в регионе. На современном этапе исторического развития одним из вызовов для армянского народа стала активизация пантюркистского сегмента на евразийском пространстве. Именно в нынешних условиях наглядно проявляется определенный историей геополитический фактор Армении в регионе, призванный стать существенным препятствием для расширения пантюркистского ареала. Сегодня, как и сто лет назад, многие мировые геополитические центры хоть и в разной степени, однако заинтересованы в присутствии в Армении и укреплении своего влияния в стране. В этом контексте, как и в условиях изменяющейся парадигмы глобального развития, Армении предстоит разработать взвешенную внешнеполитическую стратегию, учитывающую исторические ошибки прошлых поколений.

Ключевые слова: геополитический фактор, южнокавказский регион, геополитические интересы, евразийское пространство, пантюркизм, евразийство, мировые центры силы.

Регион Южного Кавказа, находящийся в одной из важнейших географических областей евразийского пространства, всегда привлекал внимание мировых центров силы. Это обстоятельство исторически наложило свой отпечаток на судьбу народов, населяющих этот регион как в социально-экономическом и культурном, так и политическом аспектах. С этим связана также историческая судьба государственных образований в регионе, касательно проблем формирования, функционирования и степени их суверенности. Современные границы существующих в регионе трех государств в основном были определены после Первой мировой войны на

основе решений проводившихся международных конференций, а также последовавших за ними геополитических трансформаций в регионе, связанных с активизацией роли Советской России. Собственно говоря, именно геополитические интересы активных мировых и региональных игроков перформатировали современные границы нынешних южнокавказских стран.

В самый разгар Первой мировой, когда после Брестского договора 1918 года южнокавказский регион попал под влияние стран Тройственного (Четверного) союза, образование государств региона было обусловлено стремлением союзников сформировать буферную зону между Турцией и Россией. Было ясно, что с окончанием гражданской войны в России, независимо от того, кто из враждующих сторон внутри страны окажется победителем, Россия вновь обрала свои взоры на территорию Закавказья. Странам Тройственного союза необходимо было подготовиться к такому ходу событий и постараться закрепиться во вновь создаваемых государствах. В частности, Турция на Трапезундской конференции с представителями закавказских народов в марте 1918г. настаивала на отделении Южного Кавказа от России и, в дальнейшем, формировании трех суверенных республик [1].

Однако дальнейший ход событий в мировой войне привел к победе противоположного лагеря – стран Антанты, после чего в регионе утвердилось в основном влияние Великобритании. Дождаясь решений международных конференций, направленных на утверждение нового миропорядка, администрация союзников в регионе не сконцентрировалась на вопросах предварительного прочерчивания границ между образованными в 1918 году государствами Южного Кавказа. Возникающие между ними противоречия и конфликты гасились с условием их разрешения на предстоящих послевоенных мирных конференциях. Региональная администрация в основном занималась социально-экономическими вопросами, в первую очередь, осуществляла контроль над бакинскими нефтяными месторождениями. Понятно, что в ряде возникающих между азербайджанцами и армянами конфликтах симпатии англичан были на стороне первых, дабы не спровоцировать недовольство рядовых граждан нефтеносных областей.

В любом случае, в дальнейшем, исходя из решений в рамках формирующейся Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, стало ясно, что страны-победительницы также стремились посредством образования трех южнокавказских государств воздвигнуть своего рода барьер перед российским государством. Однако при определении их границ Англия и Франция вынуждены были учесть степень участия южнокавказских народов в мировой войне в качестве союзников Антанты, а также исключить возможную активизацию Турции в регионе, естественно, с недопущением воссоединения двух турецких государств. Собственно именно поэтому на Севрской конференции 1920 года границы Армянской республики на Западе были значительно расширены за счет территорий турецкого государства – бывшей исторической Родины армян.

Однако этим замыслам не суждено было сбыться. Ни одна из западных стран не взяла на себя обязательство на осуществление патронажа над армянскими территориями. Во многом это было связано с возникшим еще весной того же года (в противовес Османскому правительству в Константинополе) в центральной части Турции национально-освободительным движением во главе с Мустафой Кемалем, направленным на восстановление былого величия этой страны после значительных территориальных потерь в пользу западных государств. Истощенным войной западным странам, помимо огромных расходов на будущей подмандатной территории Армении, пришлось бы заново втянуться в новое противостояние с Турцией на отдаленных территориях. Тем самым Армения, считающаяся союзницей Антанты, осталась одна перед вновь усиливающейся военно-политической силой в Турции.

Движение турецких националистов своими антиимпериалистическими лозунгами смогло за короткий период объединить значительную часть населения страны и создать солидную боеспособную армию. Не последнюю роль в этом вопросе сыграла Советская Россия, которая, по мере приближения победы в гражданской войне, постепенно осознавала необходимость стратегического присутствия в регионе Южного Кавказа. Восприняв руководителей турецкого национального движения в качестве союзников в антиимпериалистической борьбе, способных объединить народы Ближнего Востока вокруг этой идеи, большевистская Россия направила им значительную материальную помощь, в том числе и вооружениями. Такая помощь позволила кемалистам расправиться с союзниками Антанты – Грецией и Арменией, а также значительно расширить территории уже новой Турции. Кроме этого, в апреле 1920г. России удалось при посредничестве кемалистов утвердить советскую власть в тюркоязычном Азербайджане, через который она смогла связаться со своим новым союзником.

В этот, полный противоречиями и вызовами, исторический период, в отличие от Азербайджана, два других государства Южного Кавказа не смогли объективно оценить складывающиеся в регионе новые реалии и правильно сориентироваться в определении своих внешнеполитических приоритетов. Они продолжили свою прозападную внешнюю политику в надежде на помощь стран Антанты в осуществлении решений международных конференций. В итоге, это привело к определенным территориальным и ресурсным потерям как для Армении, так и для Грузии. После советизации этих государств границы трех южнокавказских республик были окончательно сформированы уже новыми региональными игроками – Россией и Турцией, естественно, без участия европейских стран.

Как видно, процесс формирования государств региона, начавшийся в годы Первой мировой войны и послевоенного урегулирования, в значительной мере отображал протекающие в регионе геополитические перипетии между различными региональными игроками. Однако после дальнейших геополитических трансформаций в международном масштабе здесь в основном утвердились восстановившиеся после войны два центра силы – Россия и Турция. В эти годы многие

западные страны, не проявив определенную заинтересованность и не найдя для себя веских оснований для активизации в регионе, не захотели вмешаться в разрешение региональных проблем, тем самым оказавшись между усилившимися двумя региональными державами.

Что касается России и Турции, то их сближение длилось недолго. Эффективная дипломатическая работа западных стран, а также «гибкость и изворотливость» Турции в международных отношениях перевели эту страну в разряд недругов уже Советского Союза. Это обстоятельство особенно ярко проявилось в годы Второй мировой войны, когда эта страна была готова при определенных условиях вступить в войну против СССР и вернуть себе потерянные Османской империей территории на Южном Кавказе, а также постараться распространить свое влияние вплоть до Центральной Азии и Сибири. Тем самым в Турции были разбужены мечты османских и младотурецких идеологов относительно объединения всех тюркоязычных народов Евразии, в первую очередь, за счет СССР. Подобное враждебное отношение Турции к СССР уже после мировой войны окончательно привело ее в лагерь соперников Советского Союза. Граница Южного Кавказа на длительное время практически стала водоразделом между СССР и Североатлантическим блоком в лице Турции. Однако, как показывают современные настроения у тюркоязычной общественности в различных странах, пантюркистские идеалы, сформулированные задолго до мировых войн, продолжают господствовать не только в Турции, но и у других родственных народов.

Ситуация на Южном Кавказе резко изменилась после распада СССР, формирования однополюсного миропорядка, углубившихся процессов глобализации и вовлечения региональных стран в мировую экономику и финансовую систему. В руках у западных стран, в первую очередь, у США, появились существенные экономические и политические рычаги воздействия на региональные государства.

После долгих лет изнурительной Холодной войны с СССР основным движущим геополитическим мотивом для западных стран стало стремление вытеснить из постсоветского пространства, в том числе из Южного Кавказа, правопреемницу бывшего «заклятого соперника» – современную Россию. В качестве важного рычага воздействия на нее, наряду с другими эффективными мерами, стала использоваться именно идея пантюркизма, способная стимулировать антироссийские настроения как в Азербайджане и Средней Азии, так и на Северном Кавказе, центральных и восточных регионах России. По сути, эта идея стала серьезным геополитическим и экзистенциальным вызовом для современной России, своего рода триггером будущего ослабления и расчленения этой богатой страны. По нашему мнению, этот фактор, безусловно, был учтен российской дипломатией еще 100 лет назад и, как нам кажется, не останется вне ее поля зрения и в настоящее время.

В постсоветский период значительно активизировалась политика «мягкой силы» Турции в отмеченных выше регионах. Практически везде в тюркоязычных областях и республиках были созданы различные благотворительные, религиоз-

ные и просветительские общественные организации и фонды [2]. Они в корне изменили ситуацию в среднеазиатских и во многих российских этнокультурных регионах в контексте восприятия пантюркистских идей. Следует отметить, что сама такая идея очень привлекательна практически для всех тюркоязычных народов с точки зрения объединения их потенциала и превращения тюркского элемента в мощный и весомый фактор на всем евразийском континенте.

Активизация Турции в постсоветских странах совпала с процессами евразийской интеграции. Непосредственным их инициатором стал Казахстан – самая крупная из всех среднеазиатских республик. Непосредственным идеологическим фундаментом интеграционных процессов послужила концепция евразийства, выдвинутая некоторыми русскими эмигрантскими кругами после октябрьских событий 1917 года. Известно, что эта идея была направлена на воссоздание, по мнению этих идеологов, раздробленного российского имперского государства. На их взгляд, в качестве обоснования этого тезиса выступало утверждение о том, что преобладание на евразийском пространстве какой-либо одной сверхдержавы является исторической закономерностью, и это обстоятельство должно способствовать утверждению стабильности во всем регионе.

Примечательным на сегодняшний день является стремление многих турецких культурно-просветительских центров на территории России приспособить пантюркистскую идею к евразийству или даже присвоить его основные постулаты, тем самым придать ему иную идеологическую направленность. Тем более, что по географическим критериям пространство распространения этих двух концепций во многом совпадает. В некоторых регионах страны такая трактовка уже пользуется большой симпатией у местных тюркских этнических групп [3] и, на наш взгляд, несет в себе непосредственную угрозу российской государственности.

Кроме этого, необходимо отметить, что как первоначальная, так и предполагаемая новая «турецкая» трактовка идеи евразийства не может быть приемлемой для некоторых участников евразийских интеграционных процессов, и, в первую очередь, для Армении. Такое понимание евразийской идеи, естественно, приведет не только к потере ее суверенитета, но и создаст для нее вполне реальную экзистенциальную угрозу. Собственно, именно поэтому в самом начале основной акцент в содержании евразийской интеграции был поставлен на ее экономической составляющей.

Армения по своему географическому положению напоминает клин, вбитый в самом уязвимом месте тюркского мира, которое отделяет наиболее сильное в экономическом и военно-политическом отношении государство от остального тюркского мира. На наш взгляд, еще Первая Армянская республика, которая была признана де-факто странами Антанты на восточных рубежах Турции, а по стечению обстоятельств выделена Советской Россией в современных границах, продолжает играть «отведенную» ей роль, в целом, в регионе. На наш взгляд, в этом и кроется основное содержание геополитического фактора Армении в регионе. Конечно, су-

шествуют и другие обстоятельства (экономическая и оборонная мощь, интеллектуальный потенциал, наличие развитых демократических институтов и др.), способные в будущем значительно повысить значимость Армении в региональных процессах. Однако в современных условиях отмеченный выше аргумент, видимо, по-прежнему остается решающим.

Наивно полагать, что в 1921 году часть исторической армянской области Сюник была присоединена к Советской Армении исключительно благодаря заслугам Г. Нжде, который после действительно героической борьбы против татарских войск был вытеснен из области красноармейцами и был вынужден покинуть территорию Армении. Конфигурация новых границ пока еще независимой Советской Армении вместе с Сюником полностью соответствовала интересам Советской России. Это был период, когда все спорные территориальные вопросы в регионе решались исключительно на субъективной основе партийным органом – Кавказским бюро ЦК РКП(б). Ни одна из республик, несмотря на робкие протесты, была не в состоянии изменить его решения (пример Нагорного Карабаха). На наш взгляд, борьба Г. Нжде оказала содействие его скрытым намерениям препятствовать образованию сплошного тюркоязычного пояса в «подбрюшьи» России с выходом на северокавказский регион.

Политика современной Турции на Южном Кавказе и, в целом, в тюркоязычных регионах бывшего СССР, а также активизация националистических сил в стране часто выявляют истинные намерения этого актора региональной политики. Устремления многих турецких политиков все еще остаются в русле пантюркизма, что не может не беспокоить не только Россию, но и некоторые страны Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Не следует забывать, что долгие годы правящая партия в Турции находилась в тесном союзе с националистическими силами, вплоть до радикальной организации «Серые волки» [4]. Следует отметить, что подобные настроения в Турции, приближающиеся, по сути, к идеологии османнизма, приобретают более масштабный характер, когда на них наслаивается панисламистский сегмент в суннитском исполнении. Прослеживается стремление Турции распространить влияние и на государства Ближнего Востока. Понятно, что именно эти обстоятельства в современных условиях становятся основными вызовами для Армении.

В этом отношении политические интересы Армении и России практически идентичны – в обоих случаях они связаны с экзистенциальной угрозой для них. Поэтому общность армяно-российских устремлений в региональной политике понятна и объяснима. Именно в этой плоскости армяно-российские отношения выступают в одинаковой «весовой категории», когда каждая из сторон в равной степени нуждается в другой, в то время как экономическая, военная мощь и размеры страны отходят на второй план.

Сегодняшние реалии практически схожи с обстановкой столетней давности в регионе. В настоящее время на фоне латентных противоречий довольно успешно развиваются российско-турецкие и российско-азербайджанские отношения, и не

только в экономической сфере. Применение западными странами в отношении России многочисленных санкций, связанных с Украинским кризисом, заставило ее в корне изменить логику экономических взаимоотношений со многими государствами, а также пересмотреть торговый баланс с дружественными странами. На первый план в этом отношении для России вышли именно Турция и Азербайджан.

Во-первых, активизировалась работа по созданию на территории Турции газового хаба, способного открыть большие возможности для этой страны в вопросе обеспечения Европы энергоресурсами, поступающими не только из России, но и из месторождений Ближнего Востока и Африки [5]. Вместе с тем расширились возможности турецкого бизнеса для заполнения российского рынка товарами как турецкого, так и зарубежного производства. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что, в отличие от западных стран, Турция продолжила активно взаимодействовать с Россией, в том числе и в вопросе урегулирования кризиса на Украине. Это позволило ей значительно усилить свои позиции на международной арене.

Во-вторых, современные реалии потребовали от России диверсифицировать транспортные потоки, в том числе и с Азербайджаном. После заключения этой страной договоров с Евросоюзом относительно удвоения поставок энергоносителей [6] стало очевидным, что значительная доля перспективных объемов будет заполнена именно российскими углеводородами. Кроме этого, Азербайджан так же, как и Турция, стал играть большую роль на российском рынке товаров и услуг. Не следует забывать и того, что благодаря многолетнему сотрудничеству в самых различных областях, включая культуру, экономику, военно-политическую сферу, эти два государства стали официально называть друг друга «стратегическими партнерами». Россия ввела в оборот дипломатический термин «равноудаленности» во взаимоотношениях с Арменией и Азербайджаном (видимо, в ответ на армянскую политику «многовекторности»). Не последняя роль в подобном сближении принадлежит как Турции, так и дружественным с Россией тюркоязычным государствам Средней Азии.

Понятно, что на сегодняшний день экономические связи России с Турцией и Азербайджаном беспрецедентно расширились, и от этого выигрывают, конечно, все стороны. Это обстоятельство не может не оказать воздействия на региональное политическое сотрудничество между государствами, которое и до украинских событий находилось на довольно высоком уровне.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что подобное сближение трех государств, исходя из отмеченных выше геополитических интересов России, не может причинить вред армяно-российским отношениям, и, тем более, привести к сговору России с тюркскими государствами в ущерб Армении. Конечно, при этом следует учесть необходимость правильной оценки сегодняшних реалий самой армянской дипломатией. Ведь события времен Первой Армянской республики, довольно схожие с современностью, доказали обратное. Неспособность найти действительно

заинтересованного союзника, а также, опираясь на его добрые отношения с окружающими Армению странами, тем самым обеспечить свою безопасность и благополучие, сыграло в свое время роковую роль для армянской государственности.

История показала, что для сохранения баланса интересов на Южном Кавказе России необходим третий актер. В свое время такую роль в Армении выполнял Г. Нжде в Сюнике, хотя данный контекст его участия отвергается многими армянскими историками и политологами. В современных реалиях крупным игроком в регионе становится Иран, который вплотную приблизился к созданию ядерного оружия. Последнее обстоятельство стало сильно беспокоить окружающие Иран страны и, в первую очередь, Израиль, который также стал втягиваться в геополитические процессы на Южном Кавказе [7]. В частности, активное снабжение Азербайджана современными видами вооружений до и после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе отчетливо свидетельствует о намерениях Израиля создать для себя плацдарм у северных границ Ирана. Необходимо отметить, что подобное военнотехническое сотрудничество с Азербайджаном напрямую не направлено против Армении. Однако те изменения геополитической обстановки в регионе, которые могут последовать после использования тем или иным способом азербайджанских вооруженных сил против Ирана, или же ее территории для «сдерживания» южного соседа, могут повлечь за собой серьезные геополитические последствия как для Армении и Ирана, так и для России.

Что касается заинтересованности Ирана в сохранении стабильности в регионе, то, в первую очередь, это относится к вопросу о неизменности границ между государствами Южного Кавказа. Всем субъектам политики на Кавказе становится очевидным, что эти изменения могут затронуть именно южные регионы Армении, мешающие прямому сообщению тюркских государств между собой. В условиях значительной активизации Турецкой республики, а также Азербайджана и Израиля, подобные изменения, безусловно, затронут и северные области Ирана, населенные в основном этническими азербайджанцами (по разным оценкам от 20-ти до 30-ти млн.). Вместе с тем дестабилизация в регионе может привести также к активизации сепаратистских настроений у других народов Ирана, населяющих приграничные с Пакистаном (союзником Турции) районы страны. Этим и объясняются жесткие высказывания официальных лиц Ирана о неприемлемости перекрестных границ в регионе, что в очередной раз наглядно отражает фактор географического положения Армении.

Вместе с тем Иран все шире вовлекается как в мировое торгово-экономическое пространство, так и в функционирование Евразийского союза, а вместе со своим южным соседом – Саудовской Аравией (напомним, что при посредничестве Китая и России между ними восстановлены дипломатические отношения только в 2023 году) сближается с Шанхайской организацией сотрудничества [8]. Перечисленные обстоятельства требуют от Ирана обеспечить стабильность и безопасность всех логистических цепочек, проходящих через Южный Кавказ, в особенности по части обеспечения функционирования системы коммуникаций «Север-Юг».

Амбициозные цели турецких политиков, направленные на преобладание в странах Среднего и Ближнего Востока, а также Северной Африки не могут не вызывать беспокойства и у китайских политиков. Ведь, в частности, в Средней Азии Китай инвестировал миллиарды долларов, чем значительно усилил свое влияние на государства региона. Кроме этого, Турция в регионе опирается на своего давнего союзника – Пакистан, с которым у Китая довольно дружественные отношения. Однако ситуация может существенно измениться с усилением турецкого влияния в центральноазиатском регионе, что, безусловно, приведет к попыткам по выдавливанию из региона Китая. Ко всему этому необходимо добавить усиливающуюся поддержку Турцией центробежных настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая, населенном в основном тюркской народностью. Понятно, что эти факторы должны всерьез настораживать китайскую дипломатию.

Китайская дипломатия, конечно, всегда отличалась изысканностью и гибкостью, посредством чего ей удавалось сглаживать существующие с другими странами противоречия. В частности, с Турцией Китай в настоящее время выбрал путь налаживания торгово-экономических взаимоотношений, связанный с вовлечением этой страны в глобальный проект «Один пояс – один путь» и большими инвестициями в ее экономику [9]. Вместе с этим Китай безмерно усилил свое влияние и присутствие в соседствующей с Турцией стране – Иране, через территорию которого открываются возможности контроля над акваторией Персидского залива и проведения альтернативных транспортных артерий с юга на север в обход Турции [10]. В этом вопросе геэкономические интересы Китая полностью совпадают с позицией Индии, которая также стала играть не последнюю роль в регионе Южного Кавказа.

Следует отметить, что существенное развитие индийской экономики позволяет ей занять более активную позицию в мировых процессах. В частности, в новой редакции внешнеполитической концепции РФ [11] это государство представлено в качестве одного из мировых центров силы. За последние годы Индия предпринимала определенные шаги по наращиванию своего присутствия в регионе Южного Кавказа. В качестве основы для укрепления взаимодействия со странами региона она стала рассматривать транспортный проект «Север-Юг», который для Индии является возможностью создать дополнительный и очень эффективный маршрут, соединяющий страны Индийского океана с Европой [12].

Однако, на наш взгляд, для активизации Индии в южнокавказском регионе существуют и другие причины. В данном случае, необходимо учесть то, что активизация пантюркизма на евразийском пространстве для нее означает усиление враждебно настроенного соседа – Пакистана. Союзнические отношения последнего с тюркоязычными странами способны сформировать довольно мощный центр силы в самом сердце азиатского континента, с которым будут вынуждены считаться практически все страны в ущерб своим национальным интересам. Воспрепятствование таким негативным последствиям распространения турецкого влияния для них представляется возможным с помощью «исторически наработанного

средства» – усилением своего присутствия в самом уязвимом месте пояса тюркского мира – Армении. В этом и состоит, на наш взгляд, геополитическая составляющая активизации индийского присутствия на Южном Кавказе.

Опасность формирования пантюркистского пояса от Стамбула через центральные районы Азии и до Северного Ледовитого океана не может оставить равнодушной и европейские страны, особенно государства Восточной Европы и Средиземноморья. У многих народов этих областей еще свежа историческая память относительно турецких притязаний к Европе в различные исторические периоды. Формирование в непосредственной близости от них мощного объединения тюркских государств, представляет значительную угрозу, – как в экономическом и демографическом, так и геополитическом отношениях.

В современный период у европейских стран сложились довольно сложные отношения с Турцией, несмотря на вхождение последней в военно-политический союз со многими из них. Под предлогом недовольства «искусственным затягиванием» вопроса вхождения Турции в Евросоюз она во взаимоотношениях с ЕС и входящими в него конкретными странами очень часто прибегает к неприкрытому давлению. В качестве рычага воздействия на них используются самые разные механизмы. К ним можно причислить периодическую организацию «миграционных волн» из Турции в Европу переселенцев из Азии и Африки, которые нашли пристанище на территории страны; давление на европейские правительства посредством активизации местных турецких общин, в особенности, в период избирательных кампаний; использование политического ислама в качестве мобилизационного ресурса не только европейских турок, но и представителей других исламских народов на территории европейских стран и др.

Одним из главных средств давления, естественно, является экономико-географический фактор. В настоящее время через Турцию (или за пределами ее территории, но под ее контролем) проходят важнейшие транспортные и энергетические коммуникации. Не следует сбрасывать со счетов и торговую активность Турции на европейском рынке, где качественные турецкие товары наравне конкурируют с китайской продукцией и вполне способны вытеснить ее с рынка, особенно в условиях сильной инфляции в Турции и связанным с ней удешевлением турецких товаров.

Эти обстоятельства, а также нескрываемое стремление Турции усилить свое политическое влияние в Европе, содержат в себе определенные угрозы. Однако для стран континента они не имеют экзистенциального значения, тем более, что многие гипотетические угрозы политического характера вполне могут быть заморожены или нейтрализованы в рамках Североатлантического блока. Тем не менее, в отношениях с Турцией европейским странам и европейской бюрократии очень часто приходится проявлять осторожность и предусмотрительность, сохранять готовность отразить возможные «выпады» турецкой дипломатии в их адрес.

Что же касается других союзников Турции по североатлантическому альянсу – США и Великобритании, то для них вполне приемлемы пантюркистские устремления своего партнера. Дело в том, что угрозы, связанные с распространением

турецкого влияния на евразийском пространстве, почти полностью укладываются в их внешнеполитические стратегии, которые отражены в содержании основополагающих политических документов в этих странах. Так, например, в концепции национальной безопасности США в качестве основных противников определены Россия и Китай, в борьбе с которыми приемлемы самые разные способы борьбы как экономического, так и политического характера [13]. Две англосаксонские страны, используя различные рычаги воздействия на Турцию, вполне способны придать пантюркистским устремлениям непримиримую антироссийскую и антикитайскую направленность, даже в ущерб интересам самой Турции и других тюркоязычных государств. В результате подобных действий довольно привлекательная для тюркских народов идеология пантюркизма может превратиться в источник обострения военно-политической обстановки в центральноазиатском регионе.

Вместе с этим пантюркистский фактор также может быть использован этими влиятельными мировыми центрами силы для оказания давления практически на все страны Большого Ближнего Востока и нетюркские народы Центральной Азии, Россию, Китай, а в плане логистики и на государства Юго-Восточной Азии. Наблюдается стремление этих центров не допустить серьезного усиления какой-либо страны на всем евразийском пространстве. В случае же чрезмерного усиления тюркоязычного пояса, на наш взгляд, ими будут использованы механизмы, направленные на обострение пока еще находящихся в латентном состоянии противоречий внутри самого тюркского мира.

В настоящее время в Турции преобладает влияние Британии, для чего имеются как объективные, так и субъективные предпосылки. Известно, что британские финансовые центры сами, или же при посредничестве банков союзных стран (например, ОАЭ [14]), в течение десятилетий оказывали и продолжают оказывать помощь стране в деле сохранения стабильности ее финансовой системы. Вместе с тем, сохраняются тесные контакты между спецслужбами двух государств, во многом обусловленные личными взаимоотношениями президента Турции Р. Эрдогана с руководителем британской службы МИ-6 Р. Муром [15].

После попытки госпереворота в Турции в 2016 году турецко-американские отношения вошли в кризисную фазу, иногда приводящую к жестким заявлениям турецких лидеров по отношению к политике США. Понятно, что подобные шаги турецкой дипломатии часто направлены на извлечение политических и экономических преференций для своей страны, чего, как правило, они практически всегда добиваются. Однако, несмотря на это, среди населения страны очень усилились антиамериканские настроения. В результате этого, даже после разрушительных землетрясений 2023 года в юго-восточных областях Турции, среди граждан страны со всей серьезностью воспринималась идея о непосредственном участии США в провоцировании этих катастроф с целью заставить Турцию отказаться от «независимой» политики [16].

Тем не менее, в настоящее время не в интересах Турции расторгать взаимоотношения с США, и, как следствие, с НАТО. Она будет и дальше в основном действовать в фарватере западной политики, по крайней мере, до тех пор, пока глобальные тенденции, направленные на установление многополярного мира, не приведут планету к новому миропорядку. Это прекрасно понимают на Западе. Собственно, именно поэтому в вопросах взаимоотношений с Турцией главная роль отводится позитивно воспринимаемой в этой стране дружественной Великобритании, которая, по сути, играет существенную роль в определении внешнеполитической стратегии Турции. Взяв на себя эту функцию, Великобритания значительно активизировалась в регионе Южного Кавказа, и, в частности, в Армении, решая при этом и другую важную для западных стран задачу – «усмирение» регионального соседа – Ирана.

На наш взгляд, в планы Великобритании входит стимулирование интеграционных процессов среди тюркоязычных государств, – вплоть до создания единого межгосударственного политического объединения. Расчет состоит в том, чтобы посредством использования турецкого фактора на порядок ослабить практически все субъекты евразийского пространства. В результате чего, по всей вероятности, удастся предотвратить «неприемлемый» для западных стран процесс сближения между многими государствами этого значимого геополитического и геоэкономического пространства, а, вместе с тем, внести раскол внутри многих народов, – вплоть до их полного или частичного распада (как это происходит в отношениях с Россией). Понятно, что после этого будет существенно ослаблена и континентальная Европа. США и Великобритания при этом получают новый шанс для восстановления пошатнувшихся стратегических позиций на материке до и, возможно, после Украинского кризиса.

Как видно, регион Южного Кавказа в настоящее время, как и сто лет назад, продолжает оставаться центром сосредоточения противоречащих друг другу и взаимоперекрещивающихся интересов мировых и региональных геополитических игроков. Собственно, это обстоятельство заставляет страны региона постоянно оставаться в напряженном состоянии, будучи готовыми к обострению ситуации как в самом регионе, так и на пространстве Большого Ближнего Востока. Любая эскалация напряженности здесь может быть увязана не только с различными противоречиями между ними. Страны региона могут быть искусственно вовлечены в серьезные процессы практически на всем евразийском геополитическом пространстве в угоду различных геополитических акторов. В связи с этим им необходимо взвешенно подходить к действиям всякого рода «доброжелателей», способных втянуть их в заранее предрешенную «авантюру» с непоправимыми последствиями для народов этих стран. Поэтому сегодня, в условиях глобальных изменений в мире, Армении следует реально оценить свою роль в региональных процессах, а также безошибочно определить те центры силы, которые на деле заинтересованы в ее укреплении в качестве активного субъекта и фактора в регионе.

По мнению многих историков и политологов, Армения географически выступает в роли перекрестка между Востоком и Западом, или Севером и Югом. Однако если данное определение применимо к исторической Армении, то в настоящее время подобное утверждение не вписывается в региональные процессы на Южном Кавказе. Существующие размеры страны не позволяют ей в географическом отношении играть существенную роль в архитектуре коммуникаций региона. Как показала практика последних десятилетий, в вопросе налаживания связей между собой соседи Армении вполне могут обходиться без нее. Поэтому вовлечение Армении в систему региональных коммуникаций теснейшим образом увязывается с действиями геополитических акторов, реально заинтересованных в активизации и, как следствие, укреплении Армении в регионе. На наш взгляд, важнейшую роль в этом вопросе играет именно определенный историей фактор «армянского препятствия» для объединения двух соседних турецких народов.

Основные заинтересованные геополитические игроки в регионе действуют, на наш взгляд, исходя из этого судьбоносного для армянского народа обстоятельства. В данном случае речь идет, в первую очередь, о России и Иране. Они понимают, что потеря ими своего влияния или присутствия в Армении с большой долей вероятности чревата ликвидацией ее субъектности, что создаст для них вполне осязаемую экзистенциальную угрозу. Поэтому Армении в вопросах обеспечения национальной безопасности, независимо от своих симпатий или антипатий к властным институтам этих стран, следует твердо опереться на их поддержку, понимая общность интересов сторон в наиглавнейшем для Армении вопросе – ее существования как политической единицы. Однако и самой Армении не следует допускать дипломатических или иных просчетов во взаимоотношениях с ними, что чревато серьезными последствиями для нее. Такое происходило, когда в различные исторические периоды, отмеченные геополитические акторы отворачивались от нее. Как свидетельствует история, возврат этих государств в Армению происходил, как правило, после катастрофических неурядиц в стране. Поэтому объективная оценка истории армянскими исследователями, – реальное, а не мнимое восприятие геополитической действительности вокруг Армении армянскими политиками и политологами сегодня имеет решающее значение в деле обеспечения ее стабильного будущего.

Как было отмечено выше, присутствием в Армении не меньше заинтересованы и такие страны, как Китай и Индия. Следует отметить, что, несмотря на наличие мощной экономики и обладание ядерным оружием, Индия в сегодняшнем мире не может претендовать на роль «вершителя судеб» народов. Поэтому причислить ее к разряду мировых центров силы нам представляется нецелесообразным. При этом она, безусловно, остается серьезным геополитическим игроком на евразийском пространстве. Хотя свои намерения по обеспечению присутствия в том или ином регионе мира Индия осуществляет в основном посредством экономических рычагов (в частности в Армении). Именно таким образом она стремится

купировать угрозы, исходящие из региона Южного Кавказа. Сотрудничество Армении с Индией в области оборонной промышленности никоим образом автоматически не приводит к более тесному военному сотрудничеству, тем более формированию военного союза с ней.

Иначе можно оценить роль Китая в мировой политике. Огромный скачок в развитии экономики этой страны в течение последних десятилетий и колоссальный торговый оборот Китая со всеми континентами планеты заставляет ее руководителей прибегать к более активной, а в ряде случаев и экспансионистской внешнеэкономической политике. Для этого от Китая требуется освоение новых рынков сбыта своих товаров, а также обеспечение свободных и безопасных коммуникаций между субъектами мировой экономики. Этим и объясняется не только геополитическая, но военная активность Китая, как на суше, так и в акватории мирового океана посредством создания военных баз в различных ключевых точках мира. По степени экономического и военного присутствия в различных регионах мира Китай может не только конкурировать с другими мировыми центрами, но и по многим параметрам превосходить их.

Учитывая как экономическую, так и геополитическую заинтересованность Китая в налаживании взаимоотношений с Арменией, нашей стране следовало бы активной привлекать к совместным проектам вторую экономику мира, а, вместе с этим, и налаживать военно-техническое сотрудничество и стратегическое партнерство с этой страной. Для этого армянской дипломатии следовало бы воспользоваться тесным сближением Китая со стратегическим союзником Армении – Россией, оказавшейся в эпицентре санкционной политики западных стран. Необходимо отметить и то, что Китай экономически и в военно-техническом отношении уже приблизился к южнокавказскому региону. Об этом свидетельствуют заключенные между Китаем и Ираном крупнейшие контракты (более чем на 400 млрд. долларов [17]), обеспечивающие беспрецедентный торговый оборот между странами. Вместе с тем Китай наращивает также и свое военное присутствие в зоне Персидского залива и Индийского океана [18], и, безусловно, заинтересован в сохранении стабильности во всех регионах, вовлеченных в глобальный проект «Один пояс – один путь».

Десятилетия независимого существования Армении зафиксировали большой вклад западных стран в дело становления и укрепления современной армянской государственности. В первую очередь, это относится к их шагам в направлении материального и политико-правового содействия укреплению демократии, становлению гражданского общества, утверждению законности, формированию антикоррупционного и антимонопольного законодательства и пр. Однако при этом не следует пренебрегать и геополитической составляющей проводившейся ими политики. В данном случае, по мнению многих политологов, западные страны преследовали очень важную для них геополитическую цель – вывести Армению из-под влияния России, тем самым вытеснить последнюю из всего региона. В настоящее время, несмотря на партнерские взаимоотношения с Азербайджаном и

«неблагожелательный нейтралитет» с Грузией, у России в южнокавказском регионе остается лишь один союзник. Понятно, при этом, какая судьба ожидает ее после отхода Армении от союзнических отношений с ней.

В отношениях с двумя другими государствами региона у западных стран, по сути, не стоит вопрос их «отторжения» от России. Грузия с первых лет независимости однозначно выбрала западный вектор развития, а Азербайджан со времен создания государственности практически слился с «братской» Турцией, являющейся союзницей западных стран по блоку НАТО. Интерес западных государств к этим странам объясняется недопущением чрезмерного их сближения с Россией, а также налаживанием транспортировки энергоресурсов в Европу (в качестве альтернативы российским энергоресурсам), или же укреплением позиций в Черноморско-Каспийском регионе. Армянской дипломатии следовало бы учесть то обстоятельство, что после достижения своих целей по расторжению союзнических отношений с Россией, у западных стран не останется мотиваций для сохранения стабильности в регионе. При этом у западных центров силы, на наш взгляд, должно возобладать стремление направить «пантюркистскую» волну дальше на Восток, в сторону других соперников и конкурентов.

Армения, как известно, интегрирована в ЕАЭС – объединение, более близкое ей по уровню социально-экономического развития, где для нее открыты широкие возможности для освоения евразийского рынка сбыта произведенных в стране товаров, чего добиться очень сложно в западном направлении. Существуют возможности для вовлечения через ЕАЭС в другие евразийские интеграционные проекты. На наш взгляд, в геэкономическом плане Армении следовало бы также активнее укреплять северное коммуникационное направление. Именно в этом направлении открываются большие перспективы по превращению страны в важное связующее звено, что значительно повысит значимость Армении в функциональном отношении. Тем более, что и в другом звене этого коммуникационного канала – Грузии, растет озабоченность по поводу беспрецедентной активизации турецко-азербайджанского присутствия в стране. Она так же, как и Армения должна быть заинтересована в формировании коммуникационной системы «Север-Юг» в широком смысле, с привлечением индийского, китайского и, возможно, иранского и российского капитала.

Таким образом, определенный историей геополитический фактор Армении в регионе Южного Кавказа продолжает играть существенную роль в формировании приоритетов ведущих мировых центров во взаимоотношениях со странами региона, что не может не сказаться на судьбе южнокавказских народов. Вопрос заключается лишь в том, смогут ли государства региона, и, в первую очередь, Армения, извлекая соответствующие уроки из истории, правильно выстроить свои внешнеполитические приоритеты и грамотно использовать объективно протекающие геополитические процессы в своих интересах, а не во вред себе.

REFERENCES

1. *Петросян Г.* Международное положение и внешняя политика республики Армения в 1918–1920 гг. Книга первая. Ер., 2023. СС. 50–104 (на армянском яз.)
2. *Аватков В.* Тюркский мир и тюркские организации. [режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskiy-mir-i-tyurkskie-organizatsii/viewer>].
3. *Аватков В.* Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции [режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-tsennostnyy-faktor-vo-vneshney-politike-turtsii>]
4. Лидер «Серых волков» вручил Эрдогану карту «Тюркского мира» с указанием регионов РФ – 17.11.2021, Sputnik Армения [режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/20211117/lider-serykh-volkov-vruchil-erdoganu-kartu-tyurkskogo-mira-s-ukazaniem-regionov-rf-35468127.html>].
5. Газовый хаб в Турции остается непоколебим // Коммерсантъ FM, Коммерсантъ [режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5811785>].
6. Азербайджан потребовал у Евросоюза дополнительные инвестиции для удвоения поставок газа к 2027 году. Газета.Ru / Новости [режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/11/03/18951295.shtml>].
7. *Халифа-Заде М.* Израиль и Азербайджан: противодействие Ирану [режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izrail-i-azerbaydzhan-protivodeystvie-iranu>]; Иранский МИД: Израиль готовит «заговор» против Ирана на территории Азербайджана – STMEGI. [режим доступа: <https://stmegi.com/posts/106417/iranskiy-mid-izrail-gotovit-zagovor-protiv-irana-na-territorii-azerbaydzhana/>].
8. Саудовская Аравия и Иран договорились возобновить дипотношения. Посредником выступил Китай // BBC News Русская служба. [режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-64919715>]; Саудовская Аравия присоединяется к ШОС, а США остаются в стороне [режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/amp/2023-03-31/Newsweek-Saudovskaya-Araviya-prisoedinyaetsya-k>].
9. Крупнейшие инвестиции Китая в Турцию [режим доступа: <https://www.imtilak.net/ru/turkey/articles/chinese-investments-in-turkey>]
10. Создание зеленого торгового коридора находится на повестке дня Ирана и Китая [режим доступа: <https://ru.armradio.am>].
11. Указ Президента России об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811>].
12. Армения предложила Индии торговый коридор в Россию через Черное море [режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2023/640c6cad9a7947ef9b78009e>].
13. Эксперты – о новой Стратегии национальной безопасности США: «Россия агрессивна из-за своей слабости» [режим доступа: <https://www.golosameriki.com/a/biden-security--strategy/6791312.html>].
14. ОАЭ и Турция заключили соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве [режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/17194959>].
15. Как связан глава службы внешней разведки Великобритании Ричард Мур с Эрдоганом и какие цели он преследует? [режим доступа: <https://ru.yerevan.today/4974>].
16. «США устроили землетрясения в Турции с помощью проекта НААРП» – что наука об этом думает? [режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/ssha-ustroili-zemletryasenie/>].
17. Китай инвестирует в Иран \$400 млрд в обмен на нефть [режим доступа: <https://www.profinance.ru/news/2021/03/28/c1lg-kitaj-investiruet-v-iran-400-mlrd-v-obmen-na-neft.html>].

18. Глобальное развитие китайской инфраструктуры служит прикрытием для тайной военной экспансии [режим доступа: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2022/07/19/feature-01].

GEOPOLITICAL FACTOR OF ARMENIA IN THE SOUTH CAUCASUS REGION

A. Engoyan

Yerevan State University

ABSTRACT

The geographical borders of Armenia since the times of the First Republic were largely determined not only thanks to the heroic struggle of the Armenian people for independence, but were also the result of resolving many contradictions and reaching compromises between various geopolitical players in the region. At the present stage of historical development, one of the challenges for the Armenian people has been the activation of the pan-Turkic segment in the Eurasian space. According to the current situation the geopolitical factor of Armenia in the region, determined by history, is clearly manifested, designed to become a significant obstacle to the expansion of the pan-Turkic area. Today, like a hundred years ago, many world geopolitical centers, albeit to varying degrees, are interested in having a presence in Armenia and strengthening their influence in the country. In this context, as well as in the changing paradigm of global development, Armenia will have to develop a balanced foreign policy strategy that takes into consideration the historical mistakes of past generations.

Keywords: geopolitical factor, South Caucasus region, geopolitical interests, Eurasian space, Pan-Turkism, Eurasianism, world centers of power.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_31
УДК 339.9

Поступила: 04.08.2023г.
Сдана на рецензию: 07.08.2023г.
Подписана к печати: 02.09.2023г.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КЛИМАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА¹

С.Р. Хачикян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
khachikyans@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию особенностей энергетической политики Республики Армения в контексте глобальной климатической повестки. При этом важным ключом к исследованию являются изучение современных тенденций экологизации глобальной экономики, международных договоров по сдерживанию вредного антропогенного воздействия на глобальную климатическую систему, а также перспектив «зеленой» трансформации глобальной энергетической системы. При этом рассмотрены особенности энергетической системы Республики Армения, возможности и потенциал «зеленой» трансформации отрасли в рамках «национального вклада» (NDC) по Парижскому соглашению. Также проанализированы основные форматы сотрудничества Армении по экологизации энергетической сферы в рамках интеграционных процессов с ЕС и ЕАЭС.

Ключевые слова: климатическая повестка, Парижское соглашение, «национальный вклад», энергетика, Республика Армения.

Введение

Еще с 1970-х гг. экологическая тематика стала одной из определяющих факторов мировой политики. Экологические угрозы, в частности, угроза глобального потепления, стали исходными понятиями глобальной политики, находя свое отражение в целом ряде глобальных концепций и в формировании разных институционально-правовых структур. Корреляция между антропогенной деятельностью и глобальным потеплением стала предметом научных и политических дискуссий и ключевым фактором в формировании приоритетных направлений развития социально-экономической сферы.

Одним из первых шагов по созданию международных экологических режимов стали «Саммиты Земли», периодически организуемые с 1972г. – при поддержке

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта №21Т-2Н107.

ООН с целью определения основных проблем устойчивого развития на глобальном уровне. Самым крупным из них стал Саммит 1992 года (ЕСО92), когда была принята «Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию» – основополагающий документ для международного экологического права. В том же Саммите была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), которая ставит своей целью «стабилизацию концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему» [1]. В Приложениях Рамочной конвенции I и II указываются индустриально развитые государства и некоторые страны с «переходными» экономиками, на которых возлагается основная доля ответственности по снижению вредных выбросов, так как большая доля выбросов приходилось на них. Таким образом, в конвенции обозначается общая, но дифференцированная ответственность индустриально развитых стран, которые должны сыграть ведущую роль в реализации обязательств по РКИК ООН [2]. Важным вспомогательным органом РКИК ООН является Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая дает научную оценку состояния изменений климата и потенциальных последствий глобального потепления.

В рамках Саммита 1992г. был сформирован верховный орган Конференция сторон конвенции (“Conference of the Parties”(COP)), который собирается регулярно с 1995г. для обсуждения основополагающих вопросов Конвенции, текущих экологических проблем и выявления путей их решения. Конференции сторон Конвенции (195 стран+ Европейский Союз) имеют решающее значение для определения текущей экологической проблематики и создания механизмов сотрудничества и решения глобальных климатических проблем.

Так, в рамках COP-3 дополнительным документом к Рамочной конвенции стал Киотский протокол, который, дополняя положения РКИК ООН, устанавливал количественные обязательства по снижению выбросов газов для 33-ти промышленно развитых стран и стран с переходной экономикой. Киотский протокол устанавливал контроль над уровнем выбросов шести типов парниковых газов, в частности, углекислого газа, метана и оксида азота. Это был первый международный договор, который предусматривал синхронизацию действий развитых стран по борьбе с изменениями климата и предоставлял возможности и инструменты для стран с переходной экономикой, на которых не возлагались обязательства по протоколу. Одним из нововведений протокола было создание рыночных условий для торговли квотами на выбросы парниковых газов. Это подразумевает, что квоты на выбросы могут быть предметом торговли между странами-участниками Протокола, имеющими обязательства по снижению выбросов [3].

Значительный вклад в экологизацию мировой экономики и изменений основных тенденций развития глобальной энергетической системы был внесен Парижским соглашением, принятым в рамках COP-21 с целью борьбы с изменением климата и уменьшения количества выбросов парниковых газов. В настоящее время к

Парижскому соглашению присоединились 194 стран. В соглашении особое значение придается усилиям по ограничению повышения температуры до 1,5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем, тем самым снижая риск изменения климата. Юридический статус Парижского соглашения можно назвать гибридным: в нем сочетаются нисходящий подход, когда на государства налагаются обязательства, и восходящий подход, когда многие вопросы остаются на усмотрение национальных государств [4]. Подписавшие Парижское соглашение государства договорились в качестве меры поддержки наиболее уязвимых стран стремиться к общей цели в ограничении роста температуры – в 1,5 °С к доиндустриальному периоду.

В отличие от Киотского протокола, который обязывал и возлагал ответственность на ограниченное количество стран, Парижское соглашение упразднило принцип дифференцированной ответственности, призывая международное сообщество сотрудничать по направлению управления климатическими изменениями. Согласно Парижскому соглашению, было введено понятие «национальный вклад» (NDC), который можно определить как совокупность обязательств государств по достижению целей соглашения «при уважении национального суверенитета и при недопущении возложения чрезмерного бремени на Стороны» [5]. Национальный вклад в защиту климата определяется на национальном уровне, – в соответствии с возможностями. Так, в рамках COP-26 более 140 стран обязались достичь нулевого уровня выбросов.

Таким образом, международный климатический режим формировался постепенно, пройдя сложный путь с РКИК ООН до Парижского соглашения, и до сих пор остается уязвимым. Растущее обострение противостояния глобальных держав ставит под вопрос дальнейшее взаимодействие ряда государств по ключевым проблемам глобальной климатической повестки.

«Зеленая» трансформация мировой энергетической системы

В условиях современных принципов всеобщей ответственности за климатические изменения особенно актуальным становится проблема зеленой трансформации энергетических систем, что, одновременно, затрагивает экономические, (гео-) политические, социальные аспекты развития отрасли. Хотя источниками выбросов и парниковых газов в мире также являются промышленные процессы и сельское хозяйство и другие сферы жизнедеятельности, большая часть выбросов – около 70% – связана с производством и потреблением энергии. С целью урегулирования климатических рисков мировая энергетика переживает долгосрочную стадию «великого перехода» в мир, стремящийся к экологизации отрасли и «уходу» углеводорода в условиях структурных и фундаментальных геополитических трансформаций [6].

Энергетические системы развиваются по направлению обеспечения всеобщего доступа к чистой энергии, что обусловлено повышением осознанности по части

защиты окружающей среды. Украинский кризис, который стал причиной энергетического кризиса в ряде стран, также приносит новые корректировки в глобальной энергетической политике. Энергетический кризис в европейских странах вынуждает ускорить процессы экологизации энергетики путем интенсивного развития ВИЭ для повышения уровня энергетической независимости ряда стран.

Декарбонизация глобальной энергосистемы осуществляется разными путями, включая внедрение ВИЭ², синергетических комбинаций, сочетающих возможности ВИЭ, атомной энергетики и генерации на ископаемом топливе. В гуманизации энергетического перехода особую роль играет инклюзивность процесса экологизации энергетики, основанного на принципе вовлечения всех сообществ. В свою очередь, развитие возобновляемой энергетики позволяет повысить уровень энергетической независимости стран, поскольку существенно снижает зависимость государств от внешних поставок топлива, тем самым укрепляя систему энергетической безопасности [7].

Нужно отметить, что на долю возобновляемых источников в настоящее время приходится более 80% новых добавленных мощностей [8]. Согласно докладу Международного агентства по возобновляемым источникам энергии – “World Energy Transitions Outlook-2022”, для достижения поставленных целей Парижского соглашения мировое энергопотребление необходимо снизить на 11% по сравнению с уровнем 2019г. за счет мер повышения энергоэффективности с одновременным увеличением доли ВИЭ в мировом энергетическом балансе – до 79% к 2050г. с уровня 19% в 2019г. При этом использование ВИЭ должно увеличиться во всех секторах конечного использования, включая транспорт и строительство [9]. С другой стороны, быстрые темпы развития возобновляемых технологий создают предлог для дискриминации топливно-энергетических комплексов (ТЭК).

Важность экологизации энергетических систем также нашла свое отражение в Программе устойчивого развития ООН, седьмой целью которого является обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии [10]. Устойчивое развитие энергетических систем, как и других сфер жизнедеятельности, рассматриваемых в программе устойчивого развития ООН, должно включать компоненты социального, экономического и экологического развития. Это означает, что мир должен стремиться к цели развития безопасных, доступных, экологически чистых национальных энергосистем.

Седьмая цель Программы устойчивого развития ООН имеет 5 целевых показателей, которых нужно достигнуть к 2030г.:

1. Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным и современным энергетическим услугам;
2. Существенное увеличение доли ВИЭ в мировом энергетическом балансе;
3. Удвоение глобальных темпов повышения энергоэффективности;

² Возобновляемые источники энергии.

4. Расширение международного сотрудничества для облегчения доступа к исследованиям и технологиям в области «чистой» энергетики;

5. Расширение и модернизация технологической инфраструктуры для предоставления современных и устойчивых энергетических услуг для всех в развивающихся странах.

При этом для достижения каждого из вышеперечисленных показателей решающее значение имеет развитие экологически чистых источников энергопроизводства, в частности, развитие потенциала ВИЭ. Для ограничения повышения температуры менее чем на 1,5 °С в течение столетия доля ВИЭ должна достичь 33–38% к 2030г., а в случае электроэнергетического сектора она должна составлять 60–65%. В 2021г. наблюдался рекордный рост мощности ВИЭ в развивающихся странах (+9,8% за год), при этом совокупная мощность установок достигла 268 Вт на душу населения [11].

Так, согласно данным агентства “BloombergNEF”, инвестиции в глобальный энергетический переход достигли 1 трлн. долл. в 2022г., увеличившись на 31% за год. Они впервые сравнялись с ежегодными затратами на производство ископаемого топлива. При этом крупнейшими по объему инвестиций секторами стали возобновляемые источники энергии (495,4 млрд. долл.) и электротранспорт (466,1 млрд. долл.) [12]. Это свидетельствует об ускоренном внедрении ВИЭ в мировую энергетическую систему, что обусловлено как климатическими проблемами, так и геополитическими изменениями, связанными с Украинским кризисом.

Хотя экологическая направленность в энергетической политике государств для сдерживания глобального потепления имеет жизненно важное значение для смягчения последствий изменения климата, широкий набор факторов имеет гораздо большее значение в формировании стратегий развития национальных энергетических систем. К ним относятся такие факторы, как доступность источников энергии, энергетическая безопасность, независимость от поставок энергоресурсов, энергетическая справедливость, макроэкономическая стабильность, геополитические и геоэкономические сдвиги, технологический прогресс. Несмотря на осознание важности «зеленой» трансформации энергетических систем и усилий национальных правительств по направлению регулирования климатических и экологических угроз, влияние неэкологических принципов при формировании повестки энергетического развития остается решающим.

Отражение климатической проблематики в энергетической политике РА

Основным источником выбросов парниковых газов в Армении является энергетический сектор. В 2017г. 66,7% от общего объема выбросов парниковых газов в Армении приходилось на энергетический сектор. Энергетический сектор включает выбросы от всех видов использования топлива для производства энергии, в том числе топливо, используемое на транспорте, и неорганизованные выбросы, связанные с транспортировкой, хранением и распределением природного газа. Вторым по объему парниковых газов сектор является сельское хозяйство, лесное хозяйство и другие

виды землепользования (18,5%), третьим – промышленный сектор (8,9%), четвертым – сектор по управлению отходами (5,8%). В условиях отсутствия внутренних ресурсов ископаемого топлива Армения зависима от импорта нефти и газа. Основными генерирующими мощностями в Армении являются Армянская АЭС, теплоэлектростанции, крупные гидроэлектростанции, а также малые ВИЭ (малые гидро-, ветровые и солнечные электростанции), которые обеспечили 33,7%, 18,1%, 37,0% и 11,1% от общего объема производства электроэнергии в 2017г., соответственно [13].

Как и большинство стран мира, Армения принимает меры по «зеленому» переходу, развивая технологии экологически чистой и возобновляемой энергетики. Республика на стратегическом уровне придает важное значение декарбонизации энергетической системы в соответствии со своими возможностями и стратегическим видением развития отрасли.

В «Стратегии обеспечения национальной безопасности Республики Армения» подчеркивается важность международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, особенно в сфере смягчения негативных последствий глобальных климатических изменений посредством снижения уровня загрязнения атмосферы Земли [14]. В частности, в «Концепции обеспечения энергетической безопасности Республики Армения» отмечается важность развития ВИЭ и обеспечения устойчивого энергоснабжения с экологической точки зрения на основе принципов устойчивого развития и международных экологических обязательств, принятых РА [15]. При этом развитие ВИЭ рассматривается как один из основных путей диверсификации национальной энергетической системы с целью повышения уровня энергетической независимости.

Важно отметить, что по решению № 955 Правительства РА от 2 октября 2012г., был сформирован Межведомственный координационный совет по изменению климата [16]. Совет занимается сбором, координацией и обменом информацией, связанной с изменением климата, а также предоставлением доступа к этой информации органам власти и международным ведомствам, что обеспечивает прозрачность государственной политики, связанной с изменением климата в Армении.

В связи с активным участием Армении в борьбе с изменениями климата в 2017г. Армения ратифицировала Парижское соглашение, а 22 апреля 2021г. Правительство РА, в соответствии с Парижским соглашением, утвердило пересмотренный национальный вклад (NDC) Армении на 2021–2030гг., согласно которому в рамках 10-летнего периода страна поставила задачу сокращения выбросов на 40% к 2030г. по сравнению с уровнем 1990г. Это также совпадает с целями «Долгосрочной (до 2050 года) стратегии низко-выбросного развития РА» (“Long-Term” (until 2050) “Low Emissions Development Strategy of the Republic of Armenia”), согласно которому выбросы должны быть снижены до 2,07 т CO₂-экв на душу населения. При этом ориентировочная стоимость планируемых действий по сокращению выбросов составляет более 600 млрд. драмов (около 1,5 млрд. долларов США).

Обусловленное обязательствами по Парижскому соглашению, к 2035г. внутренняя потребность в электроэнергии в Армении планируется удовлетворить за

счет возобновляемой энергетики. Это, в свою очередь, обеспечит выполнение Арменией своих обязанностей по Парижскому соглашению, а также окажет определенное влияние на повышение энергетической независимости республики и снижения негативного воздействия на окружающую среду. Государственная программа в сфере развития энергетики также направлена на повышение энергоэффективности экономики и поощрение энергосбережения.

В декарбонизации энергетической отрасли республики решающую роль сыграет дальнейшее развитие атомной энергетики, которая фактически является значительным по объемам «зеленым» источником энергопроизводства. В «Стратегической программе развития энергетики Республики Армения (до 2040 года)» подчеркивается, что «продление срока эксплуатации второго энергоблока после 2026г. является одним из основных приоритетов Правительства Республики Армения, а после истечения срока строительство новой атомной электростанции является основной целью. Наличие атомной электростанции в энергосистеме позволит еще больше диверсифицировать энергоресурсы, не повышать зависимость от импорта природного газа, а также объемы выбросов» [17].

Так, согласно данным Всемирной ядерной ассоциации, за весь период эксплуатации Армянской АЭС удалось избежать 51.52 метрических тонн выбросов CO₂ [18]. Более того, согласно исследованиям, проведенными на национальном уровне и координируемыми МАГАТЭ³, оценка нескольких энергетических сценариев для Армении показала, что дальнейшее использование атомной энергии может позволить полностью выполнить обязательства страны по Парижскому соглашению [19]. Таким образом, наличие атомной энергетики в Армении решает двойную задачу, способствуя обеспечению энергетической безопасности, сокращению выбросов и, тем самым, повышению экологической устойчивости национальной энергетической системы.

Армения также тесно взаимодействует с международными организациями в сфере «зеленой» трансформации энергетической системы и смягчения климатических изменений. Армения разрабатывает план реализации NDC в рамках сотрудничества с Европейским Союзом, который является одним из мировых лидеров в продвижении «зеленой» повестки. Важно отметить, что в 2019г. Европейская комиссия запустила «Европейскую зеленую сделку» (“European Green Deal”), согласно которой ЕС стремится стать углеродно-нейтральной к 2050г.

Основополагающим документом для установления сотруднических отношений между РА и ЕС является «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве», где подчеркивается необходимость содействия использованию ВИЭ, повышения энергоэффективности и энергосбережения в Армении [20]. ЕС содействует установлению возобновляемых мощностей посредством целевого фи-

³ Международное агенство по атомной энергии.

нансирования предприятий и домашних хозяйств Армении. Планы ЕС, нацеленные на развитие возобновляемой энергетики в Армении, направлены на повышение энергетической безопасности и энергетической независимости страны от внешних (в частности, от российских) поставок энергоресурсов. По климатической повестке Армения также тесно сотрудничает с ЕС по программе “EU4Climate”, которая направлена на содействие смягчения климатических изменений в странах Восточного партнерства для реализации национальных целей по Парижскому соглашению. Акцент также делается на повышение доли ВИЭ и энергоэффективности в энергосистеме республики, что в перспективе направлено на создание альтернативы Армянской АЭС.

Развитие «зеленых» видов энергетики является также приоритетной задачей в рамках евразийской интеграции. По мере реализации интеграционных процессов энергетических систем стран ЕАЭС планируется разработать межгосударственную программу, приоритетными направлениями которой являются развитие возобновляемых и альтернативных источников энергии и расширение участия государственных участников ЕАЭС в реализации проектов в сфере атомной энергетики. Основными инициативами ЕАЭС в этом направлении являются программы по увеличению внутреннего производства возобновляемой энергии, повышению энергоэффективности и сокращению выбросов CO₂ при сжигании ископаемого топлива. Эти программы реализуются за счет субсидирования ВИЭ; налогообложения на использование первичной энергии для повышения энергоэффективности и на экологическое загрязнение для сокращения выбросов CO₂ [21].

Армения имеет низкие показатели по объему выбросов углекислого газа на душу населения – по сравнению с другими странами ЕАЭС, уступая лишь Киргизии (Рис. 1).

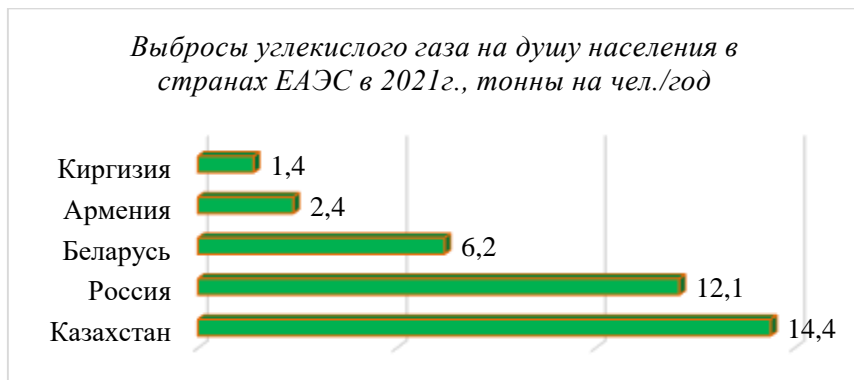

Рис. 1. Выбросы углекислого газа на душу населения в странах ЕАЭС в 2021г., тонны на чел./год. Составлено на основе данных: Винокуров Е. и др. Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе. Евразийский регион в глобальной зеленой повестке. Алматы. 2023. С. 7.

Такая разница в показателях безусловно связана со структурными отличиями внутренних экономик стран ЕАЭС. В России, Беларуси и Казахстане основными эмитентами являются топливно-энергетический и промышленный сектора. В Киргизии значительная доля выбросов приходится на сельское хозяйство. Однако есть также разница по национальным вкладам (NDC) стран ЕАЭС, которые вовлечены в борьбу против изменений климата: Россия имеет амбициозные планы по снижению выбросов на 70% к 2030г. по сравнению с уровнем 1990г; Киргизия установила NDC по сокращению выбросов на 15,97%, а Беларусь – на 28% к 2030г. Казахстан, в свою очередь, принял первый документ по NDC только в 2023г., согласно которому выбросы планируется снижать на 15% к 2030г. по сравнению с уровнем 1990г. Для достижения общих целей по экологизации экономик и энергетических систем стран ЕАЭС необходимо согласование экологических стандартов во избежание торговых барьеров, разработка общих стандартов энергоэффективности и общих планов развития низко-углеродных отраслей энергопроизводства. На стадии формирования общих планов по развитию чистых источников энергопроизводства в рамках ЕАЭС необходимо учитывать опыт стран-участниц в экологизации энергетической системы.

Заключение

Проблема изменения климата имеет решающее значение для выбора дальнейших путей социально-экономического развития на международном уровне. Разрушительные последствия климатических изменений вынудили международное сообщество принять меры по переходу к «зеленой» экономике. Глобальность проблемы объединила усилия международного сообщества и стала причиной формирования глобальных экологических режимов и международных договоренностей по снижению влияния разрушающей антропогенной деятельности на климатическую систему. По объединению усилий по ограничению повышения глобальной температуры особенное значение имеет Парижское соглашение, которое внесло понятие «национального вклада» (NDC) для подписавших стран и позволило синхронизировать усилия государств в борьбе против глобального потепления.

Армения также активно включилась в процесс «зеленой» трансформации экономики и национальной энергетической системы с целью способствовать международным усилиям по сдерживанию глобального потепления. Республика на стратегическом уровне придает важность соблюдению своих экологических обязательств по Парижскому соглашению. Так как основным источником парниковых газов в Армении является энергетический сектор (около 67%), на государственном уровне в основном принимаются усилия по декарбонизации энергетической системы республики посредством интенсивного развития ВИЭ, повышения энергоэффективности экономики и поощрения энергосбережения для достижения национальной цели сокращения выбросов на 40% к 2030г. по сравнению с уровнем

1990г. Решающую роль для достижения поставленных целей будет играть строительство новой АЭС на территории Армении, а также продление срока эксплуатации Армянской АЭС до 2036г. Это позволит Армении иметь гарантированный чистый источник энергопроизводства, что важно как для энергетической безопасности республики, так и для уменьшения объемов выбросов парниковых газов.

Армения активно взаимодействует с международными партнерами по климатической проблематике и экологизации энергетического сектора в рамках интеграционных процессов. Так, сотрудничество Армении с ЕС в энергетической сфере преследует цели модернизации энергосистемы Армении, развития ВИЭ, обеспечения защиты окружающей среды и энергетической стабильности страны с целью предотвращения рисков, в том числе экологических. В свою очередь, ЕАЭС тоже активно продвигает политические инициативы по укреплению энергетической безопасности и развитию экологически чистой энергетики в рамках Союза. Все члены Союза имеют последовательные планы по сокращению выбросов и экологизации экономики. Однако для достижения поставленных целей по сокращению выбросов в рамках ЕАЭС требуется разработка общих планов действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Принятая 09.05.1992.
2. *Сидорова Т.Ю.* Реализация идеи дифференцированной ответственности от Киотского протокола до Парижского соглашения // Сибирский юридический вестник, № 1 (80), 2018. СС. 138–142.
3. *Вирт Д.А.* Глобальное управление в сфере изменения климата Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН // «Вестник международных организаций». Т. 12, № 4, 2017. СС. 185–214.
4. *Ананович М., Барабанов О., Маслова Е., Райнхардт Р., Саворская Е., Черемисин П.* Климатическая политика в глобальном обществе риска. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. С. 14.
5. Парижское соглашение. Принятое 12.12.2015. [режим доступа: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf>, дата посещения: 08.09.2022].
6. *Bardi U.* The grand challenge of the energy transition. *Front. Energy Res.* 2013. [режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fenrg.2013.00002>, дата посещения: 08.09.2022].
7. *Симонова М.Д., Захаров В.Е.* Статистический анализ тенденций развития мировой возобновляемой энергетики // «Вестник МГИМО-университета», № 3(48), 2016. СС. 214–220.
8. World Energy Trilemma Index 2021. In partnership with Oliver Wyman. [режим доступа: <https://bitly.co/BG2s>, дата посещения: 08.09.2022].
9. World Energy Transitions Outlook 2022. 1.5°C Pathway. IRENA, 2022.
10. The 17 Goals. Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development. [режим доступа: <https://sdgs.un.org/goals>, дата последнего посещения: 08.09.2022].
11. The Energy Progress Report 2023: Tracking SDG7. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2023.
12. *Винокуров Е., Альбрехт К., Забоев А., Ключкова Е., Малахов А., Перебоев В.* Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе. Евразийский регион в глобальной зеленой повестке, Алматы, 2023. СС. 19–22.

13. Third Biennial Update Report under the United Nations Framework Convention on Climate Change. Yerevan. UNDP Armenia, 2021. PP. 33–40.
14. Стратегия обеспечения национальной безопасности Республики Армения. 2020.
15. Концепция обеспечения энергетической безопасности Республики Армения, принятая 23.10.2013г.
16. Межведомственный координационный совет по изменению климата РА [режим доступа: <http://www.nature-ic.am/hy/>, дата посещения: 08.09.2022].
17. Стратегическая программа развития энергетики Республики Армения (до 2040 года). Решение Правительства РА №48-Л от 14.01.2021. [режим доступа: http://mtad.am/u_files/file/energy/gazmavarutyun-arm.pdf, дата посещения: 08.09.2022].
18. World Nuclear Performance Report 2021. COP26 Edition. WNA. 2021.
19. Уотсон Н., Донован Дж. Новые исследования показывают, что использование ядерной энергии может способствовать смягчению последствий изменения климата в некоторых странах // МАГАТЭ. [режим доступа: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/ispolzovanie-yadernouy-energii-i-izmeneniya-klimata>, дата обращения: 08.09.2022].
20. Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между РА и ЕС [режим доступа: http://translation-centre.am/pdf/EU_RA_AM_cera_All.pdf, дата последнего посещения: 26.08.2022].
21. Saïymova M., Shakharova A., Rakaeva A., Serikova M., Tasmaganbetov A., Tyurina Y., Bimaganbetova Z. Energy Security, Economics and Environment in the Eurasian Economic Union: Current and Future Scenarios // International Journal of Energy Economics and Policy, 10(4), 2020. PP. 293–299.

THE REFLECTION OF GLOBAL WARMING ISSUES IN THE ENERGY POLICY OF THE REPUBLIC OF ARMENIA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CLIMATE REGIME

S. Khachikyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article studies the features of the energy policy of the Republic of Armenia in the context of global climate agenda. At the same time, an important key for the research is the study of modern trends in the greening of global economy, international treaties on containment of harmful anthropogenic impact on the global climate system, as well as the prospects for “green” transformation of the global energy system. At the same time, features of the energy system in the Republic of Armenia, the possibilities and potential of the “green” transformation of the industry within the framework of the “nationally determined contribution” (NDC) under the Paris Agreement are considered. The main cooperation formats of Armenia on greening the energy sector within the framework of integration processes with the EU and the EAEU are also analyzed.

Keywords: climate agenda, Paris Agreement, “nationally determined contribution”, energy system, Republic of Armenia.

POLITICAL MYTHS AND THE ROLE OF THE MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATION

N. Aghayan

*Institute of philosophy, sociology and law of NAN RA
katriona2000@gmail.com*

ABSTRACT

In the modern global world, improving the forms and methods of political communication is more and more important. Accordingly, it is extremely important, especially for the political authorities, to use the possibilities of political communication in a systematic way. Among those possibilities, the influence of political myths on society is indisputable. The myth, constantly interpreted as a result of unconscious activity and a form of manifestation of the free play of imagination, is still today considered an integral part of the arsenal of every political power and is used to create and build a new reality.

The article examines the new manifestations of myth-making, especially the motivations for expanding the range of applicability of political myths. The role of mass media in the development and dissemination of political myths in political communication is specially analyzed. It is recorded that currently the most influential means of mass media is television, which, influencing the consciousness and psychology of millions of viewers, creates the reality that is desirable for the power managing the given television station, according to the order formulated by the latter. The manipulation technologies and tricks used by mass media and the political myths formed on their basis are presented.

Keywords: political communication, political myths, manipulative technologies, technological myths, eternal myths, public consciousness, socio-psychological influence, mass media.

Introduction

In the modern world, the improvement of the forms and methods of political communication is gradually becoming more and more important, because in order to occupy the leading positions in the global information society, mastering information sources and resources and using them effectively in practice have become crucial. According to the definition of the French political sociologist Roger-Gerard Schwarzenberg, political communication is “the process of transferring political information, through which information circulates between different elements of the political system, as well as between political and social systems”. The constant process of information exchange takes place both among individuals and between the rulers and the ruled in order to reach an agreement [1].

French political scientist Jean-Marie Coutre understands political communication as “the process through which national leaders, media and citizens express their opinions and discuss the meaning and significance of messages related to the implementation of state policy” [2]. In his opinion, communication has the same significance for political life as blood circulation for the human body. According to the American political scientist, sociologist Karl Deutsch (1912–1992), “political communication is the nervous system of state administration” [3]. Accordingly, it is extremely important, especially for the political authorities, to use the possibilities of political communication in a systematic way. Among those possibilities, the influence of political myths on society is indisputable.

Theoretical foundations

Political myths are used for political purposes for the sake of power and forming a political majority, becoming a unique tool of political struggle.

Political myths have been mentioned since ancient times, but they began to be used more intensively after the Second World War, when the whole world was in a recessionary mood, the world economy was broken, moral standards were undermined, after millions of human losses, it was necessary to awaken hope and optimism among peoples. Political myths have been mentioned since ancient times, but they began to be used more intensively after the Second World War, when the whole world was in a recessionary mood, the world economy was broken, moral standards were undermined, after millions of human losses, it was necessary to awaken hope and optimism among peoples. In general, the use of myths is most effective in dire crisis situations, when human consciousness relies on the myth as a more stable and perceptible reflection of reality in order to orientate itself in a fast-changing, incomprehensible social reality, when a moment has been created for members of society to make a choice and orient themselves.

Even in the 21st century, despite the development of information technologies, the accessibility and availability of information, the establishment of democratic institutions, and the strengthening of civil society, myths continue to be widely used. Currently, the daily life and political activities of politicians are unimaginable without the use of various political myths. Being a tool of political manipulation, they are constantly being refined. “They can be changed, get rid of the old ways, adapt to the new culture, but they cannot disappear completely”, says theorist M. Eliade [4].

Indeed, myths have also changed their functional meaning. previously they arose spontaneously, had a mysterious, supernatural character, while now they are so-called everyday working tools, which are developed, prepared and put into use in different layers of society. According to E. For Cassirer, the creation of new myth “production” and “techniques” has become a feature of modern myth. Today, not only the unconscious of an individual creates new myths, but also specialists create them. “New political myths no longer arise spontaneously, they are not the wild fruits of unbridled imagination. On the contrary, they are artificial creations created by skilled and resourceful “masters” [5].

They, influencing the consciousness of the public, throw it into the information trap, control the social behavior and as a result, drive certain actions, leading to the desired result.

Myths are created by dramatizing political life, giving a symbolic character, exaggerating reality, and other means that may seem more credible and real to the public than they actually are [6]. The basis of myths is not people's intelligence, but their feelings and emotions. Therefore, it is impossible to combat myths with rational means. By discovering and debunking one myth, one is immediately influenced by another, and so on. It should be noted that political communication is not a one-way way of information flow through the "government-society" pipe. Political communication, as a variety of social communication, is carried out due to feedback. The effectiveness of that communication in the field of ensuring the internal and external security of the state depends on many socio-political factors and, first of all, the interests of the state, the demands of society, the availability and capacity of mass communication means, the constructive information and security policy of the state [7].

If feedback during political communication is ignored, it will be difficult for the state to evaluate the effectiveness of security-political decisions, because it will be difficult to determine how much public support can be expected in making such decisions. Meanwhile, the future success in dealing with various security threats depends on the flexibility and speed of the government to feel the moods of the public and win its sympathy. It is in this process that the need for myths arises. Currently, political myths are widely used in politics as a form of communication between society and political entities, sometimes they are consistently introduced and exploited as a powerful argument for legitimizing power and politics [8].

In general, the appropriate and correct use of political myths contributes to creating the appearance of being equal parties in the government-society dialogue, which in turn contributes to creating an atmosphere of public solidarity. In his book "Political Myth" [9] Henry Tudor states that political myths are perceived as truths, even if they are actually lies, they are dramatic constructs "for the purpose of perceiving reality" According to Tudor, the myth's becoming political derives from the nature of its problem, which is also political. And for a political story (narrative) to be defined as a myth, the story of events must be described in a dramatic way and used as a practical argument. Political myths can be divided into two main types. The first type are technological myths, which are created to solve current (short-term) problems [10].

For example, after the first Karabakh war, the myth spread among us that the Armenian army is the most powerful and combative army in the region, and the enemy will never dare to attack us, because it will be completely defeated and will have new territorial losses. The second Karabakh war showed the bankruptcy of this myth. Another type of myth is called "eternal". They are based on archetypes and are rooted in the psyche of a given nation. They can be modernized, that is, brought to life, or again "driven" to the depths of the subconscious, placing a powerful barrier in front of them.

For example, in fascist Germany, Hitler actively used old German archetypes in his propaganda. After the defeat in the Second World War, the Germans again “sent” them to the subconscious, putting the “complex of guilt” in front of them as a barrier [11].

National myths occupy a special place among eternal myths. It is noteworthy that the Ukraine scientist G. Pocheptsov's opinion that national self-consciousness is formed on the basis of myths and is inseparable from them [12].

In this sense, the history of the nation is a myth created by the nation for itself. National memory includes those events that correspond to the nature of the national myth.

According to M. Demirchyan, “The degree of mythification of politics largely depends on whether or not it is adequate to social reality. the greater the discrepancy, the more the political myth pervades the political consciousness. In this case, myths are supplemented with false patriotic propaganda, populism, political eloquence, etc.”

Political myths in the media

It is necessary to emphasize a remarkable fact that if in the past the creators of myths were the political forces and their leaders, and the platform for their dissemination was the mass media, now the mass media themselves are often responsible for creating and managing a new reality, thus becoming the social media for the creation of political myths original psychological domain. It is worth noting that among the mass media, the periodical press and radio used to have great authority and influence, which gradually lost significantly to television in competition. The latter, in turn, acquired serious competitors in the form of social networks and internet periodicals.

Having mastered various manipulative forms of information presentation, the mass media can use them according to their goals and problems. Accordingly, depending on the point of view from which the information is presented, the mass media, for example, in the context of tension over a certain issue in the country, can stabilize and calm the situation, and vice versa – mislead, cause alarm, provoke anti-social behavior, etc. The continuous increase in the means of mass communication – smart phones, gadgets, computers and other technical means – is becoming a new prerequisite for faster, targeted, multi-layered dissemination of information flows. As a result, the modern mass media transform the real picture of the world around us, create modern political myths based on technical possibilities, their own ideas about the demand of the society, the demands of the client and many other interests [13].

It is no coincidence that the famous American writer, journalist, political scientist U. Lippman stated that there is only the reality that is reflected in the mass media. The latter create a unique “fake (fake) world” that is presented as the real world. By manipulating reality, they use manipulative tricks to form stereotypes, false ideas and ideas about people, phenomena and processes. In the modern world, in the political information-communication processes, special manipulative technologies are often used instead of separate tricks.

Mass media cannot be imagined without myths. In order for the presented information to be perceived by the widest possible audience, it should be veiled with various

myths. Currently, the most influential means of mass media is still television, which, influencing the consciousness and psychology of millions of viewers, creates the reality it wants. And the viewer psychologically accepts someone else's point of view as his own.

A typical example of the influence of television is R. Nixon and J. Kennedy's televised debates in 1960 During the pre-election phase of the US presidential elections. "The outwardly more presentable Kennedy won over the more "substantial" presentable Nixon. And what is most interesting is that radio listeners, who could not see Kennedy's external advantages, preferred Nixon. Thus, television distorted the perception of reality" [14].

According to the Russian political scientist, sociologist V. Amelin, the following political manipulation actions are used in the myth-making process:

- the introduction of "objective" information into public consciousness, which is desirable for a certain audience,
- in order to instill an effective influence (fear, anxiety, hatred, etc.) related to painful issues for the public consciousness,
- implementation of declared and hidden intentions, the process of achieving which the manipulator connects with the support of his position by society [15].

American researcher J. Brown described the main manipulative methods used to create political myths, which are in the political arsenal of both politicians and mass media [16].

- Use of stereotypes.
- Changing names or tagging.
- Fact selection or "silence and emphasis".
- An obvious lie.
- Repetition of information.
- Assertion.
- Enemy pointing.
- "Throw mud".
- Mockery.
- Manipulation of ratings.
- Citation of authority etc.

In the 21st century, various political myths and technologies are also widely used in the Armenian political reality. A number of studies show [17] that especially during pre-election periods, the myths of conspiracy, hero-savior, unity and golden age were mainly formed by the candidates of political forces, and the most common of the applied manipulation technologies is the labeling technology.

We mentioned above that the most influential mass media is still television. Due to the wide range of technical and technological possibilities, the television of large pavilions is able to organize mass events, tele-debates, discussions, round tables, etc. 2018 can be included in this series. For example, one of the television debate organized within

the pre-election campaign for the extraordinary parliamentary elections on December 9. At that time, tagging technology was widely used by all participants.

Thus, in 2018 during the televised debate organized within the pre-election campaign for the extraordinary parliamentary elections on December 9, the tagging technology was widely used by all the participants. RPA vice-president Vigen Sargsyan, using the myth of conspiracy, put all the responsibility for the desperate situation in the country on the current authorities.

He used the words “dictator”, “dictatorship”, “populist” as labels in his speech. “My step” alliance leader N. Pashinyan, in turn, used the labeling technology, V. Calling Sargsyan “a representative of the LGBT community and a corrupt government”. In addition, he used as labels “a betting economy”, an economy two days away from political death”, “the republican is begging the people”, “a corrupt government that has rejected national values” and other expressions. Suren Sahakyan, chairman of the “Citizen's Decision” party, used the labels “electoral fraud”, “group of criminals protecting their own interests”, “political corpse”.

Labels were also used by the other participants: “transformation”, “ideological”, “butterfly alliances” (“Armenian Revolutionary Federation” representative Armen Rustamyan), “classic opposition”, “classic deputy”, “businessman power” (“Enlightened Armenia” party leader Edmon Marukyan), “personalities, clans and unhealthy political field”, “criminal-oligarchic, criminal regime”, “clutches of the banking, usurious system” (“National Progress” party president Lusine Haroyan), “robbed country”, “criminal cooperation”, “corruption as a system-creating component”, “election code with a criminal component” (“Sasna Tsrer” party leader Varuzhan Avetisyan) and others. Naturally, the mentioned labels had their influence among the TV watching voters in terms of orientation and making the choice.

Conclusion

Thus, the use of political myths in political communication occupies an important place in the modern world. Currently, it is impossible to imagine political activity without the use of various types of political myths. Being a tool of political manipulation, they are constantly being refined. The most effective socio-psychological platform for myth-making is now the mass media. Social-psychological influence techniques and technologies are used in the mass media, which have a great influence on public opinion. Currently, the most influential means of mass media is television, which, influencing the consciousness and psychology of millions of viewers, creates the reality it wants. The viewer, the members of the public are drawn into a great game of manipulation and unwittingly become co-authors of that game.

REFERENCES

1. *Шварценберг Р.Ж.* Политическая социология: В 3-х ч. / Пер. с фр. М., 1992. Ч. 1. С. 180.
2. *Cotteret J.* Gouvernants et gouvernés: La communication politique. Presses universitaires de France, Paris, 1973. P. 9.

3. *Deutsch K.W.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. Free Press of Glencoe, London, 1963. P. 69.
4. *Элиаде М.* Аспекты мифа, М., 2010. С. 53.
5. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // «Вестник Московского университета», Сер. 7, № 2, М., 1990. С. 61.
6. *Մելքոնյան Ն.* ԶԼՄ-ում կիրառվող մանիպուլյացիոն հնարներն ու սոցիալ-հոգեբանական ազդեցության մեխանիզմները // «21-րդ դար», № 5 (63), 2015, էջ 61:
7. *Хубецова З.Ф.* Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт. Учебное пособие в 2-х частях. Часть 1. Исследование и преподавание политической коммуникации, М., 2017. С. 142.
8. *Մելքոնյան Ն., Սարիյան Է.* Հայաստանյան «թավշյա» հեղափոխության միջերը // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Փիլիսոփայություն, հոգեբանություն», № 3 (27), 2018, էջ 77:
9. *Tudor H.* Political Myth, London, Macmillan, 1975.
10. *Հովհաննիսյան Վլ.* Քաղաքական միջերը որպես տեղեկատվական պատերազմի միջոց, «21-րդ ԴԱԸ», թիվ 3 (21), 2008, էջ 124:
11. Նույն տեղը, էջ 125:
12. *Почепцов Г.Г.* Психологические войны, М.-К., Ваклер, 2000. С. 216.
13. *Հարությունյան Գ.* Տեղեկատվական անվտանգություն, Եր., «Նորավանք» ԳԿՀ, 2017, էջ 194:
14. *Почепцов Г.Г.* Психологические войны, М.-К., Ваклер, 2000. С. 216.
15. *Амелин В.* Социология политики, М., 1992. С. 32.
16. *Brown J.A.* Techniques of persuasion. From propaganda to brainwashing, Harmondworth, 1963. PP. 74–79.
17. *Մելքոնյան Ն.* ԶԼՄ-ում կիրառվող մանիպուլյացիոն հնարներն ու սոցիալ-հոգեբանական ազդեցության մեխանիզմները // «21-րդ դար», № 5 (63), 2015; *Մելքոնյան Ն., Քաղաքական միջոցառումների 2008-ի նախագահական ընտրությունների համատեքստում // «21-րդ դար», № 2, 2009, էջ. 94–101; Պապույան Վ., Սարգսյան Հ., Քաղաքական առաջնորդի կերպարի հոգեբանական ընկալումը ժամանակակից հասարակարգում // «Արդի հոգեբանություն», № 2, 2022 և այլն:*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И РОЛЬ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.А. Агаян

Институт философии, социологии и права НАН РА

АННОТАЦИЯ

В современном глобальном мире все большее значение приобретает совершенствование форм и методов политической коммуникации. Соответственно, чрезвычайно важно, особенно для политической власти, системно использовать возможности политической коммуникации. Среди этих возможностей неоспоримо влияние политических мифов на общество. Миф, постоянно интерпретируемый как результат бессознательной деятельности и форма проявления свободной игры воображения, и сегодня считается неотъемлемой частью арсенала каждой политической силы и используется для создания и построения новой реальности.

В статье рассматриваются новые проявления мифотворчества. Особое внимание уделяется мотивации расширения сферы применения политических мифов. Анализируется роль средств массовой информации в развитии и распространении политических мифов в политической коммуникации. Отмечается, что в настоящее время наиболее влиятельным средством массовой информации является телевидение, которое, воздействуя на сознание и психологию миллионов зрителей, создает ту реальность, которая желательна для власти, управляющей данной телестанцией, согласно сформулированному последней порядку. Представлены манипулятивные технологии и приемы, используемые средствами массовой информации, а также сформированные на их основе политические мифы.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политические мифы, манипулятивные технологии, технологические мифы, вечные мифы, общественное сознание, социально-психологическое воздействие, средства массовой информации.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_50
УДК 34

Поступила: 16.02.2023г.
Сдана на рецензию: 27.02.2023г.
Подписана к печати: 17.05.2023г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РА

О.А. Оганесян, Т.Л. Мартиросян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
olga.artymovna44@mail.ru, tatevik-martirosyan@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросам совершенствования трудового законодательства РА. В статье рассматриваются проблемы материальной ответственности работников, проблемы связанные со сроком уведомления о предстоящем увольнении по инициативе работника и т.д. Предлагаются пути совершенствования трудового законодательства РА.

Ключевые слова: трудовой кодекс, работник, работодатель, материальная ответственность, срок уведомления, аморальное поведение и т.д.

Действующий трудовой кодекс РА был принят в 2004г. и вступил в силу 21.06.2005г. В него неоднократно были внесены изменения и самые существенные изменения были внесены 2015 году. Однако до сих пор ТК РА нуждается в совершенствовании.

В частности, в целях более удобного применения на практике норм, касающихся прав и обязанностей работников и работодателей, представляется целесообразным в статье 17 «Работник» и ст. 18 ТК РА «Работодатель» включить пункты, перечисляющие их права и обязанности. В настоящее время права и обязанности как работников, так и работодателей «разбросаны» в разных институтах Трудового права РА и их сконцентрированные в единую норму права и обязанности могут способствовать совершенствованию трудового законодательства РА. Следует отметить, что в Трудовом кодексе РФ в ст. 21 и 22 четко указаны основные права и обязанности работодателя [1].

Отметим, что ряд вопросов вызывает правовое регулирование прекращения трудового договора как по инициативе работника, так и работодателя. Так, ч.1 ст. 112 ТК РА устанавливает право работника расторгнуть трудовой договор, письменно уведомив работодателя не менее чем за 30 дней. Одновременно, там же установлено, что «коллективным договором может быть предусмотрен более дли-

тельный срок уведомления». Очевидно, что установление более длительного срока уведомления исходит из интересов работодателя, если речь идет о высококвалифицированном работнике, замену которому не так-то просто найти.

Увеличение срока уведомления о предстоящем увольнении по инициативе работника до 30 календарных дней (ранее было 14 дней) и без того ставит работника в невыгодное положение. Ведь, если он подыскал себе более подходящую работу и обратился к работодателю об увольнении по соглашению сторон в ближайшие дни, то работодатель в случае отказа, в соответствии с данной нормой, может потребовать, чтобы в случае увольнения по инициативе работника он отработал не менее 30 дней, если более длительный срок уведомления не установлен коллективным договором.

В современных условиях, когда спрос рабочих мест намного превышает предложения, работник, безусловно, рискует потерять более подходящую работу, так как вряд ли будущий работодатель будет ждать его в течение 30 дней, а тем более сверх этого срока.

Считаем необходимым исключить из ст. 112 ТК РА возможность увеличения 30-дневного срока уведомления работодателя.

Анализ оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя, предусмотренных ст. 113 ТК РА, также наводит на мысль о несовершенстве правового регулирования данного вопроса. Если при приеме на работу работодатель, в соответствии со ст. 88 ТК РА, вправе провести квалификационный экзамен на предмет соответствия работника выполняемой работе или занимаемой должности, то почему в случае увольнения его по п. 3 ч.1 ст. 113 ТК РА, то есть при несоответствии работника, работодатель, а не аттестационная комиссия оценивает соответствие работника.

Ч. 3 ст. 120 ТК РА прямо устанавливает право работодателя оценивать соответствие работника квалификационным требованиям или замещаемой должности и расторгнуть с ним трудовой договор по п. 3 ч. 1 ст. 113 ТК РА [2].

На наш взгляд, несоответствие работника должно быть подтверждено решением аттестационной комиссии, в противном случае, при субъективном подходе работодателя к данному вопросу может иметь место нарушение трудовых прав работника.

Что касается такого основания прекращения трудового договора по инициативе работодателя, как утрата доверия по п. 6 ч.1 ст. 113 ТК РФ, то здесь следует внести определенную ясность. Термин «утрата доверия» носит оценочный характер, и работодатель в целях обеспечения своих имущественных интересов может толковать его расширительно, а работник может быть неосновательно уволен [3].

П. 6 ч.1 ст. 113 ТК РА отсылает к п. 1 ст. 122 ТК РА, устанавливающий, что, в связи с утратой доверия, может быть уволен работник, обслуживающий денежные или материальные ценности, если он «совершил действия, вследствие которых работодателю причинен материальный ущерб». Рассматривая понятие «доверие» с точки зрения трудового законодательства, следует предположить, что работода-

тель, доверяя работнику денежные или материальные ценности, не ставит под сомнение честность, добропорядочность работника, выполняющего возложенные на него трудовые обязанности.

Заслуживают внимания мнения некоторых специалистов в области трудового права по данному вопросу. Так, А.Ю. Кухаренко считает, что действия работника, которые могут стать поводом для утраты к нему доверия со стороны работодателя, очень разнообразны. В целом, они включают в себя любое нарушение (либо неисполнение) трудовых обязанностей, установленных трудовым договором, должностной инструкцией, внутренними нормативными актами, которые обязан соблюдать конкретный работник, если исполнение таких обязанностей касается непосредственного обсуждения материальных ценностей [4].

Рассматривая данный вопрос, Л.В. Труханович называет критерии квалификации виновных действий работников в качестве дающих основания для утраты доверия. Во-первых, это – «нарушение работником правил по обслуживанию материальных ценностей, вследствие которых возникла угроза причинения вреда имуществу организации либо созданы условия, при которых в будущем может быть причинен ущерб», во-вторых, это – «действия, явно нарушающие нормативные установления по обслуживанию товарных или денежных ценностей и приведшие к возникновению реального ущерба» [5].

То есть, если в одном случае «для констатации наличия объективной стороны правонарушения достаточно совершение противоправного деяния», то в другом случае, помимо нарушения трудовых обязанностей, связанных с обслуживанием материальных ценностей, работодателю необходимо также установить последствия противоправного деяния – реальный материальный ущерб, а также причинную связь между нарушением трудовых обязанностей и ущербом.

Считаем, что п.1 ст.122 следует сформулировать иначе, предусмотрев, что по этому основанию может быть уволен работник, обслуживающий денежные или материальные ценности, если он совершил какие-либо действия, дающие работодателю основания для утраты доверия к нему.

Таким образом, мы предлагаем исключить из статьи условие причинения материального ущерба работодателю. Ведь может случиться так, что у этого работника образовался излишек, а не недостача, и работодатель, естественно, теряет к нему доверие, так как излишек может образоваться вследствие недостачи, недостача, недомера.

Однако работник может оспаривать это основание увольнения, считая, что своими действиями он не причинил работодателю материальный ущерб.

Далее, п. 2 ст. 122 ТК РА устанавливает право работодателя увольнять работника, выполняющего воспитательные функции, за совершение проступка, несовместимого с продолжением данной работы. Думается, что тут речь может идти как о совершении работником случаев физического или психического насилия над личностью, так и об аморальном проступке. «Аморальным является проступок,

противоречащий общепринятой в обществе морали (например, появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, нецензурная брань, драка, поведение, унижающее человеческое достоинство) и т.д.» [6].

Но можно ли считать аморальным поведение работника, выполняющего воспитательные функции, который по месту работы характеризуется положительно, а в быту ведет себя недостойно [7], например, известны случаи насилия его в отношении членов семьи, пьянства, супружеской измены, внебрачных связей, работы по совместительству в ночном клубе? Либо, если, например, преподаватель предлагает своим ученикам либо их родителям или своим студентам заниматься с ними во внеурочное время за соответствующую плату, дает ли это работодателю основание для утраты к нему доверия?

Во избежание расширительного толкования данной нормы считаем необходимым конкретизировать условия применения данного основания, а также после слов «совершения проступка» дополнить «в том числе в быту».

Желательно, чтобы армянский законодатель уделит отдельное внимание правовому регулированию труда педагогических работников. В этом плане стоит отметить положительность введения в ТК РФ ст. 336, предусматривающей дополнительные основания прекращения трудового договора с педагогическими работниками. В целях дальнейшего совершенствования трудового законодательства РА считаем необходимым предусмотреть в ТК РА статью о преимущественном праве оставления на работе при сокращении численности или штатов работников организации. В частности, тут может идти речь не только о родителях-одиночках, многодетных родителях, воспитывающих несовершеннолетних детей или детей в возрасте до 16 лет, но работников, потерявших членов семьи-кормильцев.

Однозначно многие проблемы направленные на совершенствования трудового законодательства РА, остались за пределами нашей статьи, что будет служить основанием для написания новой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусов К.Н., Андреев А.А., Бондаренко Э.Н. Трудовое право России. М.: «Проспект», 2020.
2. «Трудовой кодекс республики Армения» от 14 декабря 2004 года № ЗР-124//ՀՀՊՏ 2004.12.21/69(368).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001, N 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022).
4. Кухоренко А.Ю. Некоторые аспекты расторжения трудового договора в связи с утратой доверия (п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) [режим доступа: <https://www.top-personal.ru/lawissue.html?-2695>].
5. Труханович Л.В. «Увольнение по всем статьям: утрата доверия со стороны работодателя» (пункт 7 статьи 81 Трудового кодекса) 2005. № 4. СС. 32–48.
6. Комментарий к ТК РФ / Под ред. К.Н. Гусова (6-ое издание). М., 2006. С. 222.
7. Соловьёв В.А. Особенности расторжение трудового договора в связи с совершением работником аморального поступка // журнал «Вестник современных исследований», 2018.

SOME PROBLEMS OF IMPROVING RA LABOR LEGISLATION*O. Hovhannisyan, T. Martirosyan**Russian-Armenian (Slavonic) University***ABSTRACT**

This article is devoted to the issues of improving the labor legislation of the Republic of Armenia. The article deals with the problems of liability of employees, problems associated with the term of notice of the upcoming dismissal at the initiative of the employee, etc. The ways of improving the labor legislation of the Republic of Armenia are proposed.

Keywords: labor code, employee, employer, liability, notice period, immoral behavior, etc.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_55
УДК 33

Поступила: 17.07.2023г.
Сдана на рецензию: 21.07.2023г.
Подписана к печати: 13.08.2023г.

ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭКЗОГЕННЫХ ШОКОВ НА МАКРОФИНАНСОВУЮ СРЕДУ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ¹

И.Б. Петросян, Э.Н. Акобян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
irina.petrosyan@rau.am, elen.hakobyan@student.rau.am*

АННОТАЦИЯ

Экзогенные шоки являются предметом исследования многих экономистов в связи с их возрастающим количеством, повышением степени неожиданности и непредсказуемости их возникновения, и, соответственно, с более тяжелыми последствиями, особенно за последние несколько лет. За годы своей независимости экономика Армении переносила подобные шоки не раз, и с каждым разом последствия для экономики становятся все более масштабными и глубокими. В данной статье была предпринята попытка исследования воздействия ряда экзогенных шоков на экономику Армении. С помощью анализа уже прошедших (глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009гг., региональный валютный кризис 2014 года), недавних (кризис 2020 года – COVID-19 и Вторая Арцахская война) и текущих (положительный экзогенный шок в 2022 году) шоков будут определены основные каналы их передачи в экономику Армении, а также длительность и последствия их воздействия.

Ключевые слова: экзогенные шоки, экономика Армении, каналы передачи шоков, макрофинансовая среда.

Введение

В связи с усилением неопределенности и уязвимости экономик стран, с нарастающим количеством кризисов в мире и их растущей глубиной и шириной охвата, важно понять, как экзогенные шоки воздействуют на финансовую систему не только на микроуровне, но и на макроуровне. С этой же целью в исследование было внесено понятие «макрофинансовой среды», которое охватывает финансовую среду на макроуровне, на уровне государства, т.е. включает в себя как макроэкономические показатели, так и состояние финансовой сферы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № «21Т-5В254». Название темы: «Политика преодоления последствий пандемии COVID-19 и войны в Республике Армения».

Экзогенные шоки стали воздействовать на экономику Армении все чаще и чаще, которая, являясь довольно чувствительной, подвергалась внешним шокам множество раз, начиная с периода приобретения независимости. Частота колебаний заметно увеличилась, и с каждым разом экзогенные шоки становятся все более непредсказуемыми и сильными, неся за собой глубокие потрясения для экономики страны. Являясь малой открытой экономикой – страной, которая ограничена в ресурсах, Армения за последние годы не раз подвергалась внешним шокам. Во-первых, причиной этого является то, что, как отмечалось ранее, экономика Армении является малой и открытой, что обуславливает ее высокую чувствительность к происходящим в мировой экономике процессам и отсутствие возможностей воздействия на них. Во-вторых, существует сильная зависимость Армении от других стран, в частности, от основного торгово-экономического и геополитического партнера – Российской Федерации. Следовательно, такая зависимость, носящая исторический характер, является причиной того, что все негативные – шоки и процессы, возникающие в РФ, передаются и на экономику Армении через миграционные, трансфертные, инвестиционные потоки и внешнеторговые отношения.

Каналы передачи экзогенных шоков

Природа экономических шоков такова, что они лишены единого источника происхождения и являются такими социально-экономическими явлениями, которые сложно, иногда даже невозможно, предугадать, и актуальность данной категории растет достаточно быстрыми темпами в связи с инновационным, технологическим, информационным прогрессом, развитием межстрановых, социальных отношений. Экономические шоки являются основной причиной волатильности экономики страны и образуют ту самую волнообразную динамику экономического цикла.

Для того чтобы определить масштабы возникшего шока, необходимо выявить его источники, изучить механизмы, через которые данные потрясения имеют воздействие на экономику страны, а после этого уже определить необходимые меры реагирования для ограничения углубления кризисных процессов, снижения степени волатильности экономики и негативных последствий в дальнейшем.

Открытость стран и развитие экономических, торговых отношений между странами привели к тому, что страны стали все более близки с точки зрения свободной торговли. Если экономика страны является открытой, то в большинстве случаев внутренняя активность будет совпадать и отражать движения глобальной активности. Это связано с тем, что в силу открытости и взаимозависимости государств, страна в какой-то степени страдает от тех же потрясений, что и другие страны.

В научной литературе, опубликованной после кризисных явлений, приведено множество доказательств существования взаимосвязи между финансовой стабильностью страны и макроэкономическими показателями. Мировые кризисы показали, что финансовая система может быть основным источником передачи эк-

зогенных шоков – потрясений, которые будут нести за собой негативные последствия для экономики страны в целом. В то же время, как отмечается в работе А. Миглиетты и Ф. Вендитти, практика свидетельствует, что финансовые переменные могут служить индикаторами передачи информации, например, о дальнейшей ожидаемой динамике ВВП страны и иных макроэкономических показателей.

Шоки глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009гг.

Мировой финансовый кризис 2008–2009гг. начался еще в июле 2007 года в США, когда мировой кредитный рынок ушел в падение из-за возникшего ипотечного кризиса, падения цен на нефть, что и привело к снижению покупательной способности населения, дисбалансу международной торговли, перегреву кредитного рынка [1]. Кризис затронул экономики всех стран мира, для многих из которых негативные последствия были настолько глубокими, что понадобился длительный период времени для восстановления. Разразившийся в США кризис распространился на европейские страны, а затем и на весь мир. Кризис ликвидности, последовавший за началом мирового кредитного кризиса в июле 2007 года, показал, что наличие «подушки ликвидности» необходимо для стабилизации состояния банковских учреждений и предотвращения кредитного кризиса.

С. Верик и И. Ислам выявили, что за возникновением кризиса в 2007 году стояли сложные и взаимосвязанные факторы, а именно: мягкая денежно-кредитная политика, глобальные дисбалансы, неправильное восприятие риска и слабое финансовое регулирование [2].

А. Адаму на примере экономики Нигерии обнаружил, что финансовый кризис привел к падению цен на сырьевые товары, сокращению экспорта, сокращению портфеля и притока ПИИ², падению рынка акций, сокращению денежных переводов из-за рубежа и т.д. [3].

Валютный кризис 2014 года

В 2014 году экономика России столкнулась с валютно-финансовым кризисом, возникшим вследствие резкого снижения цен на энергоресурсы, в том числе и на нефть, на мировом рынке, доходы от реализации которой составляют большую часть бюджета страны. Обесценение рубля и повышение процентных ставок нанесли большой удар по экономике страны, от которого она не могла оправиться достаточно длительный период времени. Многими известными исследователями был отмечен тот факт, что кризис был порожден не внешними факторами, а стал следствием неустойчивой и неэффективной политики государства. Например, по словам многих исследователей причина не в том, что против России были применены экономические санкции, а в том, что экономика страны имела недиверсифицированную структуру и была сконцентрирована в большей степени на добыче энергоресурсов и полезных ископаемых [4].

² Прямые иностранные инвестиции.

Кризис COVID-19

Кризисная ситуация, порожденная пандемией COVID-19, поставившая перед гранью существования многие страны мира, выделяется своей особо высокой степенью неожиданности и непредсказуемости. Пандемия, являясь большим испытанием для стран мира, заставила пересмотреть экономическую политику государств и внести корректировки в государственное управление, проводить антикризисную политику и поддерживать как население, так и бизнес, ведь пандемия нанесла удар, без исключения, по всем секторам экономики. В результате, отрицательное влияние на экономический рост оказали также пауза в инвестиционном секторе, торговые конфликты между Китаем и США, санкционные противостояния и нарастающий размер государственного долга развивающихся стран [5]. Все это в совокупности привело к ухудшению состояния банковского сектора, снижению платежеспособного спроса вследствие сокращения доходов населения, повышения уровня безработицы в странах.

Пандемия COVID-19 заставила по-новому взглянуть на взаимодействие фискальной и денежно-кредитной политики. Вызванная пандемией рецессия повысила требования как к фискальной, так и к денежно-кредитной политике, получила необходимость более тесной координации внутренней политики и привела к более широкому использованию балансов центральных банков [6].

В ответ на разрушительные процессы были приняты меры, но, как отмечается, они имели краткосрочный характер, и во многом не рассматривалось их дальнейшее воздействие. Как отмечают многие исследователи, удар, нанесенный миру COVID-19, превзошел даже болезнь «испанку», и нынешнее поколение людей переживает самые тяжелые периоды за последние десятилетия.

Поэтому определение эффективных ответных мер является крайне важным вопросом, ведь по словам исследователей, «Эта буря утихнет в скором времени, а те решения, которые мы принимаем сейчас, могут изменить наши жизни на долгие годы». В разных странах мира уже есть исследования, в которых оценивается воздействие кризиса COVID-19. Б. Саху, Д. Ашри и А. Гулати выявили сокращение производственного сектора почти на 30% [7]; К. Диао, П. Дорош, П. Фанг и Е. Шмидт выявили уязвимость домашних хозяйств [8].

Д. Вуллвебер отметил, что «финансовые рынки не сработали, как брандмауэр, и не предотвратили экономический спад». Автор считает, что финансовая система все еще продолжает «тратить важнейшие возможности и ресурсы» для решения тех проблем, которые были еще в 2010 году [9].

Положительный экзогенный шок в 2022 году

В 2022 года начавшийся конфликт между Россией и Украиной принес множество негативных последствий не только для самих стран, но и других стран мира, особенно бедных.

Как отмечается в ежегодном отчете ООН, причина заключается в том, что программа по финансированию беженцев столкнулась с дефицитом имеющихся финансовых средств. По этой причине они были вынуждены сокращать объемы услуг беженцам, чтобы обеспечить равномерность распределения имеющихся ресурсов [10].

В отчете министра финансов Великобритании в парламенте страны было отмечено, что в течение 2022 года усилились глобальные потрясения в сфере энергоснабжения и снабжения продовольствием. Сокращение российского импорта привело к десятикратному росту цен на газ в Европе по сравнению с допандемическим уровнем. Процентные ставки ЦБ стали очень высокими. Тем самым восстановление мировой экономики после COVID-19 было подорвано [11].

Что касается Армении, то в 2022 году наблюдался огромный приток россиян в страну, соответственно, вместе с ними и приток иностранной валюты, рабочей силы. Это привело к экономическому росту в стране, но следует отметить, что положительный шок имеет краткосрочный характер. Уже наблюдается сокращение приезжающих, что и говорит об оттоке капитала.

Аналитическая часть

Для более четкого представления состояния экономики в кризисных периодах и выявления основных каналов передачи экзогенных шоков, был проведен анализ некоторых макроэкономических показателей, которые представлены ниже. Первым был рассмотрен канал внешней торговли.

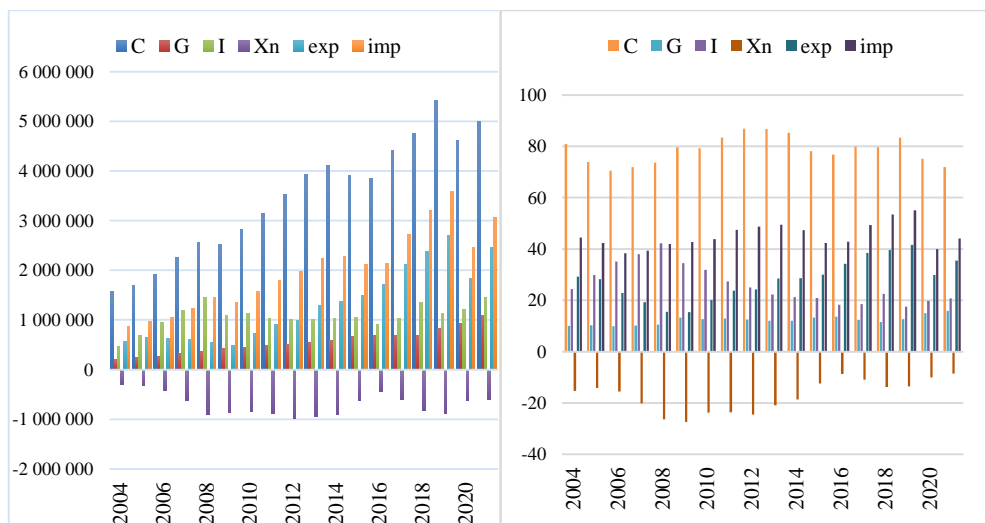

Рисунок 1. Изменение структуры ВВП, рассчитанного по методу расходов (млн. драм.) [12].

Рисунок 2. Изменение структуры ВВП, рассчитанного по методу расходов (в % от ВВП) [13].

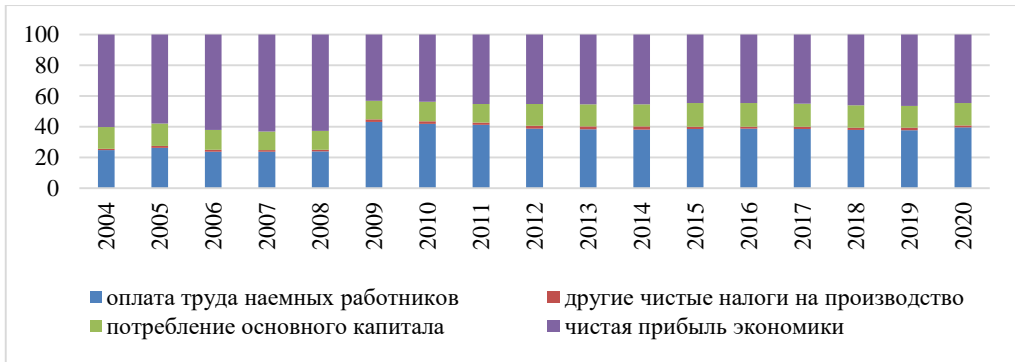

Рисунок 3. Изменение структуры ВВП, рассчитанного по методу доходов (в % от ВВП) [14].

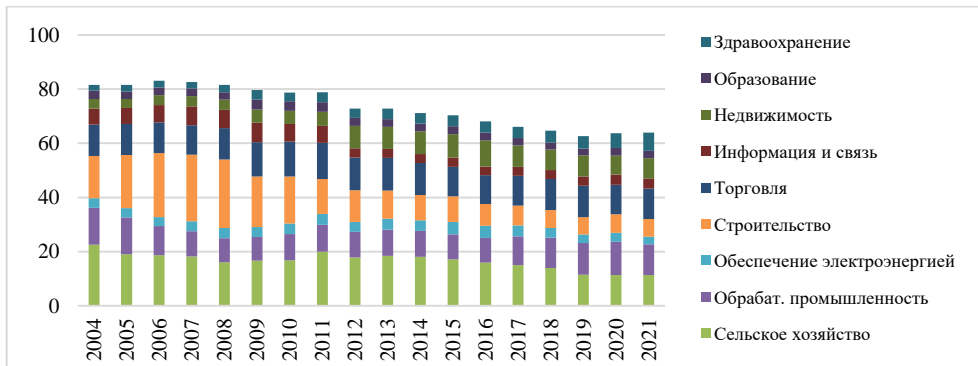

Рисунок 4. ВВП по добавленной стоимости (в % от ВВП) [15].

Анализируя структуру ВВП начиная с 2004г. (Рис. 1, 2, 3, 4), можно сделать следующие выводы:

- в среднем, расходы домашних хозяйств составляют 80% ВВП, что говорит о том, что ВВП в большей степени зависит от расходов, осуществленных домашними хозяйствами;
- отрицательное значение чистого экспорта означает, что импорт превышает экспорт, т.е. Армения – импортозависимая страна, и это, в свою очередь, несет определенные риски;
- государственные расходы составляют в среднем 11–12% от ВВП, что говорит о слабом государственном вмешательстве и финансировании;
- инвестиции, которые являются важным фактором для экономического развития страны, составляют всего 25% ВВП Армении;
- до 2008 года строительство обеспечивало достаточно высокие темпы экономического роста, но после кризиса наблюдается резкий спад данного сектора, что было следствием недиверсифицированности экономики страны;

- по сравнению с периодом до 2008г., экономика Армении в текущем периоде времени более диверсифицирована. Присутствует большая сконцентрированность на сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и торговле.

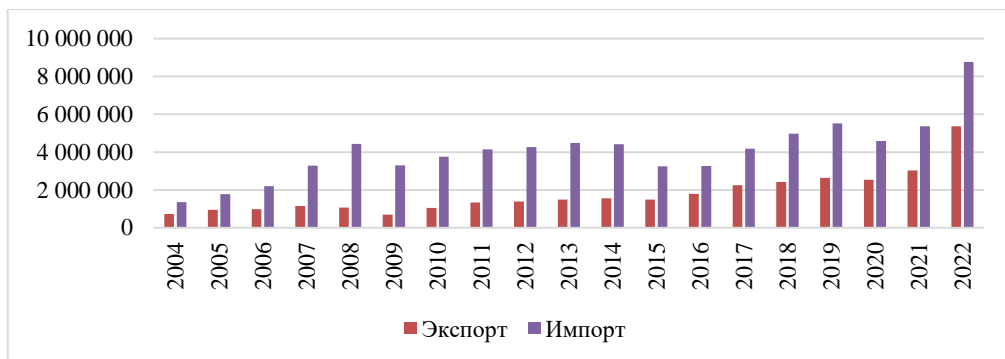

Рисунок 5. Динамика внешней торговли РА (в тыс. долларов США) [16].

Если проанализировать внешнюю торговлю по странам, то получаем следующую картину (Рис. 5, 6, 7). Являясь главным торговым и экономическим партнером РА, Российская Федерация занимает особое место во внешней торговле Армении. Рост экспорта в 2022 году связан со сложившейся ситуацией в России, против которой были применены санкции и запреты. Наблюдается сокращение объемов как экспорта, так и импорта стран ЕС: особенно после вступления Армении в ЕАЭС в 2015 году.

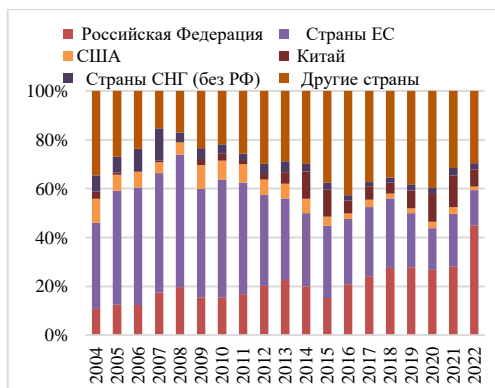

Рисунок 6. Структура импорта РА по странам (в % от общего импорта) [17].

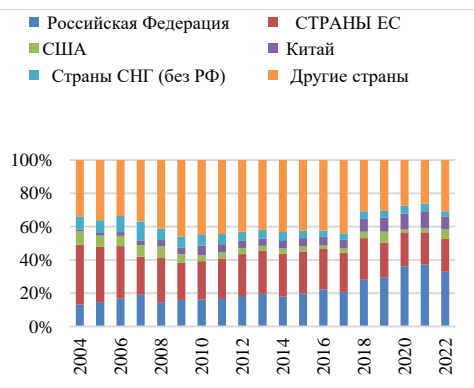

Рисунок 7. Структура импорта РА по странам (в % от общего импорта) [17].

Заметно растет доля и импорта, и экспорта в Китай. В противовес этому, сокращается объем внешней торговли с США, и одной из причин также является вступление Армении в ЕАЭС.

Далее обратимся к каналу частных иностранных трансфертов. Иностранные трансферты всегда играли важную роль в экономике Армении, ведь значительная часть потребительских расходов осуществляется именно за счет трансфертов. Это подтверждают их большие объемы и активная динамика денежных потоков.

Объем поступлений, очевидно, превышает объем оттока. Из Рис. 8 заметно, что их объем существенно увеличивался в периоды кризисов. Отдельного внимания заслуживает показатель 2022 года, что связано с притоком в Армению огромного количества релокантов. В среднем, начиная с 2004 года, поступления составляли около 18% по отношению к ВВП Армении, а перечисления – 10% (см. Рис. 8).

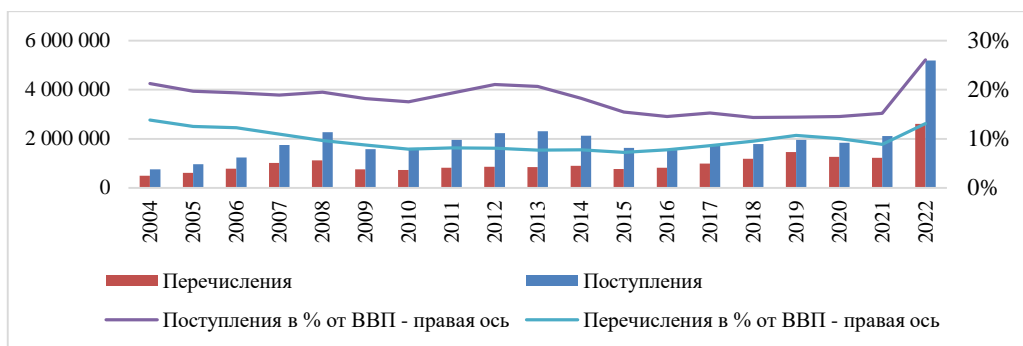

Рисунок 8. Потоки трансфертов в пользу физических лиц (в тыс. долларов США) [18].

Основными странами-донорами трансфертов являются Российская Федерация и США. Приток из России в 2022 году составил приблизительно в 4 раза больше, чем в 2021 году (в 2022 году – 3,59 млрд. долларов, в 2021 году 865 млн. долларов США) (см. Рис. 9).

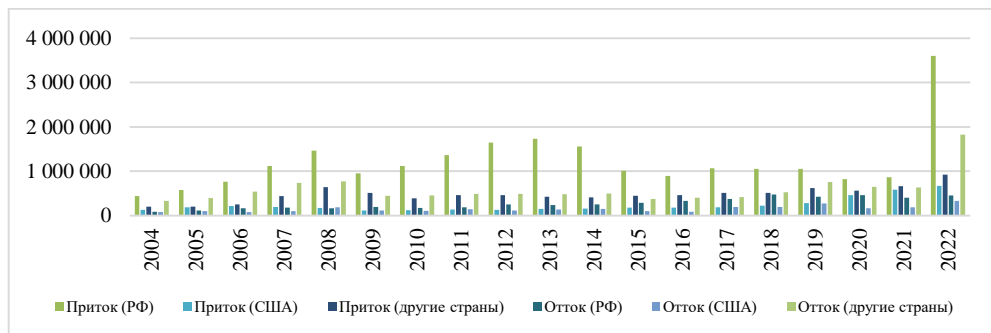

Рисунок 9. Потоки трансфертов по странам (в тыс. долларов США) [19].

Наблюдается сокращение объемов переводов в 2014 году, – в условиях неблагоприятных экономических явлений. После 2008 года это было первое снижение частных иностранных денежных трансфертов (на 9,3%). Причиной уменьшения объемов поступающих частных иностранных трансфертов стало сокращение получаемых

средств из России, особенно когда рубль начал обесцениваться по отношению к доллару США. Все отмеченное привело к снижению объемов потребления.

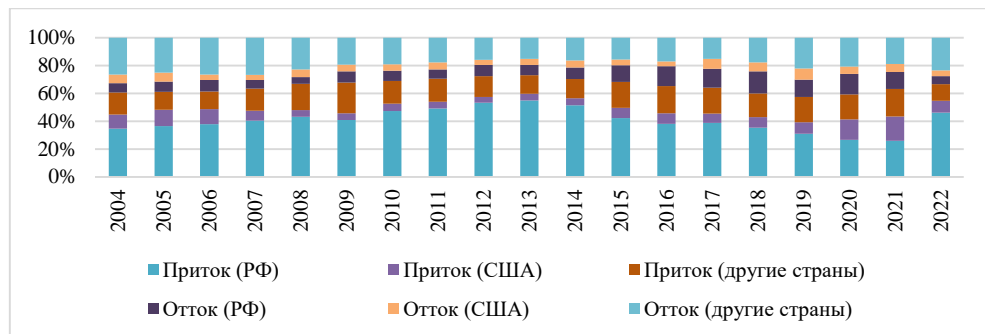

Рисунок 10. Движение трансфертов по странам (в % от общего потока) [20].

Что касается процентных ставок по операциям ЦБ РА на финансовом рынке, можно отметить пропорциональную динамику изменения ставок рефинансирования по заимствованиям и по РЕПО³-соглашениям. Резкие колебания заметны в кризисные годы. После возникновения кризиса 2008–2009гг. Центральным банком проводилась мягкая монетарная политика. Он снизил ставки по РЕПО (в 2009 с 10,59% до 8%), по рефинансированию (в 2009 году с 7,59% до 5%) и по заимствованию (в 2009 году с 4,59% до 2%), тем самым смягчая валютные колебания. А в 2014 году, наоборот, была проведена жесткая политика со стороны ЦБ: поднялись ставки по рефинансированию (с 6,87% до 10,50%), по заимствованию (с 5,37% до 9%) и по РЕПО-соглашениям (с 8,37% до 15,99%) (см. Рис. 11).

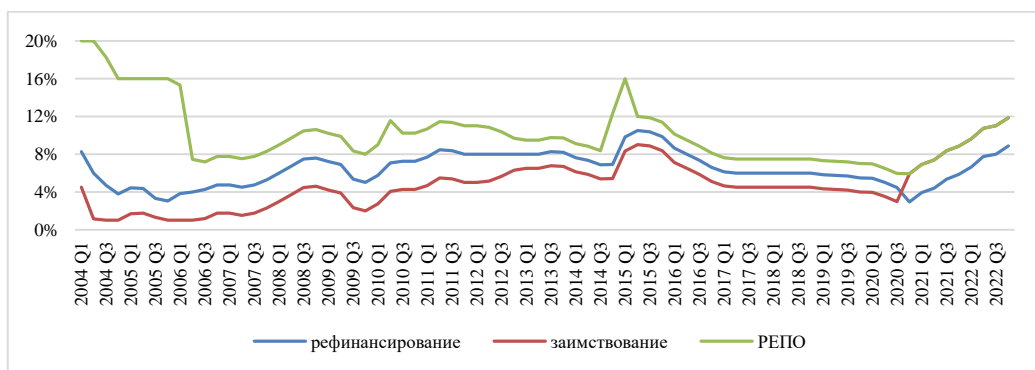

Рисунок 11. Процентные ставки по операциям ЦБ РА на финансовом рынке [21].

Несмотря на то, что существует множество каналов передачи экзогенных шоков, как уже было выявлено, основными из них для Армении являются внешняя

³ От англ. repurchase agreement (вид сделки с ценными бумагами).

торговля (экспорт/импорт) и трансферты. Конечно же, необходимо отметить, что, являясь малой открытой экономикой, Армения чувствительна даже по отношению к слабым шокам, возникшим в мире, но все же, как показывает анализ предыдущих экономических кризисов, основными путями их передачи являются два вышеуказанных канала.

Заключение

На основе изученной литературы было выявлено, что экзогенные шоки оказывают сильное влияние на экономики стран. Будучи интегрированными в мировую экономику и взаимодействуя между собой, страны имеют определенные каналы передачи шоков. За последние 15 лет экономика Армении пережила четыре крупнейших кризисных периода, а именно: глобальный финансово-экономический кризис (2008–2009), валютный кризис (2014), кризис 2020г. – COVID-19 (2020–2021) и Вторую Арцахскую войну (2020), положительный экзогенный шок 2022 года.

В аналитической части было выявлено, что основными каналами экзогенных шоков для Армении являются внешняя торговля, частные иностранные трансферты и каналы финансового рынка. Конечно же, Армения подвержена даже самым незначительным шокам, возникающим в мире, но все же, как показывает анализ предыдущих экономических кризисов, основными путями их передачи являются два вышеуказанных канала. В периоды экономических кризисов ЦБ Армении вмешивался в ситуацию, применяя ряд своих инструментов – с целью недопущения глубоких спадов экономики страны (регулируя процентные ставки, осуществляя политику «дорогих» или «дешевых» денег, в зависимости от ситуации), однако кризисы все равно имели воздействие на экономическую активность в стране, а также на макрофинансовую среду в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Avgouleas E.* International Financial Regulation, Access to Finance, Systemic Stability, and Development // Society of International Economic Law (SIEL) Inaugural Conference, 2008.
2. *Verick S., Islam I.* The Great Recession of 2008–2009: Causes, Consequences and Policy Responses // IZA Discussion Paper No. 4934, 2010.
3. *Adamu A.* The Effects of Global Financial Crisis on Nigerian Economy // International Journal of Investment and Finance, Vol. 1, No. 1&2, 2009. PP. 11–21.
4. *Sueddeutsche Z.* BDI-Präsident sieht Wohlstand und Wachstum in Gefahr. [URL: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/bundesverbandder-deutschen-industrie-bdi-praesident-sieht-wohlstand-und-wachstum-ingefahr-1.2281448>].
5. *Grishin V., Domashchenko D., Konstantinova L., Koshkin A., Ustyuzhanina E., Shtykhno D., Shubenkova E.* Life after the pandemic: economic and social consequences // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics, Vol. 3, 2020. PP. 5–18. [DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-5-18].
6. BIS. The monetary-fiscal policy nexus in the wake of the pandemic // BIS Papers, No 122, 2022.
7. *Sahoo B., Ashri D., Gulati A.* Impact of COVID-19 on the Indian Manufacturing Sector: An Empirical Approach // Empirical Economics Letters, No. 20, 2021. PP. 317–332.

8. *Diao X., Dorosh P., Fang P., Schmidt E.* Effects of COVID-19 and Other Shocks on Papua New Guinea's Food Economy: A Multi-Market Simulation Analysis // IFPRI Discussion Paper, No. 02004, 2021.
9. *Wullweber J.* The COVID-19 Financial Crisis, Global Financial Instabilities and Transformations in the Financial System. Transformative Responses to the Crisis, No3, 2020.
10. UNHCR The UN Refugee Agency /Underfunded report/, September 2022 [URL: <https://reporting.unhcr.org/underfunded-report-2022>].
11. Office for Budget Responsibility (2022) Economic and fiscal outlook. Government of UK, CP 749.
12. Официальный сайт ЦБ Армении <https://cba.am/>
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Официальный сайт Статистического комитета Армении <https://armstat.am/>
17. Там же.
18. Официальный сайт ЦБ Армении <https://cba.am/>
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.

**MAIN CHANNELS OF EXOGENOUS SHOCKS INFLUENCE
ON THE MACRO-FINANCIAL ENVIRONMENT
IN THE REPUBLIC OF ARMENIA**

I. Petrosyan, E. Hakobyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Exogenous shocks have become a subject of study for many economists, due to their increasing number, the greater degree of unexpectedness and unpredictability of their occurrence, and consequently their more severe consequences, especially in the last few years. Over the years of its independence, the Armenian economy has had to endure such shocks more than once, and each time the consequences for the economy have become more extensive and deeper. This paper will examine the Armenian economy under the conditions of exogenous shocks. By analyzing the past (global financial and economic crisis of 2008–2009, regional currency crisis of 2014), recent (crisis of 2020 – COVID-19 and the second Artsakh war) and current (positive exogenous shock in 2022) shocks, the main transmission channels of the shocks will be identified.

Keywords: exogenous shocks, Armenian economy, shock transmission channels, macrofinancial environment.

О ПРОБЛЕМАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК В АРМЕНИИ

А.Г. Аветисян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
ani.avetisyan@rau.am*

АННОТАЦИЯ

Инвестиции в исследования и разработки являются необходимой предпосылкой поддержания конкурентоспособности экономики Армении в современных реалиях. Однако основная доля объемов финансирования в этой отрасли обеспечивается государством. Доля участия частного сектора остается крайне малой – так же, как и степень вовлеченности университетов в создание инновационной продукции. В связи с этим настоящая статья посвящена выявлению основных факторов, препятствующих развитию сферы исследований и разработок в Армении с точки зрения привлечения финансовых ресурсов, а также возможных механизмов стимулирования инвестиций с учетом лучших мировых практик.

Ключевые слова: исследования и разработки, инновации, частно-государственное партнерство.

Научно-техническое и инновационное развитие является необходимым условием поддержания конкурентоспособности экономики страны в условиях стремительных темпов технологических изменений. В этом контексте наблюдается общемировая тенденция снижения интереса к базовому (фундаментальному) финансированию. Во многом это обусловлено тем, что фундаментальное знание, которое, по сути, является основой любых инноваций, требует достаточно много времени для получения и дальнейшей коммерциализации результатов. Именно поэтому частный сектор не заинтересован во вложении инвестиционных ресурсов в фундаментальную науку. В данном случае имеет место провал рынка, устранение которого является функцией государства. В случае прикладных исследований, направленных на удовлетворение инновационного спроса со стороны рынка и, следовательно, имеющих перспективы коммерциализации, возможности привлечения финансовых ресурсов со стороны частного сектора значительно выше. С целью стимулирования исследований и разработок (далее – R&D) государственная политика, как правило, прибегает к прямому финансированию, либо к реализации грантовых программ. Прямое финансирование осуществляется в случае масштабных, долгосрочных и имеющих большую социальную значимость проектов – в первую очередь, в сфере здравоохранения, обороны, космонавтики. Предпочтительное во всех иных случаях финансирование из частных источников, которое стимулируется государством преимущественно посредством налоговых

льгот, предоставляемых частному сектору, содержит в себе другую проблему: в целях минимизации рисков частные предприятия предпочитают выделять финансирование состоявшимся научным и научно-исследовательским учреждениям, что ограничивает доступ к финансовым ресурсам для инновационных стартапов.

В этом контексте следует отметить, что для большинства европейских стран характерна преобладающая роль частного сектора в финансировании исследований и разработок: в среднем, это составляет 40–60% от общих расходуемых объемов. В США эта цифра достигает 75% [1], что аналогично ситуации в странах Восточной Азии: в Таиланде, Японии, Южной Корее и Китае доля участия частного сектора в инвестициях в R&D достигает 80% [2]. В Корее преобладающим является базовое финансирование, при этом государство стремится увеличивать как количество научно-исследовательских институтов, так и объемы расходов, стимулируя вместе с тем прикладные исследования [3]. В США 18% расходов на исследования и разработки составляют фундаментальные исследования, реализуемые за счет государственных средств, 22% составляют прикладные исследования, а 66% – разработки [4], [5]. Необходимо отметить, что основным бенефициаром и, в то же время, ключевым донором частных финансов является сфера промышленности, тогда как половина государственного финансирования направляется на университетскую науку. В странах ОЭСР большая часть государственного финансирования также направлена в сферу промышленности (в виде налоговых стимулов)¹ и на развитие университетской науки.

В целом, мировыми лидерами по объемам совокупных расходов на R&D являются Израиль и Южная Корея, где этот показатель составляет свыше 5% от ВВП. В случае стран СНГ эта цифра не превышает одного процента², а в Армении – примерно 0,2%. При этом среднемировой показатель равен 2,2%, а целевой ориентир – 3%.

На Рис. 1 представлены внутренние расходы на исследования и разработки в Армении. Согласно статистике, за последние 10 лет был зафиксирован кумулятивный рост в объеме 40%, однако темпы роста за указанный промежуток времени не носят стабильного характера. Следует особо выделить 2020–2021гг.: в этот период был отмечен резкий рост объемов финансирования, в частности, в 2021г. по сравнению с 2020г. был зафиксирован рост в объеме 3 млрд. драм., из которых 40% было направлено на модернизацию материально-технической базы и инфраструктуры научных и научно-исследовательских институтов, а остальное – на программы тематического и целевого финансирования³. Вместе с тем, постепенно снижается количество занятых в сфере исследований и разработок (см. Рис. 2), что во многом объясняется низким

¹ Источник: OECD R&D tax incentives database, 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/sti/rd-tax-stats-database.pdf> (Дата обращения: 11 ноября 2022г.)

² Источник: база данных Всемирного банка [Эл. ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (Дата обращения: 29 ноября 2022г.)

³ Источник: официальный сайт Министерства образования, науки, культуры и спорта РА [Эл. ресурс]. URL: <https://escs.am/am/news/8400> (Дата обращения: 9 декабря 2022г.)

средним уровнем зарплат в данной области. Зарплата научных сотрудников не пересматривалась с 2010г., и вплоть до 2022г. средний уровень составлял 90, 400 драмов в месяц. Лишь в 2021г. было принято решение о внесении изменений в шкалу зарплат, с тем, чтобы до 2025г. довести среднюю цифру до 276,000 драмов ежемесячно⁴.

Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки, млн драмов.

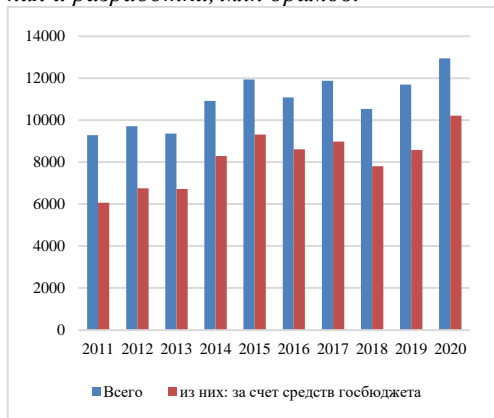
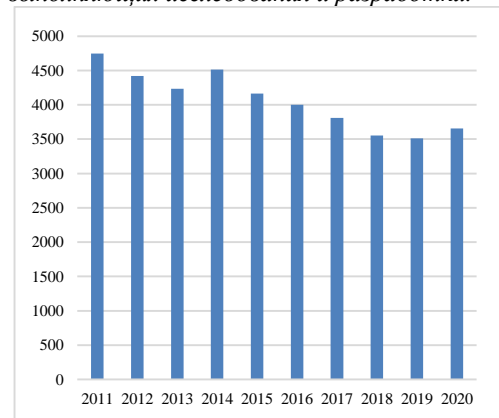

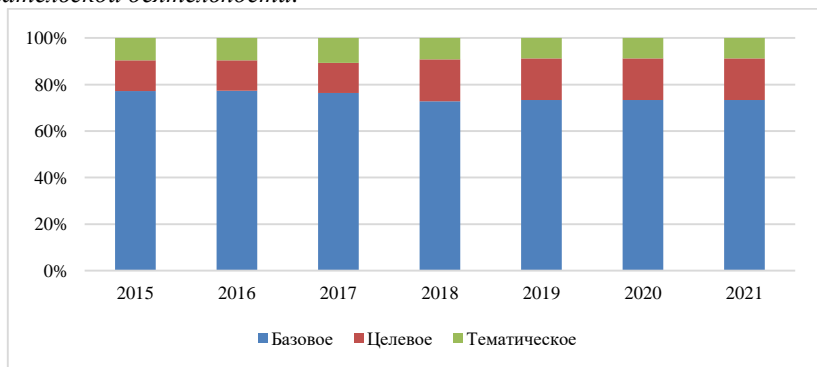
Рис. 2. Численность сотрудников учреждений выполняющих исследования и разработки.

Источник: составлено автором на основе данных Статистического ежегодника Армении, <https://armstat.am/file/doc/99499403.pdf>, <https://armstat.am/file/doc/99526843.pdf>

В Армении так же, как и в большинстве развивающихся стран, примерно 80% расходов на исследования и разработки осуществляется за счет государственных средств, и примерно та же доля этих объемов направлена на базовое финансирование науки (см. Рис. 3) преимущественно в сферу естественных наук, инженерии и технологий⁵.

Рис. 3. Распределение государственных финансовых средств по типам научной и научно-исследовательской деятельности.

⁴ Источник: официальный сайт Министерства образования, науки, культуры и спорта РА [Эл. ресурс]. URL: <https://escs.am/am/news/8686> (Дата обращения: 15 декабря 2022г.)

⁵ Источник: UNESCO Institute for Statistics [Эл. ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/en/country/am?theme=science-technology-and-innovation> (Дата обращения: 2 ноября 2022г.)

Источник: составлено автором на основе данных Background Report – Specific Support to Armenia European Commission 2019.

Следует отметить, что университетская наука не является лидером по объемам выполняемых научных и научно-технических работ: из 65 учреждений, действующих по состоянию на 2020г., 32 составили институты Национальной академии наук Армении, на долю которых пришлось более половины выполненных работ, и лишь 9 – учреждения, подведомственные Министерству образования, науки, культуры и спорта РА. На их долю пришлось 15.5%⁶. При этом, 55% составили прикладные науки, 23.3% – фундаментальные. В целом, возможности инновационного развития Армении ограничены объемами выделяемого финансирования, что обусловлено, в том числе, низкой степенью доступности свободных финансовых ресурсов на внутреннем рынке и недостатком венчурного финансирования. Вместе с тем, притоку прямых иностранных инвестиций препятствуют недостатки в сфере корпоративного права [6], а также в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. В этой связи, большинство армянских стартапов регистрируется в иных странах, в частности, в США, что дает им более широкие возможности по привлечению финансовых средств.

В целом, следует отметить, что в большинстве развитых стран основным бенефициаром расходов на исследования и разработки является сфера промышленности, доля участия которой в Армении, например, сравнительно мала, что во многом является фактором, сдерживающим инновационное развитие [7]. Доля частного сектора в финансировании R&D в Армении достаточно мала, так же как и малы объемы действующего на основании частно-государственного партнерства финансирования науки. В этом плане стоит особо отметить “Enterprise Incubator Foundation” (EIF), который при поддержке “Phillip Morris International” реализует программы, направленные на создание в Армении экосистемы исследований и разработок. В рамках своей деятельности инкубатор оказывает содействие научным и научно-образовательным организациям в развитии исследований в сфере прикладной математики, физики, биологии, цифровых технологий и прочих современных, пользующихся большим спросом, исследовательских направлений. За 4 года деятельности инкубатора бенефициарами стали более чем 100 исследователей из 16 исследовательских учреждений Армении⁷. В совокупности, с целью содействия инновационному развитию при поддержке Инкубатора, посредством фондов “Granatus Ventures” и “Smartgate”, за период с 2014г. было выделено 87.6 млн. долларов венчурного и грантового финансирования на развитие армянских стартапов – преимущественно за счет средств Всемирного банка, Евросоюза и представителей армянской Диаспоры. В свете сказанного следует отметить пробел

⁶ Источник: Национальный комитет статистики РА, «Социальное положение РА в 2020г.» [Эл. ресурс]. URL: https://www.armstat.am/file/article/soc_vich_2020_8.pdf (Дата обращения: 10 ноября 2022г.)

⁷ Источник: Enterprise Incubator Foundation [Эл. ресурс]. URL: <https://www.eif.am/eng/r-d-ecosystem/> (Дата обращения: 6 декабря 2022г.)

в статистическом учете инвестиций, осуществляемых со стороны частного сектора. Согласно оценочным данным, вложения частных инвесторов направляются преимущественно в предприятия сферы ИТ, реализующие свою деятельность на зарубежных рынках [8].

В качестве общего показателя результативности вложений в сферу R&D можно рассмотреть “Global Innovation Index” 2021⁸, в рейтинге которого Армения занимает 69-ое место. Исходя из оценочных значений составляющих индекса, можно вывести следующие проблемы развития сферы исследований и разработок:

- расходы на R&D в Армении значительно ниже среднего мирового показателя;
- по сравнению с рядом развивающихся стран достаточно низки показатели финансирования R&D со стороны частного сектора;
- уровень взаимодействия университетов как основного центра инновационных исследований с частным сектором продолжает оставаться низким;
- по сравнению с тенденциями развития международного рынка труда и структуры спроса на ряд специальностей в Армении продолжает наблюдаться существенная нехватка количества специалистов в области инженерных специальностей и научных работников в целом;
- длительность школьного обучения сравнительно выше, чем аналогичный показатель в ряде других стран мира;
- продолжает оставаться низким удельный вес импорта высокотехнологичной продукции по отношению к ВВП.

Ряд взаимосвязанных проблем выявляется также и при рассмотрении составляющих индекса глобальной конкурентоспособности. Составляющие индикаторы компонента “Research and development” показывают, что Армения отстает по показателям научных публикаций и показателю известности и популяризации научных институтов.

Инновационному развитию Армении, в числе прочих факторов, препятствует и действующая система образования, в частности, низкие объемы ее финансирования, содержание, не ориентированное на потребности рынка труда, и формат, не соответствующий стремительно ускоряющимся темпам мирового технологического развития. Вместе с тем, в Армении не развита надлежащим образом система дополнительного профессионального образования (vocational training), которая может покрыть разрыв между спросом и предложением на рынке труда в силу гибкости сроков и содержания обучения. О наличии подобного разрыва свидетельствуют показатели все того же индекса: опрос представителей бизнес-среды показал, что рабочая сила по своим навыкам не соответствует требованиям работодателей.

Одним из существенных факторов, препятствующих инновационному развитию, как уже было отмечено выше, является низкий уровень импорта высоких технологий: в Армении этот показатель составляет 5% от общего товарооборота. В

⁸ Источник: Global Innovation Index 2021 [Эл. ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (Дата обращения: 13 декабря 2022г.)

региональном масштабе по данному показателю Армения опережает только Азербайджан [9].

В то же время достаточно высоким является показатель экспорта высокотехнологичной продукции, о чем свидетельствует динамика абсолютных и относительных показателей (см. Графики 4 и 5).

Рис. 4. Объемы экспорта высоких технологий, долл.

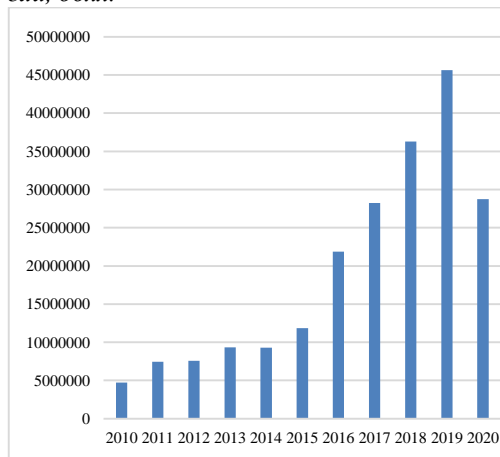
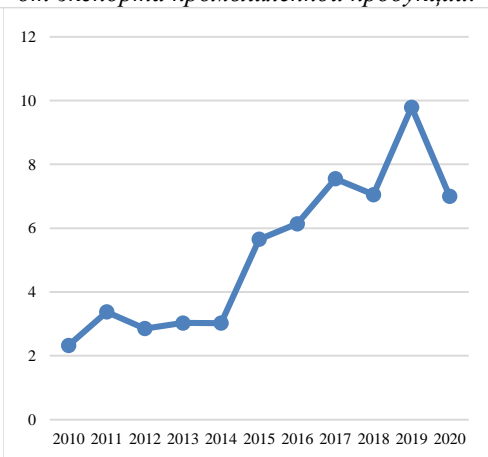

Рис. 2. Экспорт высоких технологий, % от экспорта промышленной продукции.

Источник: составлено автором на основе базы данных Всемирного банка, <https://data.worldbank.org/>

Обозначенные выше проблемы во многом схожи с проблемами развития Южной Кореи начала 1960-ых, когда страна начинала реализовывать первые шаги на пути к инновационному развитию. Залогом успеха Кореи изначально явилась тесная связь университетской науки с промышленностью в рамках программ частно-государственного партнерства. В тот период своего развития страна находилась в существенной зависимости от импорта высокотехнологичной продукции, что стало стимулом для реализации ряда реформ [10]. В частности, в целях снижения зависимости государство в императивном порядке вынудило представителей финансово-промышленных групп осуществить крупные инвестиции в сферу исследований и разработок. В том числе этим объяснялись экономические успехи Samsung и LG, которые несли в себе результаты сотрудничества с академической сферой. Вместе с тем, государство приняло решение о расширении объемов базового финансирования науки, в результате чего был создан ныне действующий Национальный исследовательский университет, – один из лидеров по объемам научных исследований и разработок. При непосредственной поддержке финансово-промышленных групп в стране был создан южнокорейский региональный инновационный центр, стимулирующий экономическое и инновационное развитие страны и действующий как площадка для взаимодействия частного сектора и научных и научно-исследовательских учреждений. В результате стимулирования

участия частного сектора объемы государственного финансирования R&D постепенно сократились. Это стало возможным за счет предоставления налоговых льгот и импорта необходимых высоких технологий. По состоянию на 2019г., Южная Корея была лидером среди стран ОЭСР по объемам налоговых льгот, предоставленных частному сектору с целью стимулирования инвестиций в R&D⁹.

Необходимо отметить, что частно-государственное партнерство в этой сфере эффективно для обеих сторон, так как позволяет разделить риски и расходы, одновременно расширяет возможности для коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности. Этот механизм считается более эффективным с точки зрения стимулирования инвестиций в исследования и разработки, чем налоговые льготы и стимулы. Тем не менее, формат частно-государственного партнерства в научно-образовательной области мало распространен, и чаще всего проявляется в формировании отдельной структуры или структурного подразделения при научно-исследовательском учреждении, основная цель чего – объединение ресурсов. Чаще всего участие частного сектора в данном случае проявляется в следующих формах:

- инвестиции в оборудование и инфраструктуру;
- финансирование текущих исследовательских затрат;
- предоставление человеческого капитала с необходимыми профессиональными навыками;
- предоставление современных решений в области программного обеспечения;
- создание практических возможностей профессионального развития для обучающихся;
- курсы повышения профессиональной квалификации для обучающего персонала;
- финансирование обучения студентов в рамках заказа, представляемого частным сектором образовательным учреждениям.

Следует отметить, что частно-государственное партнерство начало развиваться и в Армении, несмотря на то, что формальное обоснование этот факт получил лишь в 2020г, когда вступил в силу соответствующий закон¹⁰. В научно-образовательной сфере, тем не менее, примеры партнерства встречаются редко – преимущественно в области развития информационно-коммуникационных технологий: в числе наиболее известных случаев можно отметить образовательные центры “TUMO” и “The Innovative Solutions and Technologies Center” (ISTC).

⁹ Источник: R&D Tax Incentives: Korea, 2021. OECD Database [Эл. ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/sti/rd-tax-stats-korea.pdf> (Дата обращения: 17 октября 2022г.)

¹⁰ См. «Закон Республики Армения о государственно-частном партнерстве» от 28 июня 2019г. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=132596> (Дата обращения: 10 октября 2022г.)

Подводя итоги проведенному анализу, можно утверждать, что финансирование фундаментальных исследований (в рамках программ базового финансирования науки) должно оставаться приоритетом государства, поскольку это направление не представляет собой интерес для частного сектора, однако имеет существенный вклад в создание нового знания дальнейшего инновационного развития в целом. Вместе с тем, в целях поддержания конкурентоспособности экономики страны в условиях стремительного развития цифровых технологий необходимостью являются прикладные исследования и разработки, которые в большинстве развитых стран финансируются частным сектором, исходя из потребностей, диктуемых рынком. Для Армении в условиях существующих экономических и военно-политических рисков более чем необходимо повышать объемы финансирования R&D, доведя их хотя бы до среднемирового уровня – 2% от ВВП страны. С этой целью государство должно создавать благоприятные условия для бизнеса посредством предоставления налоговых льгот в случае инвестирования в R&D. При этом необходимым является пересмотр структуры распределения государственных средств в сторону больших объемов финансирования университетской науки – с одновременным обеспечением связи с частным сектором. Будучи центром инновационного развития, университетская наука призвана создавать продукцию, которая будет вносить свой вклад в рост и развитие конкретных, наиболее востребованных отраслей экономики. Это означает, что государственное финансирование прикладных проектов (в том числе и в рамках программ тематического финансирования) более эффективно, если предоставляется университетам исключительно в случае наличия предпосылок сотрудничества с частным сектором, при обязательном условии привлечения софинансирования заказчиком в лице конкретного предприятия. Подобный подход позволяет также решить одновременно и вопрос коммерциализации научных исследований и разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Супян В.Б.* Научные исследования в США: финансирование, структура, результаты / Журнал НЭА, №1 (41), 2019, [режим доступа: <http://www.econorus.org/repec/journal/2019-41-201-207r.pdf>]. СС. 201–207.
2. Global Investments in R&D / UNESCO Fact Sheet No. 59, 2020. [URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/fs59-global-investments-rd-2020-en.pdf>]. P. 3.
3. *Kim S.* To boost basic science, look to values, not just budgets / Nature, Vol 606, 2022. P. 229 [URL: <https://media.nature.com/original/magazine-assets/d41586-022-01529-x/d41586-022-01529-x.pdf>].
4. *Супян В.Б.* Научные исследования в США: финансирование, структура, результаты / Журнал НЭА, №1 (41), 2019. СС. 201–207: <http://www.econorus.org/repec/journal/2019-41-201-207r.pdf>
5. На пути к 2030 году / Доклад ЮНЕСКО по науке, 2015. [режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus/PDF/235406rus.pdf.multi].
6. Realizing Armenia's Technology Potential / World Bank, 2020. P. 30. [URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33027/Realizing-ArmeniasHigh-Tech-Potential.pdf>]

7. Specific Support to Armenia. Background Report /European Commission, 2019. [URL: https://ec.europa.eu/research-and-innovation/sites/default/files/rio/report/Background_report_Armenia.pdf]. P. 7.
8. Там же.
9. Sub-regional Innovation Policy Outlook 2020: Eastern Europe and the South Caucasus, 2020. P. 79, [URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/ceci/icp/Capacity_building/IPO_launch/IPO_2020-_3_ARMENIA.pdf].
10. Dayton L. A concerted government push to make South Korea an innovation leader, backed by strong investment and systemic reform, has brought rapid and long-lasting results, Nature? Vol 581, 2020 [URL: <https://media.nature.com/original/magazine-assets/d41586-020-01466-7/d41-586-020-01466-7.pdf>]. PP. 54–57.

ISSUES OF R&D FINANCING IN ARMENIA

A. Avetisyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Investments in R&D are one of the key drivers of Armenia's economy competitiveness under the current socio-economic development processes. However, the largest part of expenditures on research and development is currently covered by the state. Share of private sector financing is completely insignificant. Moreover, the extent of universities participation and contribution to the development of innovative products is also quite low. Taking this into account, the article is aimed at identifying the main factors, reducing the opportunities for R&D financing in Armenia and possible mechanisms of funding optimization based on the analysis of the best international practices.

Keywords: research and development, innovation, public-private partnership.

ANALYSIS OF INVESTMENT FLOWS BETWEEN RA AND RF¹

A. Galstyan

*Russian-Armenian (Slavonic) University
ani.galstyan@rau.am*

ABSTRACT

International transfers are an essential component of the global economy. Foreign direct investment (FDI) is one of the most critical components of such transfers. They are vital for capital formation in both developed and developing countries. Russia is the largest foreign investor in the Republic of Armenia. This article discusses the dynamics and sectoral structure of investment flows between Armenia and Russia in terms of their impact on the economic development of Armenia. The *subject* of the research is investment flows between Armenia and Russia. The *purpose* of the study is to reveal the role of Russian investments in Armenia in the process of economic development. The *study's relevance* is due to the high dependence of the Armenian economy on the Russian economy and economic processes. Methods such as a comparative analysis of academic studies and systemic and statistical analysis were used to achieve this goal.

Keywords: foreign investment, economic development, Armenia.

International transfers are significant components of the global economy. Foreign direct investment (FDI) is one of the most essential components of such transfers. They are crucial for capital formation in both developed and developing countries.

Most countries, especially developing countries, aim to attract FDI into their economies because they expect long-term economic growth from additional sustainable resources. Several other fundamental reasons that support the attractiveness of FDI are advanced technology, skills, research and development (R&D) and know-how. These intangible assets will be helpful for host countries to boost productivity and economic growth. FDI can also help access foreign markets when host countries are used as export platforms to distribute goods within the region.

Although the theoretical literature shows that FDI inflows bring enormous benefits to the host country, empirical studies on the FDI-economic growth relationship show conflicting results [1]. Some studies show that FDI inflows have a positive growth effect on recipient countries [2, 3], while other authors find no evidence of such a relationship [4] or even find a negative effect [5, 6].

Russia is the largest foreign investor in the Republic of Armenia. The current article examines the dynamics and sectoral structure of investment flows between Armenia and Russia from the point of view of the impact on the economic development of Armenia.

¹ This work was supported by the Science Committee of RA (Research project № 22YR-5B009).

The subject of research is investment flows between RA and Russia. The purpose of the research is to reveal the role of Russian investments in Armenia in the process of economic development. The relevance of the research is due to the high dependence of Armenia's economy on the Russian economy and economic developments. To achieve the set goal, such methods as comparative analysis of foreign papers and systematic and statistical analysis were used.

The share of net flows of foreign direct investments (FDI) from Russia to Armenia is almost 100% of all investments made from EAEU countries from 2015 to 2022. The statistical analysis shows that the inflow of FDI from Kazakhstan, Kyrgyzstan and Belarus to Armenia was zero during the last seven years.

However, Figure 1 shows that the dynamics of the net inflow of direct investments from Russia to Armenia can be characterised by strong fluctuations. Thus, if the investment inflow amounted to 130.5 million US dollars (71% of the net inflow to Armenia) in 2015, a negative net inflow is considered during the next two years. The maximum inflow level of direct investments from Russia was observed in 2018 (161.58 million USD or 60.6% of all investments). However, this trend did not continue, and in 2019, the inflow from Russia made up 16% of all investments in Armenia. In 2020, an outflow was observed due to the crisis caused by the COVID-19 pandemic and the second Artsakh war. The significant increase in investments from Russia in 2022 is mainly related to the business relocation from Russia to Armenia due to the foreign political situation and circumstances prevailing in the Russian Federation.

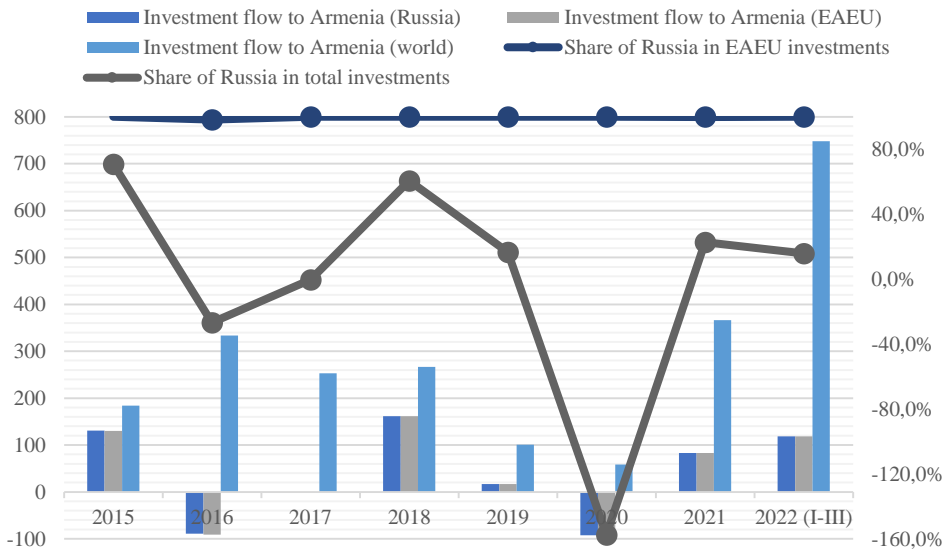

Figure 1. Net inflow of foreign direct investments in Armenia, million US dollars.
Source: Eurasian Economic Commission Database [7].

The dynamics of foreign direct investment stocks show a clearer picture of investment and cooperation ties between Armenia and Russia (Figure 2). Russian capital in

Armenia accounts for 100% of investments from EAEU countries and 33–42% of all foreign capital from 2015 to 2022. As of 2021, the stock of direct investments from Russia to Armenia amounted to 1.85 billion USD (32.9%). The dynamics of Russian investment stocks are generally relatively stable even though, in general, the volume of foreign capital stocks in Armenia has a slightly positive trend. The latter led to a decrease in the share of Russian capital in the country.

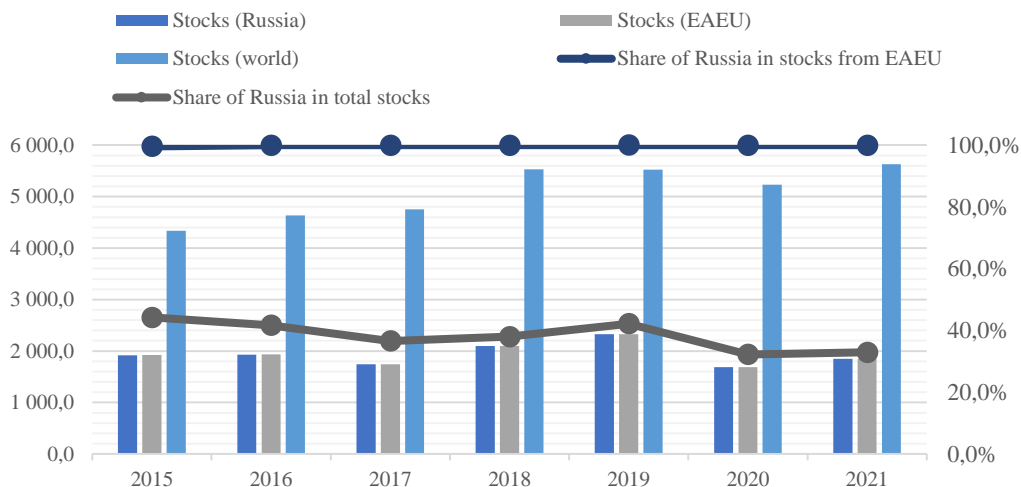

Figure 2. Stocks of foreign direct investments in Armenia, million US dollars.
Source: Eurasian Economic Commission Database [8].

Most of the investments from Russia are concentrated in a few economic sectors, which may limit Armenia's potential for economic growth and development. The main sectors receiving investments from Russia are energy, mining and communications. Such investment structure may be due to the fact that Russia is the supplier of the majority (about 80%) of Armenia's energy resources, and Gazprom Armenia, a subsidiary of the Russian Gazprom, dominates the Armenian energy sector. Gazprom Armenia is Armenia's sole supplier of natural gas, and its investments in Armenia's energy sector have contributed to improving the country's energy infrastructure. Russian companies also own the "Sevan-Hrazdan" cascade of the Hrazdan thermal power plant and the "Armenia Electric Networks" CJSC (an organisation with a monopoly on the sale of electricity to consumers). 100% of the latter's shares belonged to "Inter RAO UES" and were sold to the "Tashir" group in 2015.

The Russian capital is also significant in mining (GeoProMining and Russian Copper Company) and communication sectors. MTS and Beeline played a dominant role in the field of communication in Armenia (until 2020). These companies receive significant investments from Russia and play an essential role in developing the country's infrastructure. GeoProMining and Russian Copper Company have invested in copper and gold mines in Armenia. These investments contributed to the growth of Armenia's exports, as non-ferrous metals account for a significant portion of the country's total exports.

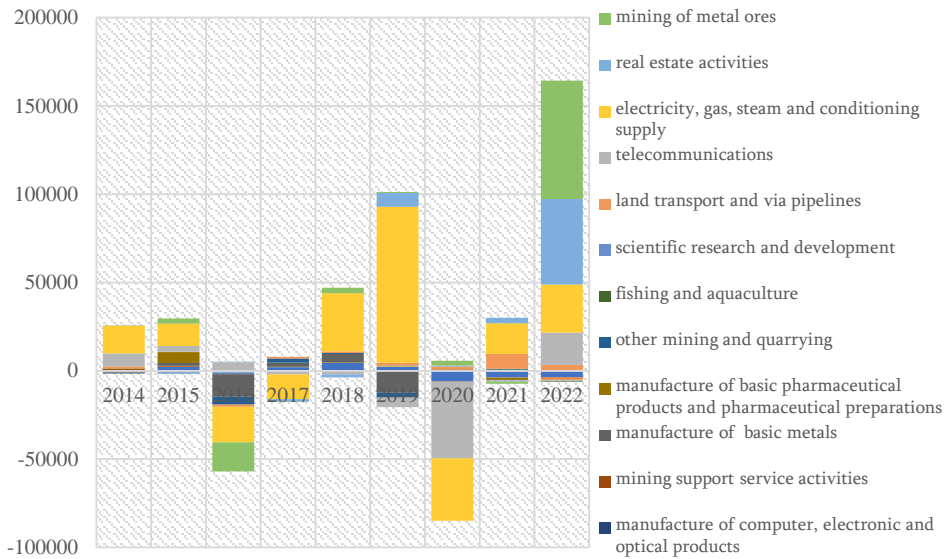

Figure 3. The sectoral structure of the net inflow of investments from Russia to Armenia, million AMD.

Source: Database of the Statistical Committee of the Republic of Armenia [9].

However, the structure of investments by economic sectors is very volatile. This observation applies to both foreign direct investment (see Figure 4) and total foreign investment (including direct, portfolio and other investments; other investments include loans, payables/receivables or advances received/paid for goods and services). (see Figure 3). In this regard, analysing the dynamics of investments by years and large investments made in specific periods is necessary.

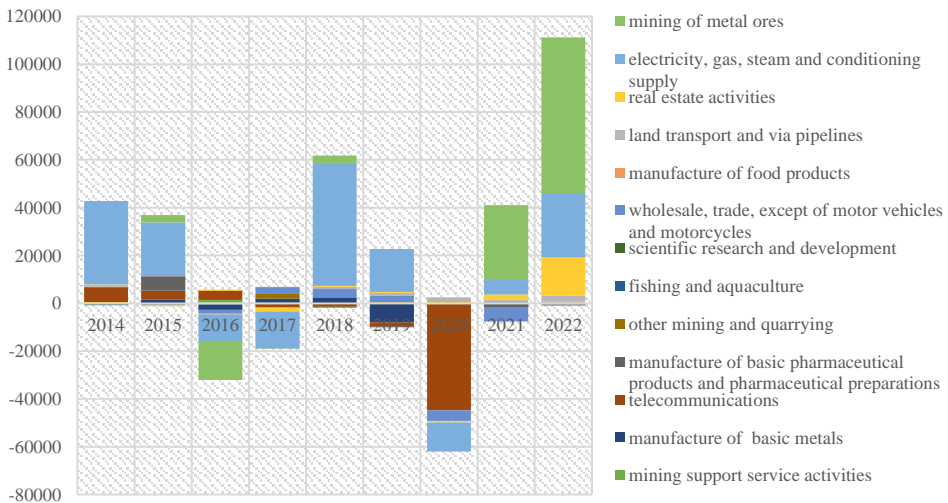

Figure 4. The sectoral structure of the net inflow of direct investments from Russia to Armenia, million AMD.

Source: Database of the Statistical Committee of the Republic of Armenia [10].

The inflow of investments into the energy sector in 2015 was due to the signing of an intergovernmental agreement on the provision of a state export credit of 270 million US dollars and 30 million US dollars of financial support to Armenia on February 5, 2015, to finance the works to extend the life of Armenia's nuclear power plant with the help of Rosatom. The modernisation project lasted until 2019, and investments were made in 2018 and 2019.

In 2016–2019, Gazprom Armenia made significant investments in Armenia's energy sector. Investments were directed to expanding the Abovyan underground gas storage (investment project: 173.5 million AMD) in 2019 and improving the gas transportation and gas distribution system (about 45 billion AMD) in 2016–2018.

“Tashir” group has also invested in the energy sector, especially the electricity sector, since 2015. The negative level of net inflow of capital in the energy sector in 2016–2017 is probably related to the sale of “Electric Networks of Armenia” CJSC to the “Tashir” group and the gradual exit of the Russian company “Inter RAO” from Armenia. In 2017, the “Tashir” group announced a \$1 billion investment plan in Armenia's energy sector in two areas: distribution networks and electricity generation. The plan assumed a gradual implementation of these investments over the following years, reflected by significant investment inflows in 2018–2019 (see Figures 3 and 4).

In October 2020, the Russian company Veon Armenia (Beeline) sold its shares to the Armenian company Team LLC. In this regard, in the same year, there was a significant outflow of Russian capital from the communication sector of Armenia.

In the mining industry, significant volumes of investment inflow are observed (31 billion AMD and 65 billion AMD) in 2021–2022. This dynamic is mainly due to the investment programs the Russian companies GeoProMining and Rusal implemented. GeoProMining has invested 90 million USD for the technological re-equipment of Agarak Copper Molybdenum Combine CJSC. At the same time, in 2020, the company announced its investment in the gold mine of Sotk. In September 2021, the company acquired the majority of shares of “Zangezur copper molybdenum combine” CJSC. In 2022, the company approved the investment project to modernise the Zangezur combine (Kajaran copper-molybdenum mine) in the amount of 65 million US dollars.

In 2022, there was also a significant increase in investments in the real estate sector in Armenia. The latter is related to the acquisition of real estate in Armenia by residents of the Russian Federation due to the country's foreign political situation.

Summarising the above, we can say that Russian investments in Armenia mainly take place through Russian companies operating in Armenia. In addition, these companies are large enterprises, meaning there are practically no investments in small and medium-sized businesses. The latter speaks of weak cooperative ties between the countries. Moreover, the high volatility of Russian investment flows in Armenia is due to the high concentration of these investments not only in a few sectors but also in several companies with monopoly or oligopoly positions in the market.

The statistics of Armenia's investments in EAEU countries show that over the past seven years, 97–98% of direct investment stocks were in Russia, and the remaining 2–3% were in Belarus (Figure 5).

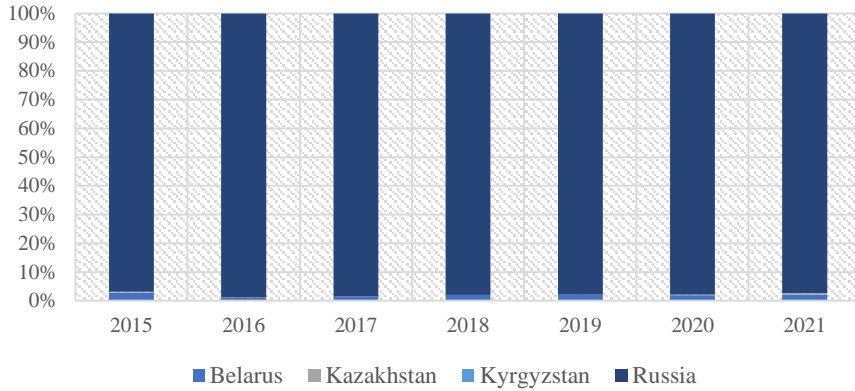

Figure 5. The structure of Armenia's direct investment stocks in EAEU countries, million US dollars.

Source: Eurasian Economic Commission Database [11].

The same situation is true for net inflows of direct investments from Armenia. Figure 6 shows that Armenian investments in Russia are highly volatile. The highest level was recorded in 2015, amounting to 56.4 million USD. In 2018 and 2020, investment flows reached zero.

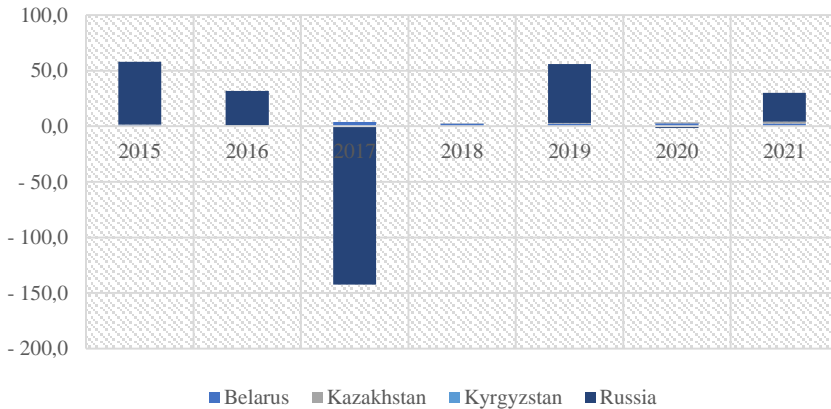

Figure 6. The structure of the net inflow of direct investments to EAEU countries from Armenia, million US dollars.

Source: Eurasian Economic Commission Database [12].

The comparative analysis shows that the flow of foreign direct investments from Armenia to Russia is, on average, 0.1% of all foreign investments and 9% of investments from EAEU countries (Figure 7). As already mentioned, the dynamics of FDI from Armenia to Russia are unstable, and at the same time, the general dynamics have a negative trend. If in 2015, the level of FDI reached 56.4 million US dollars, then in 2016, it decreased to 31.2

million US dollars, and in 2017, we can observe a capital outflow of -141.8 million US dollars. After that period, investment levels continued to remain low.

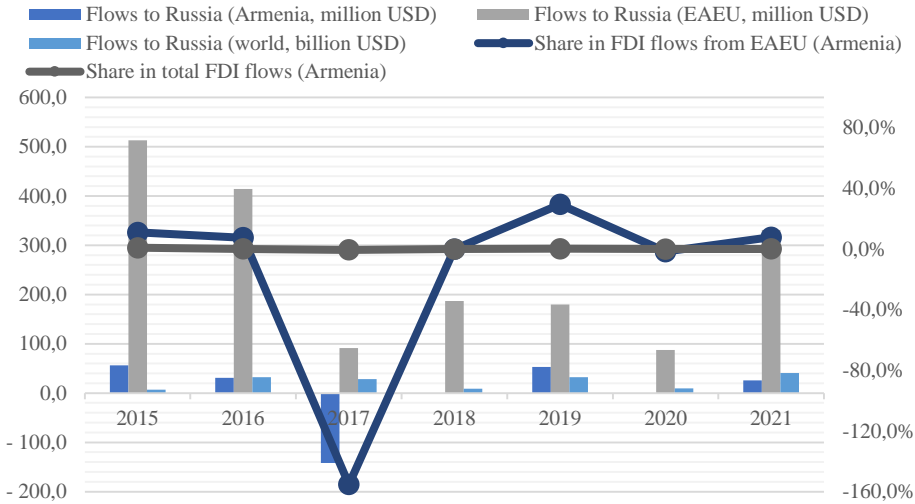

Figure 7. Net inflow of foreign direct investment to Russia. Source: Eurasian Economic Commission Database [13].

As for the stocks of foreign direct investments from Armenia in Russia, the situation is the same. On average, investments from Armenia make up 0.1% of all investments and 12–13% of investments from EAEU countries (Figure 8). The dynamics of FDI stocks from Armenia in Russia have a negative trend. The highest level was recorded in 2016, amounting to 787.7 million US dollars, after which they decreased to 718.9 million US dollars in 2017 and 621.2 million US dollars in 2018. As of 2021, FDI reserves amount to 638.7 million US dollars.

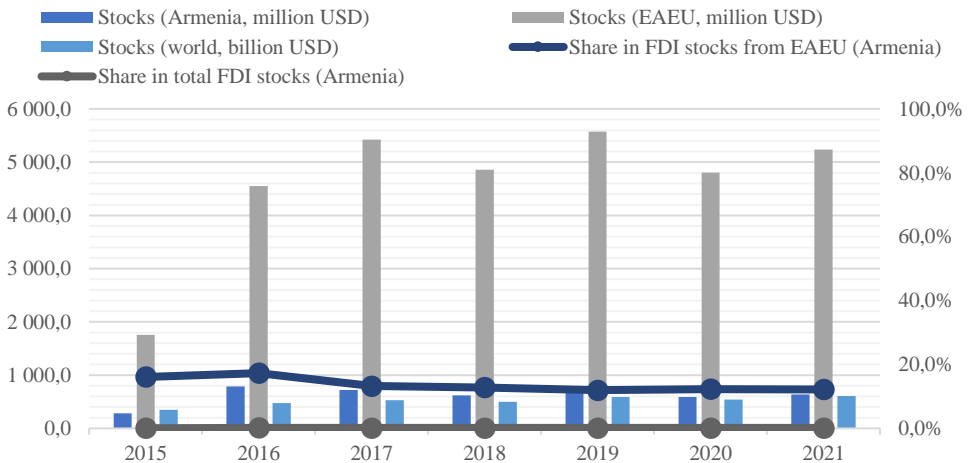

Figure 8. Stocks of foreign direct investment in the Russian Federation. Source: Eurasian Economic Commission Database [14].

Summarising the above, we can argue that investments from Armenia in Russia are insignificant, again indicating weak cooperative ties between EAEU member states.

REFERENCES

1. Herzer D., Klasen S. In search of FDI-led growth in developing countries: The way forward. *Economic Modelling*. 2008 Sep 1; 25(5). PP. 793–810.
2. De Mello Jr. L.R. Foreign direct investment in developing countries and growth: A selective survey. *The journal of development studies*. 1997 Oct 1; 34 (1). PP. 1–34.
3. Azman-Saini W., Baharumshah A., Law S. Foreign direct investment, economic freedom and economic growth: International evidence. *Economic Modelling*. 2010 Sep 1;27(5): P. 1079–89.
4. Kotrajaras P. Foreign direct investment and economic growth: A comparative study among East Asian countries. *Applied Economics Journal*. 2010;17(2). PP. 12–26.
5. Forte R., Moura R. The effects of foreign direct investment on the host country's economic growth: theory and empirical evidence. *The Singapore Economic Review*. 2013 Sep. 17; 58 (03): 1350017.
6. Almfraji M., Almsafir M. Foreign direct investment and economic growth literature review from 1994 to 2012. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014 May 15;129. PP. 206–213.
7. Eurasian Economic Commission. <https://eec.eaeunion.org/>
8. Там же.
9. Statistical Committee of the Republic of Armenia. <https://armstat.am/am/>
10. Там же.
11. Eurasian Economic Commission. <https://eec.eaeunion.org/>
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.

АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОТОКОВ МЕЖДУ РА И РФ

А.Г. Галстян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Международные переводы являются важным компонентом мировой экономики. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются одним из наиболее важных компонентов таких трансфертов. Они чрезвычайно важны для формирования капитала как в развитых, так и в развивающихся странах. Россия является крупнейшим иностранным инвестором в Республике Армения. В данной статье рассматривается динамика и отраслевая структура инвестиционных потоков между Арменией и Россией с точки зрения влияния на экономическое развитие Армении.

Предметом исследования являются инвестиционные потоки между Арменией и Россией. *Цель* исследования – выявить роль российских инвестиций в Армении в процессе экономического развития. *Актуальность* исследования обусловлена высокой зависимостью экономики Армении от российской экономики и экономических процессов. Для достижения поставленной цели были использованы такие *методы*, как сравнительный анализ зарубежных исследований, системный и статистический анализ.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, экономическое развитие, Армения.

ДИНАМИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Р.А. Бадалян

*Армянский государственный экономический университет
maxmarket119@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена динамике привлечения иностранных инвестиций и оценке их эффективности. В ней проанализированы основные препятствия, возникающие в процессе привлечения иностранных инвестиций. Рассмотрены факторы, влияющие на увеличение потока иностранных инвестиций, возможность их быстрого привлечения и эффективного распределения. Правительство модернизирует механизмы и процессы экономической дипломатии, что может способствовать созданию наиболее благоприятных условий для развития Армении, значительному росту притока иностранных инвестиций. Важное значение имеет определение факторов риска, которые влияют на приток инвестиций в экономику Армении на всех уровнях – государственном, региональном, муниципальном и, непосредственно, на уровне предприятий. Инвестиционная деятельность, стимулирующая деловую активность, во многом определяет темпы развития и экономического роста страны.

В современном мире происходит глобализация рынков, а также производства товаров и услуг. Для эффективного участия иностранного капитала следует определить пропорции на фоне сохранения экономической безопасности страны. Для получения целостного ответа о необходимости иностранного инвестирования важно оценить эффективность влияния на социально-экономическое развитие Армении, понять последствия воздействия иностранного капитала, а также начать проводить более последовательную политику, основной целью которой будет максимизация положительных эффектов от иностранных инвестиций.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, динамика, экономика, эффективность, прямые иностранные инвестиции.

В современной публицистической и научной литературе иностранные инвестиции вызывают жаростные споры: нужен ли иностранный капитал и каковы последствия его привлечения для социально-экономического и политического развития страны.

Цель статьи – анализ современных особенностей процесса иностранного инвестирования в экономике Республики Армения и формирование практических рекомендаций по активизации привлечения иностранных инвестиций.

Новизна – выявлены взаимосвязи и системы факторов, обуславливающих заинтересованность иностранного инвестора во вложении средств в экономику РА

в контексте инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата, на основании чего были сформированы рекомендации по совершенствованию механизма привлечения иностранных инвестиций в экономику страны.

Гипотеза – динамика поступления иностранных инвестиций в экономику Республики Армения зависит от ее инвестиционного климата как комплексной экономической категории.

Методология исследования представляет собой применение методов системного анализа и систематизации в части рассмотрения сущности, роли и взаимосвязи инвестиционной привлекательности, инвестиционного потенциала и инвестиционного климата; методов экономического и статистического анализа в части анализа тенденций, динамики и особенностей процессов иностранного инвестирования в экономике Армении; методов индукции и дедукции в части обобщения полученных выводов.

Для обоснования и анализа эффективности инвестиций используется система показателей, которая должна включать факторы как инвестиционного, так и неинвестиционного характера. Согласно академику Т.С. Хачатурову [1], такими факторами можно считать мероприятия по научной организации труда, внедрение более прогрессивных форм управления и организации производства, повышение профессиональной подготовки кадров и др. Их важность для ПИИ в особенности заключается в том, что для принимающей страны наибольшее значение имеют нересурсные элементы, поскольку ключевыми особенностями ПИИ являются управленческие и производственные навыки и технологии.

Инвестиционный потенциал и риск обусловлены объективными факторами и уровнем их влияния на социально-экономическое развитие страны, наиболее важными среди них являются: особенности географического положения, наличие природных ресурсов; и наиболее важными субъективными факторами – такими, как уровень развития человеческого капитала и инфраструктуры [2]. Именно от уровня эффективности использования объективных и субъективных факторов социально-экономического развития страны зависит уровень его инвестиционного потенциала и риска.

В экономической науке обычно выделяют следующие подходы в изучении иностранных инвестиций и их эффективности.

С позиций народно-хозяйственной или макроэкономической эффективности такой подход используется для описания процессов, связанных с передачей ресурсов на расширение потенциала, увеличения внутреннего продукта страны, в целом, и обеспечения экономического роста. При таком подходе учитываются общие характеристики иностранных инвестиций, в его рамках принимаются во внимание все виды инвестиций: портфельные, прямые и пр. Основным критерием эффективности на этом уровне является соответствие результатов иностранного инвестирования тем целям и программам, которые ставит перед собой государство,

а также их отношение к затратам на привлечение ПИИ, связанным с деятельностью по созданию имиджа страны, непосредственному привлечению инвестиций, предоставлению услуг консультирования, сопровождения и др. [3].

Другими, более конкретными, критериями являются:

- сравнение с нормативами или аналогичными показателями прошедшего периода, которое позволяет проследить общий тренд;
- сравнение с аналогичными показателями для внутренних инвестиций, что, по существу, оценивает необходимость привлечения иностранных инвестиций;
- сравнение с показателями других стран. Например, для Армении интересным представляется сравнение с данными других растущих рынков и данными стран с переходной экономикой. Данный критерий также позволяет использовать результаты этого анализа для выработки рекомендаций по улучшению проводимой политики в отношении иностранных инвестиций на основе опыта других стран.

Рассматривая макроэкономическую эффективность, необходимо различать эффективность для принимающей страны и для страны-инвестора. И в первом, и во втором случае под «эффективностью» понимается совокупный эффект по отношению к затраченным ресурсам. То есть в эффекты и ресурсы включаются капитальные, трудовые и технологические факторы.

Можно выделить следующие показатели, которые формируют систему для проведения комплексного анализа:

- Доля прироста внутреннего валового продукта за счет иностранных инвестиций, в том числе и на душу населения;
- Уровень эффективности иностранных инвестиций в основные производственные фонды;
- Доля прироста занятости за счет иностранных инвестиций;
- Эффективность производительности иностранного сектора в сравнении с национальным, какой прирост продукции в сопоставимых ценах обеспечивает каждый драм;
- Доля прироста природоохранных технологий, научно-технических разработок;
- Отношение эффекта к капитальным вложениям, вызвавшим этот эффект [4].

В качестве обобщающих показателей вступают:

- Показатель окупаемости капитальных вложений, характеризующий сроки возврата вкладываемых средств;
- Показатель удельных капитальных вложений, позволяющий определить меру ресурсосбережения (капиталоемкости);
- Производительность труда;
- Фондоотдача;
- Себестоимость продукции;
- Качество и технический уровень продукции;
- Материало- и энергоемкость продукции;

- Показатели, характеризующие социальный эффект в сравнении с социальными нормами, показатели, характеризующие улучшение условий труда и охрану окружающей среды [5].

Поощрение инвестиций является одним из ключевых направлений экономической политики Армении. Основные цели – создание стимулов иностранным инвесторам для увеличения импорта страны и повышения занятости, создание благоприятной инвестиционной и бизнес-среды, повышение прозрачности нормативно-правовой базы и обеспечение устойчивого экономического роста Армении. РА объявила инвестиционную политику «открытых дверей» [6], которая определена в Законе «Об иностранных инвестициях» и в Концепции инвестиционной политики РА [7].

Республика Армения имеет один из самых открытых инвестиционных режимов среди развивающихся стран.

Закон РА «Об иностранных инвестициях» [8] защищает иностранных инвесторов от национализации или экспроприации собственности, за исключением природных или государственных чрезвычайных ситуаций, но исключительно по решению суда и с полной и обязательной компенсацией. Конституция Армении идет еще дальше, требуя, чтобы компенсация за отчужденное имущество выплачивалась заранее – до того, как собственность отберут у владельца. Иностранные инвесторы имеют право на возмещение ущерба и убытков (включая упущенную выгоду) в результате незаконных действий государственных органов или должностных лиц государства или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей.

Закон «Об иностранных инвестициях» также предоставляет гарантии национального режима и недискриминации иностранных инвесторов. Законы, применяемые к иностранным инвестициям, не могут быть менее благоприятными, чем законы, регулирующие права собственности и инвестиционной деятельности граждан и юридических лиц Армении. Нет никаких ограничений для участия иностранных инвесторов в какой-либо экономической деятельности в Армении или на процент владения местным бизнесом, который может быть приобретен иностранными инвесторами. Единственным исключением является то, что иностранные граждане и лица, не имеющие гражданства, не имеют права владеть землей в Армении. Однако иностранные граждане имеют право использовать земельные участки на основе договоров аренды. Кроме того, они имеют право владеть строениями, построенными на армянской земле, и на эксплуатацию возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов на основе концессионных договоров с Правительством.

Закон «Об иностранных инвестициях» содержит «дедушкину оговорку». В случае каких-либо изменений в законодательстве об иностранных инвестициях действующий в момент инвестирования закон может по просьбе иностранного инвестора по-прежнему применяться сроком до 5 лет с момента инвестирования. Закон «Об иностранных инвестициях» предусматривает, что инвестиционные споры, в которых государство является участником, подлежат разрешению в армянских судах. Все другие споры, в которых государство не является участником,

могут быть рассмотрены в армянских судах или любых других органах по разрешению экономических споров или, по соглашению сторон, в третейских судах. Армения является участником Международной конвенции об инвестиционных спорах, что позволяет разрешать споры в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (ICSID).

Согласно действующему законодательству Армении, не существует никаких ограничений на конвертирование и трансфер денег или репатриацию капитала, прибыли, дивидендов, процентов, роялти или плату за управление и технические услуги. Иностранным инвесторам и работникам гарантируется право свободно репатриировать их имущество, доходы или другие активы, которые возникают в результате их инвестиций после уплаты всех причитающихся налогов.

Армения имеет либеральную систему обмена валюты, и, в целом, нет никаких ограничений на конвертацию или перевод денежных средств, связанных с инвестициями, в свободно конвертируемую валюту по официальному рыночному курсу. Иностранная валюта широко доступна, а местная валюта – армянский драм (AMD), является свободно конвертируемым. Содержание счетов в иностранной валюте в Армении также разрешается.

Особый интерес представляет анализ динамики инвестиций и эффективности их использования. В рамках данной научной статьи, по данным Национального статистического комитета Республики Армения, в виде сравнительного анализа были рассмотрены показатели внедрения иностранных инвестиций в экономику страны на 2014–2021 гг. [9]

В исходный, 2014 год, объем вложенных в страну иностранных инвестиций достиг пика и составил 218924.5 млн., а прямые инвестиции составили 162725.2 млн. драм. (См. Рис. 1).

В последующие годы инвестиции уменьшились с определенными колебаниями, и в 2017 году иностранные инвестиции уже составили 59190.5 млн., а прямые инвестиции – 94197.9 млн. драмов. В последующие два года – 2018 и 2019 гг., иностранные инвестиции составили последовательно 33989.0 и 98442.6 млн. долларов. В 2019 и 2020 гг. прямые инвестиции в Армению зафиксировали самый низкий уровень с 2014 года. В 2020 году прямые инвестиции в Армению составили всего – 43200.9 млн. драм., что более чем в 2 раза меньше показателей предыдущих 3-х лет.

В этих условиях основным механизмом активизации инвестиционной деятельности является проведение модернизации, технического и технологического обновления производств и создание условий для привлечения частных иностранных и отечественных инвесторов к финансированию экономического развития. Важную роль здесь играют не столько объемы инвестиций, сколько возможность и способность их эффективного использования как для развития экономики республики, так и для увеличения отдачи вложенных средств [10].

Согласно информации, опубликованной Статкомитетом, по сравнению с 2020 годом, приток денежных средств в Армению увеличился на 204823.8 млн. драмов, а объем прямых инвестиций достиг уровня 129194.9 млн. драмов.

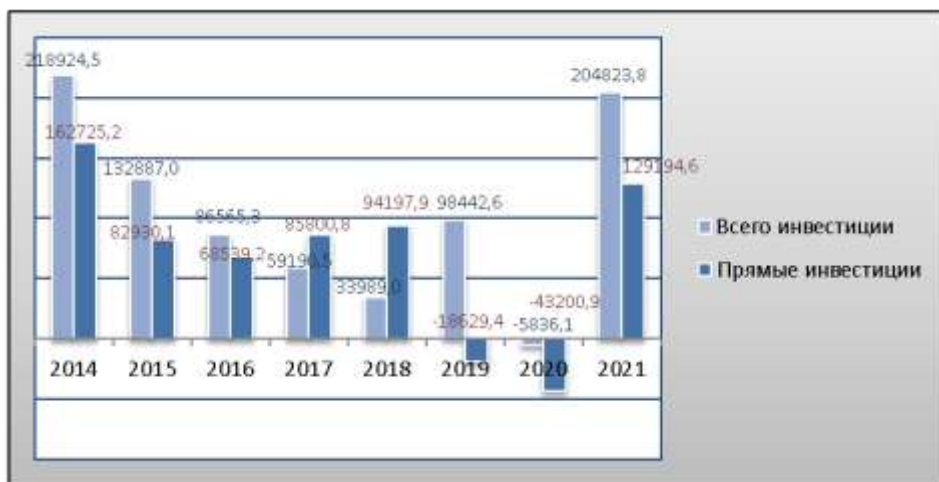

Рисунок 1. Потоки иностранных и прямых инвестиций на 2014–2021гг. (в млн. драмов)

Несмотря на то, что все еще сохраняются негативные факторы – такие, как несовершенное законодательство, сложная и не всегда понятная налоговая система, риски обесценения капитала, высокий уровень коррупции, Армения постепенно укрепляет позиции на рынке инвестирования. Однако непредсказуемым фактором риска стали пандемия Коронавируса, которая охватила в 2020г. весь мир, а также военная ситуация в стране, которые оказали значительное негативное влияние на реальный сектор экономики, снизили темпы экономического роста, сократили объемы инвестирования. На фоне данной ситуации отмечается снижение объемов иностранного инвестирования и в Армении. Ситуация стабилизировалась к концу 2021 года.

На наш взгляд, одной из сохраняющихся проблем повышения эффективности инвестиций является действующая система налоговых льгот, в большей мере направленная на увеличение объемов инвестиций, а не на эффективность деятельности инвестируемых предприятий. Возможно, на предыдущих этапах развития страны наиболее актуальным являлось привлечение как можно большего объема инвестиций, но в новых реалиях все сильнее становится необходимость установления налоговых льгот, главным критерием предоставления которых является эффективность деятельности.

Исследуя валовые потоки иностранных и прямых инвестиций в Армению на 2014–2021гг., кроме 2015-го года, наблюдается ежегодная динамика роста валовых потоков как всех инвестиций, так и прямых (См. Рис. 2). В 2015 году наблюдается пик роста прямых инвестиций за определенный период.

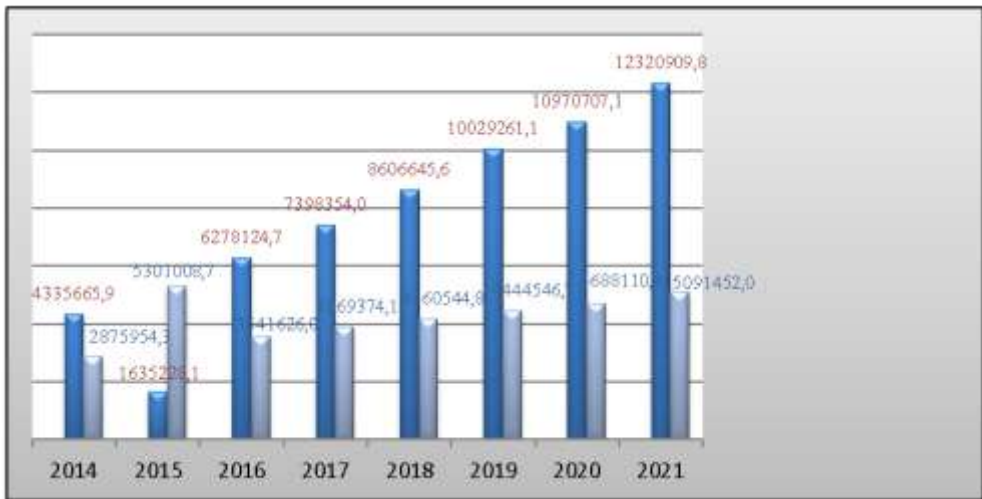

Рисунок 2. Валовые потоки иностранных и прямых инвестиций на 2014–2021гг. (в млн. драмов).

За весь исследованный период (2014–2021гг.) с некоторыми колебаниями наблюдается динамика роста чистых запасов всех инвестиций, которая достигает пика в 2021 году (См. Рис. 3). Экономика Армении очень зависит от денежных переводов из-за рубежа (переводы, кредиты, инвестиции и т.д.), поэтому рост иностранных инвестиций является прямым стимулом для развития экономики, и именно поэтому правительства всегда стремились сделать страну привлекательной для иностранных инвесторов. В данном случае целью ставится оценка результативности вложений инвестиций.

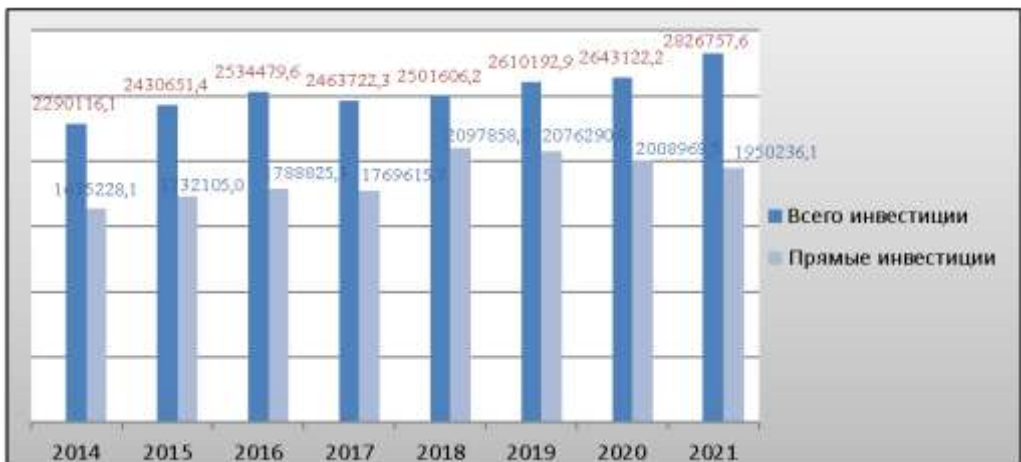

Рисунок 3. Чистые запасы иностранных и прямых инвестиций на 2014–2021гг. (в млн. драмов).

В целом, подходы к определению эффективности инвестиций можно разделить по конечной цели или эффекту от инвестиций, типу данных, подходу к определению затрат, уровню экономической системы, учету фактора времени, конечной цели оценки, форме оценки.

Учет фактора времени при оценке эффективности инвестиций базируется на оценке стоимости денежных потоков во времени [11]. В соответствии с этим, методы расчета делятся на *статические* и *динамические*.

Статическая эффективность предполагает равноценность денежных потоков в различные промежутки времени. К показателям статичной эффективности относят срок окупаемости инвестиций, коэффициент эффективности инвестиций [12].

Динамические методы расчета эффективности, в свою очередь, подразумевают различную стоимость денежных потоков во времени и необходимость приведения денежных потоков к эквивалентной основе посредством их дисконтирования, обеспечивая сопоставимость денежных потоков разных периодов. К данным типам оценки эффективности относят следующие показатели:

- чистая текущая стоимость (Net Present Value, NPV);
- индекс рентабельности инвестиций;
- внутренняя норма доходности (Internal Rate of Return, IRR);
- дисконтированный срок окупаемости инвестиций (Discounted Payback Period, DPP).

Статические методы называют еще методами, основанными на учетных оценках, а динамические – методами, основанными на дисконтированных оценках [13]. Чаще всего статические показатели используются для упрощенных расчетов на краткосрочный период, где неравенство стоимости денежных потоков не имеет большого значения. Несмотря на то, что большая часть описанных показателей рассчитывается для оценки эффективности инвестиционных проектов, часть из них может быть использована и для макро- и мезоэкономической оценки эффективности инвестиций, к примеру, коэффициент рентабельности.

Оценка эффективности может проводиться для определения (обоснования) выгоды от участия в той или иной деятельности или для оценки результатов деятельности, что также обуславливает использование тех или иных методов расчета. Вследствие большой актуальности исследований прибыльности вложения инвестиций большая их часть касается расчетов инвестиционной привлекательности вложений в отдельные проекты, в то время как оценке эффективности на макроуровне по результатам деятельности уделяется все меньшее внимание.

Вместе с тем, оценка эффективности инвестиций необязательно предусматривает проведение расчетов. Это особенно актуально для оценки эффективности по результатам деятельности. Кроме математических расчетов, оценку эффективности можно осуществить и путем описательного (графического, аналитического) сравнения динамики затрат и результатов деятельности.

Таким образом, в современной науке наблюдается многообразие подходов к определению эффективности, использование которых обусловлено целями оценки, видением проблемы исследователем и наличием доступа к тем или иным источникам информации.

12 ноября 2019г. в штаб-квартире Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в г. Женева состоялась презентация Доклада «Об инвестиционной политике Армении» в результате совместной работы представителей Министерства экономики РА и ЮНКТАД [14].

Доклад был основан на оценке правовой, нормативной и институциональной базы для иностранных инвестиций в РА, при этом включенные рекомендации были направлены на конкретные действия. По сути, доклад обозначивает основные направления улучшения инвестиционной политики Армении в ближайшем будущем, реализация которых сделает Армению еще более привлекательной с точки зрения ведения бизнеса и инвестиционной деятельности.

Индекс регуляторных ограничений для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) ОЭСР оценивает уровень ограничений страны в рамках действующих в стране регуляторных положений о прямых иностранных инвестициях. Он охватывает 22 сектора: сельское хозяйство, промышленность, электроэнергетику, перерабатывающую промышленность, а также основные услуги транспорта, строительства, снабжения, связи, недвижимости, финансовых и профессиональных услуг.

В конце 2018г. Армения вошла в первую десятку Индекса регуляторных ограничений прямых иностранных инвестиций ОЭСР [15].

Центр поддержки инвестиций оказывает комплексное содействие по ряду направлений местным и иностранным предпринимателям, имеющим намерение осуществлять инвестиции в Армении:

- Предоставление информации об инвестиционных возможностях и условиях Армении, включая стимулы со стороны правительства и другие процедуры.
- Сопровождение во всех процессах, необходимых для осуществления инвестиций, поддержка в работе с государственными органами.
- Консультирование относительно необходимых для инвестиций ресурсов, включая землю и другую недвижимость, государственную собственность, подлежащую отчуждению, источники софинансирования и потенциальных партнеров-резидентов.
- Предоставление потенциальным инвесторам инвестиционных программ в соответствии с кругом их интересов.
- Обеспечение оперативного реагирования на проблемы, возникающие в процессе инвестирования [16].

Будучи бедной ресурсами страной с небольшим внутренним рынком, Армения представляет потенциальный интерес для прямых иностранных инвестиций – в первую очередь из соображений эффективности и приобретения стратегических активов.

В целях стимулирования и поддержки иностранных инвесторов и бизнесменов, а также создания благоприятных условий, глубокие и всеобъемлющие реформы бизнес-среды создадут иностранным предпринимателям и инвесторам благоприятную среду для бизнеса. Инвестиции являются важным источником экономического роста, в которых заинтересованы субъекты и объекты инвестирования. Иностранные инвестиции играют значительную роль в качественных преобразованиях структуры экономики стран мира. Поскольку ключевой целью инвестирования средств для любого инвестора является получение максимальной прибыли, иностранные инвесторы при принятии решения инвестирования в ту или иную страну рассматривают ее инвестиционный потенциал, оценивают инвестиционную привлекательность и изучают инвестиционный климат.

В условиях мирового кризиса и падения цен на товарных рынках, как последствий бурного роста последних трех десятилетий XXв. и начала первого десятилетия XXIв., стоит больше уделять внимания эффективности использования ресурсов, в частности, инвестиций, переориентироваться с учета текущей ситуации в быстро меняющемся мире на перспективы долгосрочного развития страны. При этом мониторинг эффективности и рациональности необходимо надо начинать уже на этапе планирования инвестиций, т.к. неправильные расчеты в прединвестиционной стадии приводят к удорожанию стоимости проектов и падению прибыльности производства.

Необходимо в дальнейшем сосредоточить внимание на максимальном улучшении условий для иностранных инвесторов с целью повышения их доверия: повысить прозрачность системы взаимоотношений власти и бизнеса, снизить коррупцию, повысить прозрачность системы налогообложения и усовершенствовать нормативно-правовое регулирование прав инвесторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методика определения эффективности капитальных вложений / Отв. ред. акад. Т.С. Хачатуров. М., 1990.
2. Кособуцкая А.Ю., Трегубова В.Д., Раваунжинирин А.В. Прямые иностранные инвестиции: современные тренды // Теоретическая экономика, № 7(79), 2021. СС. 106–118. DOI: 10.52957/22213260_2021_7_106.
3. Wells L. Marketing a country: promotion as tool for attracting foreign investment. FIAS occasional paper, № 13, Washington, 2000.
4. Балацкий Е., Павличенко Р. Иностранные инвестиции и экономический рост // Мировая экономика и международные отношения, № 1, М., 2002. С. 58.
5. Головнина А.А. Инвестиции, определение и оценка эффективности. М., 2001. С. 96.
6. Invest in Armenia [режим доступа: <https://investinarmenia.am/ru/investment-incentives-ru>].
7. Концепция инвестиционной политики РА [режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/diaerpcb2019d3_en.pdf].
8. Закон РА «Об иностранных инвестициях» [режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1552&lang=rus>].
9. Статистический комитет Республики Армения, статистическая база данных, иностранные инвестиции [режим доступа: <https://armstat.am/file/doc/99532178.xls>].

10. Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Под науч. ред. Бальцеровича Л., Жоньцы А. М.: «Мысль», 2012. С. 62.
11. *Daskovskii V., Kiselev V.* Enhancing of investment efficiency evaluation. *Ekonomist = Economist*, no. 1, 2009. PP. 43–56. (in Russ.)
12. *Daskovskii V., Kiselev V.* Time factor in evaluating the investment project efficiency. *Ekonomist = Economist*, no. 1, 2008. PP. 55–67 (in Russ.)
13. *Bailey J., Richards T. Tierney D.E.* Evaluating Portfolio Performance. In: *Managing Investment Portfolios: A Dynamic Process*. John Wiley & Sons, 2007.
14. Доклад “Об Инвестиционной политике Армении [режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/diaerpcb2019d3_en.pdf].
15. Индекс регуляторных ограничений прямых иностранных инвестиций ОЭСР [режим доступа: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=FDIINDEX>].
16. Центр поддержки инвестиций [режим доступа: <https://mineconomy.am/ru/page/1456>].

THE DYNAMICS OF ATTRACTING FOREIGN INVESTMENT AND ASSESSING THEIR EFFECTIVENESS

R. Badalyan

Armenian State Economic University

ABSTRACT

The article is devoted to the dynamics of attracting foreign investments and assessing their effectiveness.

The article analyzes the main obstacles that arise in the process of attracting foreign investment. The factors influencing the increase in the flow of foreign investment, the possibility of their rapid attraction and effective distribution are considered.

The government is modernizing the mechanisms and processes of economic diplomacy, which will contribute to the creation of the most favorable conditions for the development of Armenia, a significant increase in the inflow of foreign investment.

It is important to identify the risk factors that affect the inflow of investments into the Armenian economy at all levels – state, regional, municipal and directly at the level of enterprises. Investment activity that stimulates business activity largely determines the pace of development and economic growth of the country.

In today's world there is a globalization of markets, as well as the production of goods and services. For the effective participation of foreign capital, it is necessary to determine the proportions against the background of maintaining the economic security of the country. In order to get a holistic answer about the need for foreign investment, it is important to assess the effectiveness of the impact on the socio-economic development of Armenia, assess the consequences of the impact of foreign capital, and also pursue a more consistent policy, the main goal of which will be to maximize the positive effects of foreign investment.

Keywords: foreign investment, dynamics, economics, efficiency, foreign direct investment.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_94
УДК 740

Поступила: 19.07.2023г.
Сдана на рецензию: 07.08.2023г.
Подписана к печати: 14.09.2023г.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЮНОШЕСКИХ КРИЗИСОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА-Я»

А.Р. Мартиросян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
arminemartirosyan709@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Юношеский возраст является особым, критическим периодом. Именно в этом возрасте идет активный процесс формирования личности. Данный период важен для решения задач самоопределения и выбора дальнейшего жизненного пути. В настоящее время молодые люди сталкиваются с огромным количеством информации, социальных и экономических проблем, которые несут в себе определенные вызовы. Мир становится все более глобализованным, и различные культуры переплетаются между собой. Поэтому особенно актуальным стоит вопрос изучения темы формирования идентичности, «Образа-Я».

Решение проблемы самоопределения в юности существенно осложняется при восприятии того объема информации, что может быть связано с активным включением в социум поиска своего места в жизни, становления «Образа-Я», и, как следствие, возникновения психоэмоциональных состояний – таких, как тревожность и напряженность. Моменты порождения нового всегда характеризуются состоянием неравновесности, неустойчивости. А новым в этот период у молодых людей является все, что включает в себя понимание личность, ее структуру и особенности. Необходимость индивидуализации, как способа избежать потери своей личности в этом мире, а также как способа обретения личной истории. На сегодняшний день резко возрастает интерес к изучению способов урегулирования или смягчения прохождения кризисов идентичности и формирования «Образа-Я».

Ключевые слова: самоидентичность, формирование «Образа-Я», юношеский кризис, становление Личности.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем фактом, что сегодня многие люди чувствуют напряженность между внутренними и внешними мирами. Это может проявляться в виде конфликта между личными ценностями и ожиданиями общества, трудности с адаптацией к новым технологиям или изменениям в культурных особенностях, эта напряженность может стать вызовом, но также может привести к самоосознанию и индивидуализации. Социальные сети, виртуальные игры

и другие формы технологий могут стать средством эскапизма и привести к утрате связи с реальным миром. В то же время расширились границы личности, ценностные структуры социума неустойчивы и нередко имеют определенные противоречия. При таких обстоятельствах возникают регрессивные процессы развития, к примеру, потеря смыслов, ориентиров, необходимости в саморазвитии. В частности, становится затруднительным разрабатывать стратегию своего личностного и профессионального формирования, находить целевые ориентиры в систематически меняющемся пространстве. Несомненно, поколение молодежи испытывает определенное давление со стороны родителей за счет различий в мировоззрении от предыдущего поколения, которое переживает свои кризисы и не всегда правильно реагирует на психоэмоциональное состояние молодых людей, а ведь им больше всего нужна поддержка взрослых в качестве направления в развитии личностного потенциала. Молодые люди в период формирования идентичности пытаются найти свое «Я», которое будет направлять их по жизни. Можно сказать, что этот период похож на «Отрезок пространства Жизни», где молодежь выбирает тот стиль (образ) личности, с которым будет удобно, комфортно и безопасно. Однако в бунтарской душе юного поколения свое понимание безопасно для психики, самооценки и одобрения своей референтной группы не всегда одобряется родителями или взрослыми.

Цель исследования заключается в теоретическом изучении особенностей идентичности и становления «Образа-Я» в период юношеских кризисов.

Методологическую основу исследования составили труды зарубежных и российских ученых по проблеме формирования личности: Э. Эриксона, У. Марсия, К. Роджерса, Р. Бернса, Э. Фромма.

Б.Г. Ананьев считал, что формы существования развития человека меняются на протяжении всей жизни и характеризуются различными противоречиями. Однако, по мнению Б. Ананьева, эти противоречия не могут нарушить единство человека во всей множественности его состояний и свойств. Это единство исходит из исторической природы человека, слияние социального, биологического и культурного развития личности приводит к пониманию индивидуальности с ее целостной организацией и саморегуляцией. Согласно Ананьеву, у личности позже формируется отношение к самому себе. «Лишь пройдя через многие объекты отношений, сознание становится само объектом самосознания», – считает Ананьев [1].

«Во всех видах деятельности и поведения эти отношения следуют за отношениями к ситуации, предмету, средствам деятельности, другим людям» [2]. Л.И. Божович писал: «Личность – это действительно высшая интегративная система, которая нерасторжимая целостность» [3].

Ссылаясь на многочисленные исследования в этой области, Л. Божович считал «Я-схему» ядром личности, которое возникает в конце каждого возрастного кризиса и характеризует особенности личности. Самым сложным и длительным он считал подростковый кризис в первой его фазе (12–14), характеризующийся

возникновением способности ориентироваться на цели, выходящие за пределы сегодняшнего дня, а на второй фазе (15–17 лет) – осознанием своего места в жизни, рождением перспективы будущего и представлением о желаемом «Образе-Я» и жизненного пути. «Переходный критический период завершается возникновением особого, личностного новообразования, которое можно обозначить термином “самоопределение”. Самоопределение формируется во второй фазе подросткового возраста (16–17 лет) в условиях окончания школы, так или иначе связанного с необходимостью решать вопросы своего будущего».

А.Н. Леонтьев в своих исследованиях утверждал, что личность рождается дважды, и в первый раз – это полимотивированность и детерминация, в детском возрасте, второе рождение – когда появляется его сознательная личность.

«Одно из изменений, за которым скрывается новая постройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самооценности отношений в интимном круге его общения для подростка, так требования, идущие даже со стороны близких, взрослых принимаются при условии, что они включены в более широкую социальную мотивационную сферу, в противном случае они вызывают явление “психологического бунтарства”» [4].

А.Н. Леонтьев считал, что дальше идут еще более сложные уровни развития, в которых ключевую роль уже играет вся система объективных общественных отношений, сложность которых может привести или к глубине и наполненности внутреннего мира, либо к деградации личности. А.Н. Леонтьев писал, что многообразии деятельности человека есть центр, в котором фокусируется внешнее воздействие, от которого отходят линии связей, образующих узлы, иерархии отношений и этот центр, наделенный сознанием и есть «Я».

Как утверждал А.Н. Леонтьев, центр личности, ядро «Я» не в индивидуе, не на поверхности его кожи, а в его бытии [5]. С.Л. Рубинштейн считал, что процесс становления личности неотделим от формирования сознания и самосознания, личность осознается не только со стороны окружения, но и от осознания самого себя. «Если нельзя свести личность к ее самосознанию «Я», то и нельзя и отрывать одно от другого» [6]. Он утверждал, что, начиная с детства, ребенок становится самостоятельным субъектом, когда выделяется из окружающего мира осознанием собственного «Я». В то же время это происходит через свои отношения с окружающими, через познание других. И особенно он отмечал пору юности как период формирования критического мышления и выработку целостного мышления, осознания своей будущей жизни, своих способностей и дальнейших целей.

«Реальная личность, которая, отражаясь в своем самосознании, осознает себя как “Я”, как субъекта своей деятельности, является общественным существом, включенным в общественные отношения и выполняющим те или иные функции» [7].

Г.С. Абрамова писала: «Анализ характера юных переживаний показывает, какую мощную роль в них играет стремление к выяснению своей личности, к обнаружению себя. Стремление это – найти и выявить самого себя, свое “Я”. В эту

пору особенно ярко начинает говорить желание быть самим собой. Юность считает, что величайшее счастье – это быть самим собой и найти свое настоящее место в жизни. Естественным образом с первого же момента юность начинает рваться к борьбе за свою личность, за выявление себя, за собственное опознание» [8].

Современная молодежь сталкивается с реалиями современности, в которой универсальные инструкции ценятся выше индивидуальных качеств личности; алгоритмизированное, предсказуемое понятное в поведении другого человека делает его «удобным» для управления во многих общественных системах. Однако у молодежи в юношеский период колебания в переживаниях значительно шире, и они дольше идут к обретению устойчивого отношения к самому себе, то есть к ощущению границ своего «Я» и его динамической силы. Для того чтобы это почувствовать, надо проделать огромную работу по построению своего мирового (соответствующего меркам мира) психологического пространства, ощутить в себе силы «Я» по возможному устройству жизни именно в таком масштабе.

Армянский исследователь С.С. Худоян писал, что, «в процессе возрастного развития самосознание человека несколько раз как бы «пробуждается» (около трех лет, в подростковом возраст). В возрастной психологии эти изменения рассматриваются как периоды индивидуации, рождения «Я», кризиса идентичности и т.п. Он полагал, что в эти периоды с самосознанием человека происходит процесс «пробуждения»: «Я» повторяется в разные возрастные периоды, и что в течение жизни самосознание не просто вновь и вновь индивидуализируется, рождается или «пробуждается» (подобный повтор был бы бессмысленным!), а претерпевает качественную перестройку, меняется его содержание, образ сознающего себя субъекта [9].

Н.В. Гришина и С.Н. Костромина отмечали, что понимание личности, как открытой системы, позволяет рассматривать ее развитие как протекание неравновесных процессов, которые проявляются в изменении векторов направления личностных подструктур. Открытость создает возможность для расшатывания и преобразования прежних структур, и синтез новых личностных новообразований [10].

«Фундаментальная неопределенность поведения личности, связанная с невозможностью точно прогнозировать состояние системы в каждый следующий момент времени, свидетельствует об особой связи детерминистического и случайного начала в трансформации личности» [11].

Вопрос идентичности личности в период юношества в современном обществе изучен неполно, т.к. за последние годы не было проведено достаточно теоретических и практических исследований для того, чтобы комплексно сформировать реальную картину. Однако следует отметить, что становление и самоопределение личности человека изучены довольно тщательно как российскими, так и зарубежными исследователями.

Уильям Джемс писал о двойственности сознания понимания своего «Я»: «О чем бы я ни думал, я всегда в то же время более или менее осознаю самого себя,

свое личное существование. Вместе с тем, ведь это я сознаю, так что мое самосознание является как бы двойственным – частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом; в нем надо различать две стороны, из которых для краткости одну мы будем называть “личностью”, а другую – “Я”» [12]. Джемс утверждал, что эта двойственность не обособленные части, а стороны одной целой структуры. Он разделял личность на составные части: физическое, социальное и духовное, чувства эмоции, самооценка и поступки, что в сумме давало представление о себе: «Образ-Я». У. Джемс говорил это о зрелой личности, в то время как перед юностью стоит задача пройти осознание и понимание сторон своей личности, субъекта и объекта. Примирить эти стороны и найти свое «Я» – духовное, физическое, и сформировать адаптивную самооценку, позволяющую быть довольным собой, самоотношение и самоуважение.

Здесь просматривается связь с Эриком Эриксоном, основоположником эпигенетической теории личности. Согласно ему, человек на протяжении жизни проходит 8 психосоциальных кризисов, преодоление которых позволяют выходить на следующую ступень развития. Жизнь, по Эриксону, не что иное, как постоянное развитие и понимание себя. «Я-идентичность» обозначает целостность, тождественность и непрерывность нашего «Я», несмотря на те изменения, которые происходят с нами в процессе развития. «В принципе, личность развивается ступенчато, переход от одной ступени к другой предпринят готовностью личности двигаться в направлении дальнейшего роста, расширении осознаваемого социального кругозора и радиуса социального взаимодействия» [13].

Согласно Эриксону, при кризисах «эго-идентичности» на разных этапах развития личности исчезает или снижается целостность, тождественность и вера человека в свою социальную роль. Самый острый и типовой кризис идентичности – это пора юности. В рамках концепции Э. Эриксона можно рассматривать 2 этапа развития личности: от 12–21 (кризис идентичности или спутанности ролей) до 21–25 лет (кризис близости или одиночества). Такая последовательность обусловлена тем, что в рамках современной реальности возраст «подросток-молодежь» вследствие некой инфантильности и торможения самостоятельности, понимания ответственности и сепарации от родителей – переходящая фаза от большого к малому кризису.

Э. Эриксон писал: «Растущая и развивающаяся молодежь, переживающая внутреннюю физиологическую революцию, прежде всего, пытается укрепить свои социальные роли. Молодые люди иногда болезненно, часто из любопытства проявляют озабоченность тем, как они выглядят в глазах других по сравнению с тем, что они сами думают о себе; а также тем, как сочетать те роли и навыки, которые они культивировали в себе раньше, с идеальными прототипами сегодняшнего дня... Появляющаяся интеграция в форме эго-идентичности – это больше, чем сумма идентификаций, приобретенных в детстве. Это сумма внутреннего опыта, приобретенного на всех предшествующих стадиях, когда успешная идентифика-

ция приводила к успешному уравниванию базисных потребностей индивидуума с его возможностями и одаренностью. Таким образом, чувство эго-идентичности представляет собой возросшую уверенность индивида в том, что его способность сохранять внутреннюю тождественность и целостность (психологическое значение эго) согласуется с оценкой его тождественности и целостности, данной другими» [14].

С точки зрения Э. Эриксона, двумя основными вопросами, встающими перед современной молодежью, являются: «Кто Я такой?» и «Как Я впишусь в мир взрослых?» и «Есть ли у меня там место?». Эриксон ставит акцент на конфликте внутри Эго, «Я-образ»-а, идентичности и ролевом смещении. Основной акцент делается на эго и на то, как на него влияет окружение, в особенности группы сверстников. Согласно Эриксону, хоть основа для благополучной юности и обретения гармоничной идентичности закладывается в детстве, однако развитие личной идентичности происходит под сильным влиянием тех социально значимых групп, с которыми они себя идентифицируют. И ролевое смещение, спутанность, скорее, представляется как форма адаптации к жизни, зона комфорта.

Джеймс Марсия, ближайший последователь Э. Эриксона, определял идентичность как «структуру эго – внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию мотивации, потребностей, убеждений и индивидуальных характеристик. На основе работ Эриксона Джеймс Марсия развил теорию Эриксона и выявил четыре вида (состояния) формирования идентичности:

1. *Предрешенная идентичность* (когда молодые люди продолжают путь родителей, где присутствует сильная связь с семьей на протяжении всей жизни, когда, например, в семье музыкантов дети идут в музыканты, врачи и т.д.

2. *Диффузия идентичности* характеризуется отсутствием понимания целей в жизни, непринятием ответственности за свою жизнь, отсутствием обязательств.

3. *Мораторий* характеризует состояние кризиса, выбора альтернатив и состоянием неопределенности.

4. И, наконец, *достижение идентичности*. При этом учитывается, прошел ли индивидуум через период принятия решения, называемый «кризисом идентичности», и принял ли он обязательства по отношению к определенному ряду выборов – таких, как система ценностей или план будущего профессионального пути. Марсия предположил, что в процессе самоидентичности человек проходит два этапа развития идентичности – этап поиска и этап принятия. На этапе поиска происходит исследование возможных вариантов идентичности – «кем бы я мог быть?», «кем я хочу стать?», «чем я буду заниматься?», «какой я?».

Человек примеряет на себя разные роли, пробуя различные виды деятельности, анализ и осмысление того, кто он такой, а также какие варианты развития для

него возможны. В этот период формируется его личная система ценностей, проявляются жизненные цели, интересное отделяется от неинтересного, значимое от незначительного, приемлемое от неприемлемого¹.

Понятие «Я-концепция» является определяющей в подходе К. Роджерса. Он считал, что природа человека, его сакральная сущность направлена на непрерывное движение, к определенным целям, человек, по его мнению, активный субъект, направленный на созидательную деятельность. С его точки зрения, «Я-концепция» включает не только наше восприятие того, какие мы есть, но также и то, какими, как мы полагаем, мы должны быть и хотели бы быть. Это «Я» называется «Я-идеальное». По Роджерсу, «Я-идеальное» отражает те качества и характеристики, которые человек хотел бы иметь, что позволяет ему быть желанным, достойным в глазах окружающих.

«Я-идеальное» – это наши стремления, надежды, мечты. Структура «Я-реальное» впоследствии формируется через взаимодействие с окружением, в частности, со значимыми другими (например, родители, братья и сестры, другие родственники). Иначе говоря, по мере того, как ребенок становится социально восприимчивым и развиваются его когнитивные и перцептивные способности, его «Я-концепция» все больше дифференцируется и усложняется. Следовательно, в значительной степени содержание «Я-концепции» является продуктом процесса социализации. И отсюда вытекают условия, важные для развития реальной «Я-концепции». Роджерс считал, что «Я-концепция» отражает наше восприятие в связи с различными ролями, которые нам приходится играть в различных жизненных ситуациях. Несмотря на то, что «Я» имеет свойство меняться в повседневных жизненных ситуациях, тем не менее, оно сохраняет свою целостность. «Я-реальное», по Роджерсу, символизирует главную часть сознательного опыта человека.

Э. Фромм считал, что все люди испытывают внутреннюю потребность тождества с самими собой; в идентичности, благодаря которой они чувствуют свою непохожесть на других, и осознают, кто и что они на самом деле. Собственно, каждый человек должен быть способным сказать: «Я – это я». Индивидуумы с ясным и отчетливым осознанием своей индивидуальности воспринимают себя как хозяев своей жизни, а не как постоянно следующих чьим-то указаниям. Копирование чьего-либо поведения, доходящее даже до степени слепой конформности, не дает возможности человеку достичь подлинного чувства идентичности.

Бернс Р. писал: «Если новый опыт, полученный индивидом, согласуется с существующими представлениями о себе, он легко ассимилируется, входит внутрь некой условной оболочки, в которую заключена “Я-концепция”. Если же новый опыт не вписывается в существующие представления, противоречит уже имеющейся “Я-концепции”, то оболочка срывается как защитный экран, не допуская чужеродное

¹ Марсия обозначил две оси (поиск и принятие), которые образовали систему координат, в которой разворачивается статусная концепция идентичности.

тело внутри этого сбалансированного организма. В том случае, когда отличие нового опыта от уже имеющихся представлений индивида о себе не принципиально, он может внедряться в структуру “Я-концепции”, насколько это позволяют адаптационные возможности составляющих ее самоустановок. Противоречивый опыт, вносящий рассогласование в структуру личности, может усваиваться также и с помощью защитно-психологических механизмов, таких, например, как рационализация. Эти механизмы позволяют удерживать “Я-концепцию” в уравновешенном состоянии, даже если реальные факты ставят ее под угрозу» [15].

Краткий обзор литературы дает понимание масштабности и сложности кризиса становления самости, начала прохождения пути индивидуации, приобретения своего почерка, стержня, и очевидно, что сложно в одиночестве пройти этот путь. Анализ научной литературы показал актуальность и значение проблем, связанных с пониманием личности как открытой системы, и ее развитие с кризисом становления самости «Образ-Я» в ракурсе формирования уникальной «Я-концепции». Стратегии личностного и профессионального формирования возможны на базисе идентичности личности.

Выводы

1. Для открытия своей уникальной Я-концепции, исходя из многочисленных точек зрения, необходимы несколько составляющих – таких, как самоидеал, создание картинки идеального «Я», в котором помещаются наши стремления и цели. Самообраз – это как внутреннее зеркало, в которое мы смотримся перед тем, как выйти, и главное чувство собственного достоинства – эмоционального компонента личности.

2. Уровень самоуважения зависит от того, какие события происходят в нашей жизни, куда мы себя направляем. Наше самоуважение – это ядерная часть нашей личности, определяющая нашу уверенность в себе. Чем больше мы себе нравимся, тем выше стандарты и цели, поставленные перед нами. Уровни самооценки и собственного достоинства определяет отношение с другими: чем больше индивид любит и уважает себя, тем больше любит и уважает других. Рассматривая личность как открытую систему, исходя из эпигенетической теории личности, можно сказать, что юношеский кризис – это точка бифуркации, после которой идет распад прежней организации и создание новой системы.

3. В создании Нового-«Я» присутствует стремление к свободе и независимости, возможность совершать собственные ошибки и учиться на них. Решающим фактором является ясное и осознанное понимание, что юношество только стремится к осознанию, и на этом пути ему страшно и одиноко, с одной стороны, есть потребность в уникальности, с другой – в принятии. Можно предположить, чем именно юношеский кризис является таким сокрушительным, конфликт доходит до своей максимальной точки, конфликт между детско-родительскими установками и рождением новой личности. И если новый опыт, полученный и принятый молодыми людьми, согласовывается представлениями о себе, он ассимилируется,

представление о себе являются следствием прохождения предыдущих кризисов, и если до подросткового кризиса все возможные негативные разрешения или фиксации носили латентный (тлеющий) характер, то в этом возрасте и далее происходит комплексный взрыв всех предыдущих стадий развития. Можно предположить, что неустойчивая психика в юношеском возрасте не сможет преодолеть масштаб разрушения.

На помощь приходят внутренние силы, можно назвать их как – защитные механизмы, субличности, которые позволяют приводить в равновесие социопсихобиологическую структуру индивида, и на этом этапе происходит фиксация в той роли, субличности, образе, который уравнивает внутреннюю и внешнюю структуру картины мира юношей. Внутренняя форма, которая наполняется содержанием как собственное произведение, становится новым «Образом-Я», зеркалом, в которое смотрится новая личность. И это зеркало в некотором роде кривое, подтверждением чего служит наблюдение, показывающее или воспоминание самих бывших подростков, или отзывы со стороны родителей и прочих, что в юношеском возрасте поменялся, стал неузнаваемым, неуправляемым. Многие проблемы, с которыми сталкивается современное общество, связаны с кризисом в значении и целях жизни. Стоит, возможно, подчеркнуть необходимость поиска высших значений, которые могут помочь молодым людям преодолеть этот кризис и найти свое место в мире.

Заключение

Самопознание – важная составляющая форма, как способ понимания своих внутренних потребностей и ценностей, условие для самопринятия и самоуважения. Самопознание может помочь людям обрести глубокий смысл жизни и улучшить качество своих отношений с окружающим миром. В условиях современного мира, где существует множество возможностей и выборов, молодые люди могут потерять связь со своими истинными потребностями и целями, потерять устойчивость. Обоснована возможность и необходимость изучения идентичности как собственно психологического феномена с позиций субъектного подхода [16].

Наблюдение за актуальными аспектами современной эпохи позволяет обратить внимание на многие вызовы и сложности в становлении и формировании целостности личности. Важно подчеркнуть путь индивидуализации, самопознания и поиска высших значений, как способов преодоления этих вызовов и достижения более глубокого смысла жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб: Питер, 2002. 280с.
2. Там же.
3. *Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // «Вопросы психологии», №4, 1979г.
4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность // Учебное пособие. М.: Изд-во «Смысл»: Академия, 2004. С. 352.

5. Там же.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб: Изд-во «Питер», 2000. С. 240.
7. Там же.
8. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. 811с.
9. *Худоян С.С.* Перестройки самосознания в онтогенезе и кризисы развития личности // «Психология и Психотехника», № 12, 2012. СС. 48–52.
10. *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // «Психологический журнал», Т. 42. № 3, 2021.
11. Там же.
12. *Джемс У.* Психология. СПб., 1911.
13. *Эриксон Э.Э.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 34с. С. 270.
14. Там же. С. 261.
15. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1986. СС. 30–66.
16. *Берберян, А.С., Тучина, О.Р.* Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях // Южно-российский журнал социальных наук, № 1, 2014. СС. 84–100.

SPECIFICITIES OF IDENTITY DURING THE PERIOD OF YOUTH CRISES IN THE PROCESS OF FORMING «SELF-IMAGE»

A. Martirosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Adolescence is a special, critical period. At this age the active process of personality formation takes place. This period is important for solving problems of self-determination and choosing a future life path. Nowadays, young people are faced with a huge amount of information, social and economic problems that pose certain challenges. The world is becoming increasingly globalized and different cultures are intertwined. That is why the issue of studying the topic of identity formation, Self-Image, is especially relevant.

Solving the problem of self-determination in youth is significantly complicated by the perception of the volume of information that may be associated with the active inclusion in society of searching for one's place in life, the formation of the Self-image, and, as a consequence, psycho-emotional states such as anxiety and tension. Moments of the generation of something new are always characterized by a state of disequilibrium and instability. And what is new in this period for young people is everything that includes an understanding of personality, its structure and characteristics. The need for individualization, as a way to avoid losing one's personality in this world, and also as a way to gain personal history. Today, there is a sharp increase in interest in studying ways to resolve or mitigate the passage of identity crises and the formation of self-image.

Keywords: self-identity, formation of Self-Image, Youth crisis, formation of Personality.

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_104
УДК 8

Поступила: 14.06.2023г.
Сдана на рецензию: 15.06.2023г.
Подписана к печати: 26.08.2023г.

ACADEMIC VOCABULARY ERROR ANALYSIS IN EFL LEARNERS' WRITTEN DISCOURSE

M. Vardanyan

*Russian-Armenian (Slavonic) University
mariam_vardanyan19@alumni.aua.am*

ABSTRACT

The present study is a corpus-based analysis of errors in academic vocabulary made by Armenian learners of English as a Second Language. The purpose of the study is to identify lexical errors in academic vocabulary made in the essays by AUA freshmen, classify them, find the prevalence of their occurrences and explain the causes of those errors using error analysis strategies. The Mixed Method Research (MMR) approach, which integrates quantitative and qualitative research components, is employed to gain deeper, context-rich answers to supplement the information in data analysis and data collection. Lexical errors in written essays were identified with the help of corpus analysis. Types, frequency and sources of the misused academic words were calculated and identified in line with lexical error taxonomy. The results of the current study may assist educators to create an authentic context for mastering AWL, to develop curriculum and design activities that will help the learners to avoid errors in academic vocabulary.

Keywords: lexical error, error analysis, corpus analysis, Academic Word List, academic vocabulary.

Introduction

It is considered that writing in English as a second language is a complex and long process, which requires energy and time from L2 learners to master writing strategies. Nevertheless, a lot of EFL learners have general knowledge of grammar rules, but not many of them have satisfactory knowledge in academic vocabulary and its productive use. Making errors is unavoidable. It is an indispensable and natural part in the process of learning a foreign language. Therefore, error analysis may assist in identifying learning obstacles that the learners face, and it reveals the problems inherent in learning process to foster future teaching and learning. Lexical errors in academic vocabulary of EFL students' writing are of great importance and there are a number of reasons for the incorrect usage of AWL in writing. EFL learners are inclined to make lexical errors in academic vocabulary, because of incorrect word choice, resulting from the lack of lexical

competence and surrounding context. Being unaware of the academic register, i.e. how academic words collocate, appear in different structures and forms, could result in lexical errors in academic vocabulary. All of the mentioned errors in AWL may occur because of discrepancies and differences between the native language and target language of the students. [1], [2], [3].

The current study makes an effort to investigate and research lexical errors in academic vocabulary in a learner corpus, which is a collection of electronically written authentic texts, and in the current study it consists of the compiled essays of AUA Armenian students. Corpus based analysis and error analysis (EA) assist in eliciting the errors in AWL in the writing of AUA undergraduate students. Types of errors, most frequently made lexical errors in academic vocabulary, categories based on lexical error taxonomy, sources of errors, whether the error is caused because of their mother tongue or lack of knowledge in the target language are emphasized. All these will assist teachers and learners to notice the gap and elaborate on the problems. The major contribution and value of this study is that teachers can utilize the results for pedagogical purposes and design their lessons, curriculum or even change their instructions in such a way that will help the students in incrementing and enhancing their academic vocabulary. The findings of the research and elicited errors in AWL will assist educators and learners to raise their awareness in academic vocabulary errors which will help them notice the gap. Besides, the study will lay a new milestone in researching students' academic vocabulary of other years in the scope of American University of Armenia and broader.

Methodology

The current research seeks to highlight two types of errors – collocation and word form errors in AWL, and reveal possible reasons for those errors. To get the results and complement information in different aspects of data, in the current corpus-aided analysis some elements and parts of both qualitative and quantitative methods are employed. In order to obtain accurate and credible data, the descriptive analysis is applied, which, as noted in Paltridge study, allows the researchers to investigate, analyze data, research the findings, count frequency of error occurrences and explain them [4]. This study was initially open to any results in data regarding the detected types of lexical errors in academic vocabulary and students' incorrect usage of AWL in writing, which makes data analysis explorative. As for error analysis, Gass & Selinker's steps of identification and analysis of errors are applied and adopted [5].

Collection of Data

In current research, essays of AUA bachelor's students were collected. This small learner corpus consists of 39 written essays in Word Docs. Freshman students majoring in English and Communication are native speakers of Armenian – which means their first language L1 is Armenian, and English is their second Language L2. This learner corpus is composed of 28.065 tokens in total. Written assignments were mandatory and the topics were different such as education system, media, harassment, reflection papers.

These writings are the first term assignments of the students who study in EC. Hence, lots of errors in academic vocabulary were expected. The lecturer informed the learners about the fact that their writings would serve as an empirical source of data for research and they gave an oral consent to it. The main reason for choosing these assignments was that they were available on request there was an access to them and the need to contribute to the research on error analysis of the EFL Armenian students. All the essays were included in the corpus and the names of the learners, references, citations, graphs, appendices, headers of the papers were excluded, so that they were anonymous.

Data Analysis Tools

For analyzing the data, it is essential to shed light on the way of how this data was analyzed and how the analysis is carried out. To analyze the corpus consisting of academic written papers, Corpus Builder Software was implemented, which can be found on a site lextutor.ca. To detect Academic Word List, The Vocabprofile tool was applied, with VP-Classic element located on the same website. Vocabprofile tool underlines all academic word families and words, which constitutes Coxhead's AWL [6]. To identify and check mistakes in AWL, Lextutor collocation tool was used with British Academic Written corpus of 8 million words.

Analysis of the data

To analyze the data, the error analysis steps were adapted from Gass & Selinker's and were applied to our data. The classification of lexical errors or lexical error taxonomy is based on word knowledge depth. It is shown and described with instances of mistakes. The current research has five steps in data analysis and in Table 1 the steps of error analysis are presented:

Table 1. Lexical Error Analysis Steps in AWL.

Step numbers	Steps	Definition of Steps	Examples
1	Collect and Build Learner Corpus	Essay collection (WordDocs)	39 Essays from undergraduate AUA students majoring in English and Communications were collected
2	Identifying and classifying mistakes	AWL Lexical errors	Wrong word in context, wrong spelling
3	Counting mistakes in academic vocabulary	Total number of errors in Academic Word List Number of errors made as a result of L1 and L2	Number of lexical errors in AWL In each criterion. The amount of L1 and L2 errors in AWL
4	Analyzing mistakes in Academic Word List	Probable reasons for mistakes	Intralingual or Interlingual errors in AWL

Note. The table is taken and adapted from Gass & Selinker.

In EA, to identify and classify mistakes made in academic vocabulary, lexical error classification structure is implemented and adapted from Dodigovic et al. [7] Moreover, causes and reasons of the errors are emphasized whether there are interlingual or intralingual ones. To understand the cause of the error, whether it is an interlingual error or intralingual one, Online Nayiri Armenian Dictionary was also used to check the translation of words and whether the error was caused because of direct translation or not. The classification of errors with examples is presented in table 2 below:

Table 2. Lexical error taxonomy with examples.

Criteria	Explanation	Example	Correction
Collocation	Phrases or Words that are used together (e.g. "to save time")	Facebook can be regarded as one of the most life altering phenomena of our century.	Altering-Changing
WordForm	Correct usage of word forms (e.g. "let" instead of "lets")	With an estimated 1.7 billion monthly users for 2016 it can be supposed to be a melting pot of users of various nations with diverse cultural identity and worldview	Identity-identities

Note. The table is taken and adapted from Dodigovic et al.

Limitations and Delimitations

In the current study there are limitations and delimitations that are worth mentioning. The limitation of the study is to take home essays of the students that are in the current learner corpus. The students might have used different tools, online dictionaries for checking and correcting academic words.

Delimitation of the study is the collection of only freshmen writings. Besides, the study is conducted in Armenia, Yerevan, and only AUA Armenian native speakers' essays were used for building the corpus.

Results and Discussion

This section summarizes the results of the types of lexical errors and the words that tend to occur erroneously most frequently in academic vocabulary. The causes of those interlingual and intralingual errors are also highlighted. Moreover, the following findings on lexical errors in AWL may assist educators and learners to notice the gap and lexical errors in productive academic vocabulary knowledge and raise their awareness of AWL. The results may also help the educators to put an emphasis on the errors found in the current learner corpus and utilize the current findings for pedagogical and educational purposes.

Lexical Errors in Academic Vocabulary

Table 3. Descriptive Statistics of Lexical Errors in AWL Based on their Categories

ErrorCategory	f	%
WordForm	11	55
Collocation	9	45
TNT in AWL	2111	
TNT	28.065	
Total Number of Errors in AWL	20	

Note. f =frequency, AWL=Academic Word List, TNT=total number of tokens, %=percentage

Table 3 demonstrates two types of lexical errors – Word Form and Context in AWL, alleging to classification of lexical errors based on Dodigovic et al., the overall number of tokens (words) in both AWL (2111) and learner corpus (28.065) with the total number of mistakes in AWL (20). Mistakes falling under the category of Word Form constitute 55% with 11 total number of errors. Another large portion of errors belong to the category of Collocation with 9 errors (45%).

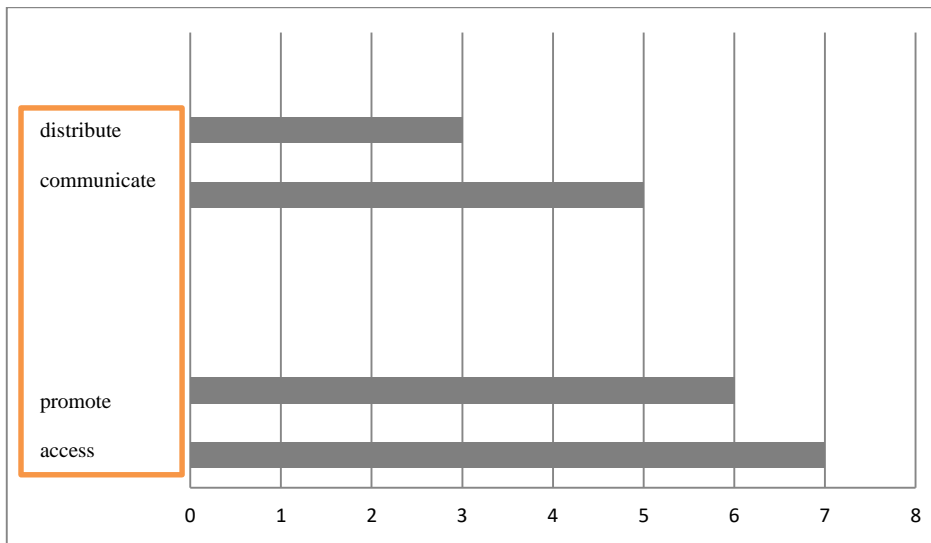

Figure 1. Most frequently misused words

The bar chart (Figure 1) above demonstrates words that are misused most often, based on the number of occurrences. The figure shows new results of the research on the most misused AWL words in corpus. As shown in Figure 1, the most misused word is the word *access* (7 times). This word was incorrectly used equally as a noun and a verb. Then follow the words *promote* (6 times), *communicate*, (5 times). An essential thing needs to be discussed is that the word *communicate* is shown as the main form of content

word *communication* and was erroneously used in the writings. Word *distribute*, is misused only as a verb. In general, learners made errors more frequently in verbs than in nouns and other parts of speech.

Table 4. Number of Lexical Errors in AWL According to the Source of their Cause

Criteria	<i>f</i> of Interlingual errors	<i>f</i> of Intralingual errors
Word Form	2	9
Collocation	5	4

Note: *f* =frequency

Table 4 depicts the in-depth analysis and findings of the most frequently misused words. It shows the most frequently misused words according to their source (interlingual or intralingual), categories and number of occurrence in each category and source of errors. Referring to the number of interlingual and intralingual errors, among the most frequently misused words, clearly, the number of intralingual errors (13 occurrences) – errors caused because of L2 is higher than that of interlingual ones (7 occurrences)-errors caused as a result of L1 interference.

Errors in Word Form

Word Form is another category where lexical errors in AWL are identified. Based on Hemchua & Schmitt work, knowledge of a word form is related to morphological knowledge of a word and most of the L2 learners experience difficulties in word form and are inclined to make errors [8]. The possible reasons of the misused academic vocabulary in AWL in the current learner corpus, according to the above-mentioned scholars, are because of the lack of knowledge in all the derivative forms in a word family [9], [10]. Based on the sources of error in the current learner corpus the interlingual errors dominate in Word Form and the analogy could be found in Hemchua and Schmitt study, where the developmental L2 errors prevail the interlingual ones. Concerning the word form errors found in the corpus, misselection of errors in the suffixes were identified and the cause of these errors, based on Shalaby et al., are because of the gap in the morphological knowledge of the word and this aspect is required to be taught [11]:

Again, it happens because of political reasons and they arrest people who **accessing** them (access)

It promotes offenses against their authorities which lead to **constantly** conflicts (constant)

People start to underestimate their **individualities** by becoming fake options of Rihannas or Beyonces (individuality)

Even in this **technological** development century (technologically)

Offenses against their authorities which lead to **constantly** conflicts (constant)

Syrian Government explained their ban of Facebook by the website **promoted** attacks on authorities (promoting)

36 of them consider that parents **contributing** their children to get an addiction from the social networks (contribute)

With an estimated 1.7 billion monthly users for 2016 it can be supposed to be a melting pot of users of various nations with diverse cultural **identity** and worldview (identities) can be regarded as one of the most life altering **phenomena** (phenomenon)

Moreover, in the corpus, there were errors in Word Form which refer to misuse of singular and plural forms of the nouns and this indicate that although the learners might knew the form of the word, they did not use them correctly [12]:

The key is the **communications** skills (communication)

Verb **tenses** confusion are common (tense)

Errors in Collocation

In the light of analyzing AWL errors in the category of Collocation, it was revealed that in this category it was really hard to allocate and classify errors because collocation errors are easy to confuse with context errors. The frequency of collocation errors in AWL is relatively high (45%). In the current learner corpus, L1 and L2 errors in collocation are almost equal – 5 interlingual errors and 4 intralingual ones. The findings indicate some discrepancy between the results found in Kang & Chang and the current learner corpus [13]. In the research by Kang and Chang it was highlighted that in Korean EFL writings collocation errors are mostly because of L1 transfer and no examples of L2 errors in collocation were mentioned, whereas in this study both interlingual and intralingual interference had an impact on making collocation errors in AWL. Accordingly, the possible reason for errors based on Kang & Chang is the direct translation from mother tongue to target language, showing lack of knowledge in AWL and lexical competence and incorrect usage of content words. Some of the examples are provided:

Some people find it as a great source of information; others consider it as **a way of communication** across the world (means of communication)

Taking for granted all these aspects of Facebook, it has become **an inseparable aspect of our lives** (part of)

Those examples are the very proofs that with the help of social networking, people banded together to **distribute** political riot (start, spread out)

Firstly, Facebook is the most easily **communicative** way (easiest tool for communication)

Some people find it as a great source of information; others consider it as **a way of communication** across the world (means of communication)

Taking for granted all these aspects of Facebook, it has become **an inseparable aspect of our lives** (part of life)

For example, when one leaves a comment under his/her friend's status or photo and another one comments on it too they can **create** their conversation and become good friends (start)

Facebook can be regarded as one of the most life **altering** phenomena of our century (changing)

Conclusion

Considering learners' educational background and the role of the English language that it plays in English medium University, two causes of making errors were identified-interlingual and intralingual errors in AWL. Based on the corpus-based approach of analyzing errors L2 (intralingual) errors prevail L1 (interlingual) ones. It was unveiled that the students face difficulties in AWL and all the mentioned aspects should be accentuated, as students make mistakes because of erroneous affiliation and mostly because of lack of knowledge in L2. This study describes some of the areas of academic vocabulary in which learners experience problems. Moreover, EA assisted to identify the reasons of the errors and helped to distinguish that besides intralingual errors, interlingual ones also have an impact on making errors in academic vocabulary (errors made primarily because of literal translation from mother tongue). Furthermore, current study may assist educators to create an authentic context for possessing AWL, to establish curriculum and design activities that will help the learners to avoid errors in academic vocabulary.

REFERENCES

1. *Dodigovic M. & Wang S.* The Misuse of Academic English Vocabulary in Chinese Student Writing. *US-China Foreign Language*, 13(5), May, 2015. PP. 349–356.
2. *Dodigovic M., Li H., Chen Y. and Guo D.* *The Use of Academic English Vocabulary in the Writing of Chinese Students.* *English Teaching in China*, 5, 2014. PP. 13–19.
3. *Harutyunyan N.* *Lexical Errors in the Writing of EFL Students in the Armenian Context* (master's thesis). American University of Armenian, 2018.
4. *Paltridge B. & Phakiti A.* *Research Methods in Applied Linguistics.* London, UK: Bloomsbury Academic, 2015. P. 36.
5. *Gass S. & Selinker L.* *Second Language Acquisition.* New York: Routledge, 2008.
6. *Coxhea A.* A New Academic Word List. *TESOL Quarterly*, 34(2), Sum, 2000. PP. 213–238.
7. *Dodigovic M., Li H., Chen Y., and Guo D.* The Use of Academic English Vocabulary in the Writing of Chinese Students. *English Teaching in China*, 5, 2014. PP. 13–19.
8. *Hemchua S. & Schmitt N.* An analysis of lexical errors in the English compositions of Thai learners. *Prospect*, 21(3), Dec, 2006. PP. 3–25.
9. The same.
10. *Schmitt N., Meara P.* Researching vocabulary through a word knowledge. Word associations and verbal suffixes. *SSLA*, 20, 1997. PP. 17–36.
11. *Shalaby N.A., Yahya N. & El-Komi M.* Analysis of Lexical Errors in Saudi College Students' Compositions. *cAyn, Journal of the Saudi Association of Languages and Translation*, 2 (3), Jan, 2009. PP. 65–93.
12. *Richards J.C.* Social factors, interlanguage, and language learning. *Language Learning* 2 (2), 1972. PP. 64–91.
13. *Kang M., Chang S.* An Analysis of Lexical Errors of Korean Language Learners: Some American College Learners' Case. *Pan-Pacific Association of Applied Linguistics*, 18 (2), 2014. PP. 93–110.

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОШИБОК, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ**М.А. Варданян***Российско-Армянский (Славянский) университет***АННОТАЦИЯ**

Цель данного исследования – выявить лексические ошибки в академической лексике, допущенные в эссе армяноязычными студентами, для которых английский язык является вторым, определить распространенные виды ошибок и объяснить причины данных ошибок с помощью стратегий анализа ошибок и методом корпусного анализа. Для получения более достоверных, контекстно-обусловленных данных в работе используется подход смешанных методов исследования, который объединяет количественные и качественные исследовательские компоненты. Типы ошибок, частота их возникновения и причины ошибок в академической лексике были обнаружены и подсчитаны с помощью классификации лексических ошибок. Результаты настоящего исследования могут помочь преподавателям создать аутентичный контекст для освоения списка академических слов AWL, разработать соответствующие учебные планы и упражнения, которые помогут учащимся избежать ошибок в академической лексике.

Ключевые слова: лексическая ошибка, анализ ошибок, корпусный анализ, список академических слов, академическая лексика.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2023_2_113
УДК 37

Поступила: 04.07.2023г.
Сдана на рецензию: 19.07.2023г.
Подписана к печати: 02.08.2023г.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ПЕДАГОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛУГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ООП¹

Г.Р. Овян, К.А. Саакян

*Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна
hovyangohar56@aspu.am, krist8910@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен новый порядок обеспечения образовательных потребностей и педагогико-психологических услуг детей с ООП, в соответствии с которым полученная в процессе оценки информация об оценке потребности в конкретных условиях обучения и методика обобщения результатов проводится для педагогико-психологической экспертизы с целью определения вида, периода, продолжительности и объема оказания вспомогательных услуг.

Ключевые слова: оценка потребности обучающегося в особых условиях обучения, информация, собираемая при оказании вспомогательных услуг, региональный центр, учреждение, ввод, информационная система управления образованием.

В настоящее время в контексте проводимых в РА образовательных реформ решения, принятые на основании ряда законодательных изменений, предполагают новый порядок обеспечения образовательных потребностей и педагогико-психологических услуг детей с ООП, согласно которому новый порядок, в соответствии с которым и отношения, связанные с оказанием услуг педагогико-психологической поддержки (далее – службы поддержки) для организации образования, определенных Законом «Об народном образовании», регулируются по уровням:

1. Уровень образовательного учреждения, предоставляемый государственным образовательным учреждением (далее – Учреждение);
2. Региональный уровень, который предоставляется областным центром;
3. Республиканский уровень, предоставляемый Республиканским педагогико-психологическим центром (далее – Республиканский центр).

Услуги поддержки предоставляются участникам образовательного процесса по четырем основным направлениям:

- 1) создание адаптированной и доступной среды;

¹ Особые образовательные потребности.

- 2) предоставление разумных приспособлений;
- 3) повышение доступности, инклюзивности, качества и эффективности образования;
- 4) оказание вспомогательных услуг, определенных индивидуальным планом обучения учащегося (далее – ИПО²) (Форма 1) [1; 2].

После получения заключения и протокола (согласно Форме 2 и Форме 3), выданного Региональным центром о необходимости особых условий обучения учащегося, в течение 5–10 рабочих дней Учреждение и Региональный центр совместно разрабатывают и утверждают ИПО², в котором предусмотрены особые условия обучения и вспомогательные услуги, оказываемые обучающемуся, его воспитателям и родителям, направленные на обеспечение этих условий, по уровням. В каждый последующий год, в том числе при проведении очередных аттестаций, ИПО разрабатывается и утверждается до 20 сентября данного учебного года [3; 4].

Заместители директора учреждения и Регионального центра раз в два месяца созывают совместное собрание для подведения итогов оказанных услуг поддержки за данные месяцы, для фиксации достижений, успеваемости и существующих трудностей обучающихся, для внесения предложений в направление методов и приемов работы на преодоление имеющихся трудностей студента. Протокол совместного заседания утверждается заместителем директора Регионального центра и заместителем директора Учреждения (Форма 4). ИПО и протокол оценки ИПО являются основой для мониторинга, проводимого Республиканским центром [5; 6].

Региональный центр и Учреждение вносят информацию, собранную в ходе оценки особых образовательных потребностей обучающегося и оказания Услуг поддержки, в единую базу данных обучающихся с особыми образовательными потребностями Информационной системы управления образованием. В целях определения специальных условий обучения, необходимых для освоения обучающимся основных общеобразовательных программ, в том числе обоснованных адаптаций, Региональным центром проводится оценка особых условий обучения обучающегося. Оценка потребности обучающегося в специальных условиях обучения состоит из трех этапов:

1. 1-й этап: наблюдение за участием обучающегося в образовательных программах;
2. 2-й этап: выявление и оценка возможностей развития учащегося;
3. 3-й этап: определение специальных необходимых условий образования.

На 1-м и 2-м этапах оценивания также изучается информация об оценивании результатов обучения учащегося. 3-й этап оценки осуществляется на основе информации, собранной на первом и втором этапах. После завершения 3-х этапов оценки потребности в специальных условиях обучения Региональный центр составляет протокол и выдает заключение о необходимости специальных условий

² «Индивидуальная программа обучения».

обучения. Регулярная оценка потребности обучающегося в спец. условиях проводится в конце учебного года, предшествующего переходу на каждую новую ступень обучения, или в начале данного учебного года (в первом, пятом и десятом классах), если перед этим нет необходимости определять для обучающегося новые специальные условия обучения [7; 8]. Если в процессе обучения у учащегося наблюдались стойкие трудности с обучением, в целях установления особых условий обучения обучающийся может быть подвергнут оценке потребности в особых условиях обучения на основании заявления Учреждения по месту обучения ребенка, если к заявлению прилагается договор, подписанный родителем, либо на основании заявления органа опеки и попечительства (Формы 5, 6, 7). Оценка потребности в особых условиях обучения учащегося также может осуществляться непосредственно на основании заявления Родителя в том же порядке (Форма 8). Процессом оценки потребности в особых условиях обучения обучающегося руководит заместитель директора Регионального центра, который отвечает за бесперебойную и объективную реализацию всего процесса. К процессу оценки потребности в особых условиях обучения учащегося также привлекаются преподаватели учреждения, другие педагогические работники, обучающиеся и их родители. Оценка необходимости специальных условий обучения обучающегося в учреждении длится от 5 до 25 рабочих дней [9; 10]. После завершения оценки потребности в специальных условиях обучения в течение 5 рабочих дней оценочная группа составляет протокол и выдает заключение об особых условиях обучения обучающегося. В качестве заключительной оценки степени нарушения функции принимают среднее значение входящих в функцию подфункций, округленное до целого числа в большую сторону. Степень потребности в специальных условиях воспитания ребенка, в данном случае – степень нарушения речи, соответствует оценке функции с наивысшей степенью нарушения.

Проведенные нами исследования в основном касаются изучения трудовой деятельности работников педагогического коллектива и логопедов областного центра педагогико-психологической поддержки в условиях реформы образования. Проведенное нами исследование постановки логопедической работы в общеобразовательных школах в основном было ориентировано на оказание логопедических услуг, основой для чего послужила классификация на основе функциональных нарушений [11; 12]. Отметим, однако, что обращение к научному анализу логопедической работы в общеобразовательной школе не освещается в школах, не выявляются имеющиеся проблемы, не анализируются их причины, не устанавливаются ценностные нормы работы.

Как показало исследование, роль логопеда-специалиста в школе представлена недостаточно, в связи с чем в школах принимаются решения об упразднении должности логопеда и сохранении логопеда в школе в качестве помощника учителя. Как мы представили в соответствующем формате, в результате педагогико-психологической оценки потребности ребенка в специальных условиях обучения

делается соответствующий вывод о необходимых для организации обучения ребенка специальных условиях воспитания, который представляет собой тип и степень нарушения речи ребенка по МКФ³ [13; 14]. В дополнение к вышеизложенному, добавим также, что в 2017 году приказом Министра образования и науки РА № 370-Ն от 13 апреля были определены вид, период, продолжительность и объемы вспомогательных услуг, предоставляемых индивидуальным планом обучения. Здесь степень потребности в специальных условиях обучения определяется как легкая, средняя, тяжелая и глубокая. В приказе четко указано, что для легких случаев предписано наблюдение, для умеренных случаев – частая поддержка, и высокочастотная поддержка для тяжелых случаев и постоянная поддержка – для глубоких случаев. К сожалению, в том же приказе не уточняется, на каком основании, например, при легкой степени предоставляется в общей сложности 90 минут поддержки в неделю (включая специальную педагогическую (45 минут)), психологическую (20 минут) и социализационную услугу (25 минут). На частую поддержку 180 минут в неделю (в т.ч. специальные педагогические (90 минут)), психологические (40 минут) и социализационные услуги (50 минут), на высокочастотную поддержку – 250 минут (в т.ч. специальные педагогические (100 минут)), психологические (60 минут) и услуги по социализации (90 минут), для постоянной поддержки: 390 минут (включая специальные педагогические (130 минут)), психологические (60 минут) и услуги по социализации (200 минут). Если мы попробуем, например, период обслуживания, определенный для ребенка, нуждающегося в частой поддержке, разделить на дни недели, тогда получаем 25,7 минут в день. А в случае ребенка, нуждающегося в поддержке с высокой частотой, предоставляется 35,7 мин. [15; 16]. Полагаем, что даже такой анализ позволяет выделить проблемы, выражающие организацию обобщающего логопедического воздействия для каждого ребенка в соответствии с полученной информацией об оценке потребности в специальных условиях образования, поскольку педагогико-психологическая оценка потребности в специальных условиях образования ребенка в результате логопедического исследования по соответствующему заключению количества часов логопедического сопровождения, выделяемых ребенку, составляет 25 минут в день, с 1–2 встречами в неделю, что недостаточно для эффективной логопедической работы. В ходе осуществления исследования мы также обнаружили оценку потребности в особых условиях воспитания на разных этапах развития ребенка, процесс сбора многогранной информации о нем и согласования данных, который осуществляется в обычной для ребенка среде, обеспечение правильного планирования образовательных программ ребенка, оказание необходимых профессиональных услуг, а также проведение логопедической оценки.

Для организации, проводимой по этим критериям МКФ и обучения детей с особыми образовательными потребностями, могут быть применены педагогико-

³ Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья.

психологические оценочные критерии оценки особых образовательных потребностей ребенка с уточнением и определены признаки и квалификаторы речевых нарушений. Поскольку данные стандарты разработаны в соответствии с требованиями Закона Республики Армения «О народном образовании», мы считаем, что выявленные нами наблюдения могут быть более эффективно применены к организации обучения детей, нуждающихся в специальных образовательных условиях:

- В результате ошибок в переводе профессиональных терминов в определителях неправильно описаны те нарушения звука, которые позволили бы более точно понимать легкие, средние, тяжелые и глубокие расстройства афонии, дисфонии, фонастении и ринофонии, которые либо вообще не описываются в этих определителях, либо представлены охрипlostью, гиперназальностью и гипоназальностью.
- Квалификаторы произносительных /артикуляционных/ функций также фактически не выявляют функции артикуляции, что вызывает путаницу при описании различных нарушений артикуляции. Последние в одном случае описываются как расстройство восприятия и квалифицируются как расстройство легкой степени, а в других случаях описываются как расстройство письменной речи, которые в данном случае не связаны с нарушениями произношения.
- В определителях также не выявлен тип нарушения речи по количеству нарушенных звуков, когда имеют место нарушения одного звука или звуков, принадлежащих к одной фонемной группе, или когда при среднетяжелых или тяжелых случаях нарушены имеющие разные произношения и принадлежащие к разным фонемам звуки, например, свистящие и звонкие и т.д. То есть несколько звуков, принадлежащих к разным фонемам, произносятся неправильно. Что касается тяжелых и глубоких нарушений произношения, то следует отметить, что совершенно отсутствуют упоминания об анатомо-физиологических изменениях речевых фабрик и нарушениях всех компонентов речи, которые являются тяжелыми и глубокими нарушениями произношения, в определителях это позволило бы также указать тяжелые нарушения произношения (ринолалия, дизартрия-анартрия).
- Речевой поток и темп, включая беглость речи, ритм, скорость и мелодические функции, акцент и интонацию, а также следующие нарушения: заикание, быструю речь (тахилалию) и замедленную речь (брадилалию) нуждается в редактировании в том смысле, что описание определителей не раскрывает в полной мере особенности темпоритмической структуры речи. Такое описание также не позволяет правильно описать определители, которые не обобщают легкую, среднюю, тяжелую и глубокую формы заикания, тахилалию, брадилалию, итерационные стопы.
- Что касается определителей, выявляющих проблемы устной или письменной речи, или процессов письма и чтения, то здесь при редактировании допущены довольно грубые ошибки, не позволяющие составить правильное представление, особенно о некоторых терминах, представляющих тяжелые и глубокие

расстройства. Прежде всего, современный анализ нарушения чтения или письма, выраженного в определители, должен основываться на понимании сложной психофизиологической структуры процесса чтения или письма в норме и особенностей приобретения этого навыка детьми. Следует отметить сложные механизмы зрительного, речедвигательного, слухоаудиального взаимодействия различных анализаторов, участвующих в этих процессах. Тогда, на самом деле, чтение с его психофизиологическими механизмами считается более сложным процессом, чем устная речь, в то же время его нельзя рассматривать вне единства письменной и устной речи [17; 18; 19].

Таким образом, многомасштабный анализ, представленный РППЦ, выполненный для целей формата оценки МКФ, позволяет сделать вывод о том, что наблюдения и рекомендации, которые были сделаны для организации обучения детей с особыми образовательными потребностями, могут быть трансформированы с учетом того соображения, согласно которому приведенные выше формулировки признаков и определителей будут иметь обобщенную и исчерпывающую оценку.

Для проведения педагогико-психологической экспертизы и логопедической поддержки на должном уровне специалисты в данной области должны, в первую очередь, уметь оценивать речевые проблемы ребенка по общим критериям классификации речевых нарушений, принятых в современной логопедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Республики Армения от 13.10.2016, N1058-Н «Об определении типовых уставов и перечня республиканских и территориальных центров педагогико-психологической поддержки».
2. Приказ Министра образования и науки РА от 13 апреля 2017г. N 370-Ն «Об утверждении порядка оказания услуг педагогической и психологической поддержки организации образования».
3. Протокол № 6 заседания Правительства РА от 18.02.2016г. об утверждении плана мероприятий и графика внедрения системы всеобщего инклюзивного образования.
4. Оценка внедрения инклюзивного образования в РА, Образовательно-исследовательский и консультационный центр и Фонды Открытого Общества-Армения, 2013г.
5. *Арутюнян З., Овян Г.* Совместная работа с родителями как необходимое условие эффективной организации инклюзивного образования / Материалы конференции «Проблема детства в современной армянской семье, вызовы XX века, пути предотвращения и преодоления», Ер., 2016. СС. 110–117.
6. *Арутюнян М.Р.* Руководство по организации ухода за детьми и подростками с ограниченными возможностями передвижения. Ер.: Авт. изд., 2017. С. 48.
7. Закон РА «О народном образовании» от 1 декабря 2014г.
8. Оценка становления процесса общей инклюзии в тавушской, лорийской и сюникской областях РА // Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна Исследовательский центр по проблемам социальной интеграции и инвалидности, Ер., 2019.
9. Постановление Правительства Республики Армения от 13.10.2016, N1058-Н «Об определении типовых уставов и перечня республиканских и территориальных центров педагогико-психологической поддержки».
10. *Арутюнян З., Овян Г.* Полидисциплинарная командная работа как необходимое условие эффективной организации инклюзивного образования // Научно-методический журнал

- «Педагогика-7», 2013. Общеобразовательная государственная система образования Республики Армения, Ер., 2017. СС. 21–25.
11. *Овян Г.* Особенности логопедической работы в школах, реализующих инклюзивное образование. «Инклюзивное образование. современные проблемы и задачи» // Материалы сборника статей Международной научно-практической конференции, Ер., 2015. С. 60.
 12. *Aslanyan A., Hovyan G.* Modeling of speech therapy assessment in regional pedagogical and psychological support centers. *Armenian Journal of Special Education Scientific Methodological Journal*. Second Issue of first Volume, Yerevan, 2020. PP. 7–19.
 13. *Hovyan G., Grigoryan G.* Speech therapy intervention with armenian-speaking children having sounds pronunclation disorders // *Armenian journal of special education*, ISSN 2579-2881 Published: Scientific Methodological Journal, First issue of the first volume; Yerevan, 2020. PP. 52–66.
 14. *Crossman A.* Understanding Purposive Sampling: An Overview of the Method, 2018.
 15. Постановление Правительства Республики Армения от 13.10.2016, N1058-Н «Об определении типовых уставов и перечня республиканских и территориальных центров педагогико-психологической поддержки».
 16. Приказ Министра образования и науки РА от 13 апреля 2017г., N 370-Ն «Об утверждении порядка оказания услуг педагогической и психологической поддежки организации образования».
 17. Постановление Правительства Республики Армения от 13.10.2016, N1058-Н «Об определении типовых уставов и перечня республиканских и территориальных центров педагогико-психологической поддержки».
 18. Приказ Министра образования и науки РА от 13 апреля 2017г., N 370-Ն «Об утверждении порядка оказания услуг педагогической и психологической поддежки организации образования».
 19. UNICEF (2012) Humanitarian Action for children, doi: <http://www.unicef.org/hac2012> [URL: www.hmk.am].

EDUCATIONAL NEEDS AND PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL SERVICES FOR CHILDREN WITH SEN

G. Hovyan, K. Sahakyan

Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan

ABSTRACT

The article presents a new procedure for ensuring the educational needs and pedagogical and psychological services of children with special educational needs, in accordance with which the information obtained in the assessment process on assessing the need for specific learning conditions and the methodology for summarizing the results is carried out for pedagogical and psychological examination in order to determine the type, period, duration and scope of support services.

Keywords: Assessment of the needs of a student in special learning conditions, information collected in the provision of support services, regional center, institution, input, education management information system.

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ НА ПЛОЩАДКЕ РАУ: НАСТАВНИЧЕСТВО – СТРАТЕГИЯ НЕПРЕРЫВНОГО РАЗВИТИЯ И ИМПУЛЬС К ДАЛЬНЕЙШЕМУ УКРЕПЛЕНИЮ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Берберян А.С., д.п.с.н., профессор, зав. кафедрой психологии Российско-Армянского университета (РАУ (РА)), Башкин Е.Б., к.п.с.н., зав. кафедрой психологии и педагогики Российского университета Дружбы Народов (РУДН (РФ)), Новикова И.А., канд.п.с.н., доцент Российского университета Дружбы Народов (РУДН (РФ)), Корнилова О.А., д.п.с.н., профессор, первый заместитель директора СФ ГАОУ ВО Московского городского педагогического университета преподаватель кафедры психологии и педагогики Российского университета Дружбы Народов (РУДН (РФ))

«Наставничество – это инвестиция в долгосрочное развитие организации, в ее «здоровье». Дэвид Майстер

«Весь смысл жизни заключается в бесконечном завоевании неизвестного, в вечном усилии познать больше». Эмиль Золя

Роль и значение феномена наставничества в современном мире обсудили эксперты, ученые-исследователи 16–17 мая 2023г. в рамках состоявшегося в Российско-Армянском университете психологического форума: «Феномен наставничества: экзистенциально-гуманистическая парадигма и технологии реализации в образовании, управлении, психотерапии и межкультурных отношениях». РАУ на своей площадке объединил лучших специалистов из армянских, российских вузов, из образовательных структур ближнего и дальнего зарубежья, в том числе из Казахстана, Израиля, Германии и др. стран. Организатором данного Форума явилась кафедра психологии ИГН РАУ, соорганизаторы: Российский университет дружбы народов (РФ); Российский центр науки и культуры в Ереване (РА); «Московский городской педагогический университет», Самарский филиал (РФ); Центр социокультурных исследований НИУ ВШЭ (РФ); Союз психологов Армении (РА); Казахский Национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан).

Среди почетных гостей, в том числе классиков научной психологии, можно отметить И.В. Абакумову, академика РАО (РФ); Н.М. Лебедеву, д.пс.н., профессора, научного руководителя Центра социокультурных исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ); В.В. Козлова, Президента МАПН, д.пс.н., профессора (РФ); О.А. Корнилову, д.пс.н., профессор МГПУ СФ (РФ), Е.Б. Башкина, к.пс.н., зав.кафедрой психологии и педагогики, РУДН (РФ), А.Б. Прусак, доктора философии (Израиль) и др.

Насыщенная программа Форума включила в себя пленарные и научные секционные заседания, мастер-классы, открытые интерактивные лекции, Круглые столы, Телемост: «Армения-Россия».

В повестке научных заседаний – актуальные темы и проблемы, связанные с феноменом наставничества: «Психолог как духовный наставник», «Тенденции и проблемы развития системы наставничества в сфере управления», «Диалог культур и проблема межэтнической толерантности в процессе обучения», «Психическое здоровье и психологическое благополучие личности: психологическая помощь в контексте феномена наставничества» и др.

«2023-й объявлен в РФ годом педагога и наставника, и это актуально как для России, так и для Армении, поэтому мы решили посвятить наше масштабное мероприятие и по географии и количеству участников, и по разнообразию форм и методов этой проблеме. Реализация данного научно-образовательного проекта способствует сохранению общего научного и культурного пространства, платформы гуманитарного сотрудничества между Россией, Арменией и др. странами, формированию и развитию конструктивного диалога», – подчеркнула в своем приветствии заведующая кафедрой психологии РАУ, председатель Оргкомитета форума, профессор *Ася Суреновна Берберян*.

В своем приветствии Берберян отметила, что наставничество методологически опирается на основные положения экзистенциально-гуманистической парадигмы об экзистенциальных потребностях человека: в трансценденции; в укорененности; в идентичности; в связи с другими людьми; она подчеркнула, что именно экзистенциальные потребности, которые выше и сложнее простого благополучного существования, делают нас не просто индивидами, биологическими существами, а делают нас личностью, с ее духовностью, идеалами, ценностями и вечным поиском смысла своего существования, без которых невозможно обрести счастье и смысл жизни. Во всех случаях созидание – творчество, генерация новых идей, наставничество: передача своего опыта другим людям, или новому поколению, сопряженное с принятием другого человека, готовностью взять ответственность, проявляя уважение и заботу. И каждый человек вкладывает собственные смыслы, которые докладчик закодировала в понятии «наставник», представляемой ею как аббревиатура, включающей себя альтернативу, аутентичность, качество, новаторство и др. В конечном счете, она приходит к обобщению: «Наставник – это совесть профессии».

С приветственным словом выступила *Геворкян Србуи Рафиковна*, ректор Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, доктор психологических наук, профессор. Она также поприветствовала участников форума, отметив важность его проведения и тех проблем и вопросов, которые поднимаются в представляемых исследованиях. По ее словам, обсуждаемые вопросы крайне актуальны в условиях стремительно меняющегося мира, особенно при работе с молодежью.

В приветствии участникам Международного психологического форума Н.М. Лебедева, научный руководитель Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ выразила благодарность за сотрудничество и высказала пожелания успешной работы в адрес участников и принимающей стороны в лице РАУ и организатора форума профессора А.С. Берберян.

«Хочется сказать, что мы приехали к друзьям, мы не впервые в Российско-Армянском университете. Вопросы, которые поднимаются, крайне важные с точки зрения общественной значимости. Люди мало что могут изменить в этих глобальных и серьезных изменениях, которые происходят с периода пандемии. Это действительно значимый международный форум, который объединил ведущих специалистов из Армении и России, поистине выдающихся ученых. Нам важно договариваться, как работать вместе и как добиться воплощения наших планов в жизнь», – поделился заведующий кафедрой психологии и педагоги РУДН, сопредседатель Оргкомитета конференции Евгений Башкин.

С приветственным словом также выступили *Аванесян Грант Михайлович* – президент Общества психологов Армении, зав. кафедрой общей психологии Ереванского государственного университета, доктор психологических наук, профессор; *Акопян Наира Рафиковна* – заместитель директора по научно-исследовательской работе Международного научно-образовательного центра Национальной академии наук РА, доктор психологических наук, профессор; *Фефилов Вадим Павлович* – руководитель Российского центра науки и культуры в Ереване (г. Ереван, Армения); *Седракян Седрак Агасиевич* – ректор Университета практической психологии и социологии «Урарту», доктор психологических наук, профессор. *Ярамишян Виктор Беникович* – кандидат психологических наук, доцент, проректор по работе со студентами, выпускниками и с общественностью Арцахского государственного университета из Степанакерта подключился в дистанционном формате. Он поприветствовал участников Форума и отметил, что впервые не смог приехать и очно принять участие в форуме по причине блокады Арцаха, продолжающейся уже более 150 дней.

На пленарном заседании выступил Козлов Владимир Васильевич – президент Международной Академии психологических наук, академик МАПН, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и политической психологии (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, РФ) с докладом на тему: «Психолог как духовный наставник». Он поделился мнением о том, что к психологу, работающему в XXI

столетии, существуют особые требования: психологу требуются не только профессиональные знания и навыки, не только личностное развитие, но и нечто, что в традициях обозначалось духовным опытом. Владимир Васильевич заметил, что о духовности в наши дни не пишет лишь ленивый, но во многих текстах духовность трактуется крайне упрощенно.

В.В. Козлов отметил: «Неутолимое расширение своих возможностей, которые могли бы послужить другим во благо – вот истинное стремление». В своем докладе ученый коснулся вопросов приверженности психического здоровья. С одной стороны, как он отметил, проблема жизненного смысла (смысла жизни человека) является общей для всех людей, но существенная трудность состоит в том, что само переживание и понимание смысла является феноменом индивидуальным. А между людьми, как известно, очень много различий. Люди разнятся не только своим внешним видом, но и поступками, зачастую чрезвычайно сложными и непредсказуемыми, мышлением, ценностями, установками, целями, мотивацией... Эти громадные различия усложняют, если не делают вообще невозможным, решение задачи по установлению того общего жизненного смысла, что объединяет представителей человеческой расы.

Корнилова Ольга Алексеевна – сопредседатель Оргкомитета, доктор психологических наук, профессор, первый заместитель директора (СФ ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет, РФ) выступила на пленарном заседании с темой доклада: «Профориентационное наставничество – новый педагогический класс». Доклад был посвящен феномену наставничества в профориентации. Наставничество в школьной профориентации предполагает перемещение акцентов в профориентационной работе от констатирующе-рекомендательных вариантов помощи к активизации обучающихся через профессиональные пробы и формирование у них умения ориентироваться в разнообразных ситуациях выбора и принимать ответственные решения.

Наставничество представляется как технология интенсивного развития личности, передачи опыта и знаний, формирования навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей. Представленный в докладе опыт Самарского филиала Московского городского педагогического университета по реализации проекта «Педагогический класс» обеспечивает осознанный выбор профессии в педагогической и иных социальных сферах деятельности.

На пленарном заседании также выступили *Башкин Евгений Брониславович* – сопредседатель Оргкомитета, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой психологии и педагогики (Российский университет Дружбы Народов (РУДН), РФ) и *Новикова Ирина Александровна*, кандидат педагогических наук, доцент (Российский университет Дружбы Народов (РУДН), РФ) подготовили доклад на тему: «Психологические аспекты наставничества в современном HR-менеджменте».

В рамках доклада коллеги из РУДН рассмотрели тенденцию к изменению парадигмы в современном HR-менеджменте в организации, продиктованную насту-

пившей новой технологической эрой: так, коллеги отметили переход от управления человеческими ресурсами к парадигме управления человеческим потенциалом, где главными компетенциями для развития карьеры становятся готовность развиваться и обучаться, находить свое полезное место в организации, в дополнение к развитию степени мастерства в конкретных знаниях и навыках. Так, в управленческом контексте произошел переход от определения потребности в талантах и оценки готовности сотрудников к поиску совпадения личных карьерных целей сотрудника и потребностей компании. Такое изменение требует и переосмысления феномена наставничества в организации к коучингу наиболее талантливых, к обсуждению прогресса в развитии и регулярном диалоге между руководителем и сотрудником. В докладе были приведены данные разных исследований, подчеркивающих, что базовые психологические компетенции становятся основой любой профессии, а наставничество – универсальной ролью любого менеджера.

Берберян Ася Суменовна в своем докладе: «Феномен наставничества: экзистенциально-гуманистическая основа и эффективные модели в образовании» представила наставничество как универсальную технологию передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве. Докладчик остановилась на ролях педагогов-наставников, правилах общения, которые являются наиболее конструктивными и принесут желаемый эффект. А.С. Берберян представила результаты эмпирического исследования по предпочитаемым моделям, ролям и формам наставничества,

Берберян А.С. считает, что наставничество, фасилитация – это, прежде всего, позитивное влияние на подопечного, с целью стимулирования и поддержания у них потребности в самостоятельной продуктивной деятельности. Она приводит метафорическую, образную цитату Роджерса: «учитель-фасилитатор, общаясь со своими учащимися, умеет, образно говоря, постоять в чужих туфлях, посмотреть глазами детей на все вокруг, в том числе на себя».

Лебедева Н.М. была организатором и ведущей *Круглого стола* «Межкультурные отношения на постсоветском пространстве в условиях глобальных вызовов» в рамках форума. Участники: Бушина Е.В. – канд. пс.н., старший научный сотрудник Национально-Исследовательского университета Высшей Школы Экономики (г. Москва, РФ); Ткаченко Н.В. – канд. пс. н. Московского государственного психолого-педагогического университета (МГПУ, г. Москва, РФ); А.Н. Татарко, В.Н. Галяпина, З.Х. Лепшокова – сотрудники Национально-Исследовательского университета Высшей Школы Экономики (г. Москва, РФ).

Обсуждались важные вопросы: как социокультурный контекст и принадлежность к определенному поколению влияют на межкультурные отношения на постсоветском пространстве, являются ли этнические границы проницаемыми для иноэтничных мигрантов, что способствует и препятствует устойчивому миру и плодотворному сотрудничеству на постсоветском пространстве и чем мы, психологи, можем помочь этому?

Коллеги из РАУ (г. Ереван, Армения), НИУ ВШЭ, РУДН и МГППУ (г. Москва, РФ) привели примеры исследования межкультурных взаимодействий на постсоветском пространстве и поделились экспертным мнением о роли современных вызовов в межэтнических отношениях в разных постсоветских странах.

Заведующий кафедрой психологии и педагогики Российского университета Дружбы Народов *Башкин Евгений Брониславович* также выступил с мастер-классом «Приверженность вопросам психического здоровья: роль психолога, руководителя, наставника». В рамках мастер-класса были рассмотрены драйверы активности деятельности личности, выявленные сотрудниками кафедры психологии и педагогики РУДН в рамках глобального исследования, способствующие развитию приверженности вопросам психического здоровья личности, что, в свою очередь, ведет к росту производительности и продуктивности субъекта деятельности. Данная модель психического здоровья включает в себя индикаторы таких компетенций, как управление временем, целеполагание и управление отношениями. Слушатели мастер-класса имели возможность обсудить с автором доклада свой личный опыт и наметить пути для совершенствования деятельности, в том числе за счет включения наставничества в их основную деятельность за счет механизма обратной связи, направленной вперед (feed forward).

Давтян Елена Николаевна – кандидат медицинских наук, врач-психиатр медицинских клиник ММСС (Ереван), Династия (Санкт-Петербург, РФ) выступила с интерактивной лекцией: «Проблемы системы наставничества в современной медицине как следствие трансформации ее целей и ценностей». Она отметила, что Институт медицины традиционно представлял из себя единство ценностей и технологий. Ценности – самая консервативная часть медицины, остававшаяся неизменной вплоть до начала XXI века. Однако процесс дегуманизации медицины, тесно связанный с бурным развитием технологий и, особенно с введением менеджерской модели статистического управления качеством в здравоохранении, привел к явлению деэтизации медицинской практики. Одним из следствий этих изменений явилось разрушение института наставничества в медицине.

Прусак Анна Борисовна – доктор философии, познакомила аудиторию с авторской методикой: «Переписка с Профессором» – инновационной технологией самонаставничества, формирующей механизмы самостоятельного решения учебных и жизненных проблем. Анна Борисовна убедительно, обоснованно и наглядно отметила: «Современная жизнь задает человеку вопросы, на которые нет ответов в учебниках. Самое ценное сегодня – дать ученику инструмент саморазвития и самоподдержки, помогающий снизить стресс и самостоятельно находить решение задач, связанных с личностным ростом и социализацией. С этой целью разработан авторский инновационный инструмент самонаставничества «Переписка с Профессором». Исследования показали, что с помощью этого инструмента ученики овладевают навыками самопомощи, позитивным мышлением, осознанно строят лич-

ный успех. «Инструмент обеспечивает здоровый процесс взросления и саморазвития и помогает взять на себя ответственность за свой выбор, последствия решений и за свою жизнь».

Тевосян Мария Врамовна – кандидат психологических наук Психологического центра «Айг», РАУ, (г. Ереван, РА) отметила в интерактивной лекции: «Развитие профессионального мышления студентов психологов» рассказала о том, что профессиональное мышление психолога раскрыто с точки зрения специфики профессионального образования психологов и уникальных свойств и специфических характеристик предмета мышления профессионала психической реальности, где психолог использует свое «Я» и психическую активность для погружения в скрытую психологическую действительность, с целью понимания и воздействия как возможности построения другим человеком (и самим психологом) качественно нового текста, а значит – появление новых качеств психического в момент взаимодействия. На основании выделения и описания компонентов профессионального мышления психологов и условий необходимых для развития профессионального мышления представлены методы и технологии, используемые в обучении студентов-психологов РАУ и обсуждаются полученные результаты, а также возможность их применения в психологической практике.

Ведущий *Ермаков Дмитрий Сергеевич* – доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Российского университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы ((РУДН), г. Москва, РФ) провел мастер-класс на тему: «Роль наставничества для развития «гибких навыков». Докладчик обозначил следующие идеи: в Российской Федерации наставничество (менторство) было широко распространено в советский период в системе профессионально-технического образования и производственного обучения. С 2010-х гг. наметился курс на возрождение этой традиции. Одной из перспективных тенденций является переход от индивидуального наставничества к сетевому, в том числе с применением информационно-коммуникационных технологий – «педагогический ментворкинг». В целях практической апробации данной модели в октябре 2021г. на базе Ассоциации педагогов, работающих с одаренными детьми, открыта Сетевая школа для учащихся 7–10 классов, направленная на формирование компетенций исследовательской и проектной деятельности, а также на развитие сети наставников и повышения их профессиональной квалификации в данной области. С методологической точки зрения, работа школы основана на т.н. «сетевых эффектах». Результаты диагностики, полученные на начальном этапе работы (174 учащихся, 34 наставника), в целом, свидетельствуют о положительных ожиданиях от предстоящей совместной работы (испытывают радость 83% учащихся и 84% взрослых). Психологический климат в наставнических командах – положительный (средняя оценка по 3-балльной шкале 1,8 и 2,3, соответственно). Уровень переживаний наставников, связанных с участием в сетевом проекте (2,4 по 7-балльной

шкале), низкий, что также говорит о позитивном настрое. Для оценки эффективности программы наставничества аналогичные данные будут получены на заключительном этапе апробации.

С открытой интерактивной лекции интересно и содержательно также выступили: *Малоян Зара Андреевна* – кандидат психологических наук (АГПУ им. Х. Абовяна, РАУ (г. Ереван, РА)) с докладом на тему: «Трансформация ценностей: искушение Святого Антония»; *Куцазли Мария Ивановна* – кандидат психологических наук, ассистент кафедры психологии и педагогики (ФГАОУ ВО Российский университет Дружбы Народов (РУДН), г. Москва, РФ) с докладом на тему: «Научный руководитель как наставник высшей школы»; *Мкртумян Мелс Паркевович* – доктор психологических наук, профессор (АГПУ им. Абовяна, РАУ, (г.Ереван, РА)) с докладом на тему: «Социально-психологическое сопровождение и контроль личности в современных условиях».

Мастер-класс ведущей *Ершовой Регины Вячеславовны* – доктора психологических наук, профессора Государственного социально-гуманитарного университета (ГСГУ, г. Москва, РФ) на тему: «Использование методов РЭПТ в психологическом консультировании» вызвал живой интерес, а развернувшаяся творческая дискуссия стимулировала у участников желание поделиться своим профессиональным опытом

Мастер-класс ведущей *Чибисовой Марины Юрьевны* – доцента кафедры социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ, г. Москва, РФ) – (Соведущая: Ткаченко Н.В.) по теме: «Технология проведения обучающего семинара для педагогов, работающих с детьми-мигрантами» был проведен в интерактивной форме с обсуждением глобальных и национальных проблем межкультурной коммуникации людей разных этносов, детей-мигрантов, что побудило желание не только высказать свои мнения, позиции, но и обсудить дальнейшие планы сотрудничества по совместному проведению обучающих семинаров для педагогов и психологов.

Лобза Ольга Валерьевна – доцент кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО Московского Государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, юнгианский аналитик (г. Москва, РФ); *Леонова Варвара Олеговна* – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, психоаналитик, клинический психолог, руководитель Психологической мастерской «Вечные ценности» (г. Москва, РФ) провели мастер-класс по теме: «Наставничество как инструмент координации групповых процессов в управлении и бизнесе». На секции «Наставничество как стратегия непрерывного развития» доцент Лобза О.В. выступила с докладом: «Роль наставничества в политической социализации современной молодежи»; Леонова В.О. – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии,

психоаналитик, клинический психолог, поделилась результатами масштабного исследования «Развитие ценностно-смысловой сферы личности студентов как объект наставничества». Большой интерес и активность слушателей вызвал мастер-класс «Наставничество как инструмент координации групповых процессов в управлении и бизнесе», проведенный В.О. Лобза и В.О. Леоновой. В рамках мастер-класса ведущие представили авторскую модель психологии управления и инструменты работы с группой, которые вызвали у участников живой интерес и желание приносить полученный опыт в практической деятельности психолога.

ТЕЛЕМОСТ: МОСКВА-САМАРА-ЕРЕВАН был посвящен актуальной для профессиональной подготовки психологов теме: «Практическая подготовка студентов (обучающихся) как условие реализации идеи профессионального наставничества». Модераторами выступили: *Корнилова О.А.* – сопредседатель Оргкомитета, д.пс.н., профессор (СФ МПГУ, г. Самара, РА), *Башкин Е.Б.* – сопредседатель Оргкомитета, к.пс.н., зав. кафедрой психологии и педагогики (Российский университет Дружбы Народов (РУДН, РФ), *Берберян А.С.* – председатель Оргкомитета, д.пс.н., профессор (РАУ, РА).

Доклад *Бажинной Е.В.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, управления и социологии СФ ГАОУ ВО МГПУ по теме: «Студент в пространстве современного вуза: ценности и самореализация (по материалам социологического исследования в Самарском филиале Московского городского педагогического университета)» был посвящен рассмотрению ценностей и некоторых аспектов самореализации студентов в пространстве современного вуза сквозь призму проблематики наставничества. Основываясь на результатах социологического исследования, в докладе представлены ценности студенческой молодежи, базовые характеристики современной молодежи, выделенные самими студентами, и представления о том, как в связи с этим может формироваться запрос студентов на различные формы наставничества в вузе.

В докладе рассмотрены формы социальной активности студентов внутри вуза, а также проанализировано пространство самореализации студентов за пределами вуза. Сделан вывод о том, что наставничество может быть реализовано через разные направления: помощь студентам в познании себя, своих индивидуальных особенностей и возможностей; изучение интересов и запросов студентов в разных жизненных сферах; помощь как в освоении учебных дисциплин, так и в формировании надпрофессиональных, гибких навыков, которые помогут им быть успешными и востребованными.

Доклад *Матасовой И.Л.* – заведующий кафедрой педагогической и прикладной психологии СФ ГАОУ ВО МГПУ на тему: «Практическая подготовка студентов (обучающихся) как условие реализации идеи профессионального наставничества» посвящен особенностям организации практической подготовки студентов-психологов и выстраиванию взаимодействия СФ МГПУ с базами практик. Особое внимание уделялось возможностям формирования у обучающихся практических навыков работы с различными категориями клиентов: как группы-«норма», так и

имеющими особенности развития. Руководители баз практик конкретизировали направления работы на площадках, рассказали о формах, мероприятиях и озвучили перспективы дальнейшего взаимодействия с Самарским филиалом МГПУ.

Поделились своим опытом проведения практик *Саргсян Н.* – директор центра по инклюзивному образованию: «Бок о бок» (РА); *Сучкова Е.М.* – зам. директора Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей Центра развития творчества детей и юношества «Центр социализации молодежи» (РФ); *Сергиенко Т.П.* – директор муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования Центра «Поддержка детства» (г. Самара (РФ)); *Ваширина А.В.* – психолог Государственного казенного учреждения Самарской области «Комплексный центр социального обслуживания населения «Ровесник» (РФ).

Круглый стол: «Новатор, педагог, психолог, наставник: к 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского» был посвящен создателю русской педагогической школы К.Д. Ушинскому, что исторически связано с развитием педагогической науки и современным осмыслением гуманистических идей в классическом наследии педагогики и психологии. Многогранная деятельность просветителя, реформатора, ученого, литератора стала важным фактором развития идей демократического движения эпохи в образовании, проявления прогрессивных тенденций в развитии образования. Изучение наследия выдающегося представителя педагогической и психологической мысли актуально для формирования современного педагога.

Участники Круглого стола: студенты бакалавриата, магистратуры, аспиранты из ведущих вузов России и Армении – на основе углубленного прочтения и осмысления педагогических произведений К.Д. Ушинского, анализа современных тенденций в системе образования, изучения инновационных психолого-педагогических технологий представили свои доклады по следующей тематике:

- Психолого-педагогические идеи Ушинского: актуальность и современное звучание;
- Методы нравственного воспитания по К.Д. Ушинскому в контексте современных образовательных методов воспитания;
- К.Д. Ушинский: роль привычек и навыков в формировании характера;
- Роль и деятельность учителя по К.Д. Ушинскому;
- Нравственное и патриотическое воспитание в педагогической системе К.Д. Ушинского.

Альянс, поочередно представляемый студентами и аспирантами РФ и РА, был очень символичен: он свидетельствовал о расширении границ в понимании великих идей «Учителя учителей» К.Д. Ушинского как в плане географии участников, так и в плане уровня подготовки участников.

С российскими ведущими учеными из различных образовательных структур армянские ученые провели совместные научные мероприятия, а данный Международный психологический форум стал еще одним импульсом к дальнейшему раз-

витию российско-армянского продуктивного научно-образовательного и культурного взаимодействия, в большей степени к совместной реализации потенциала взаимовыгодного сотрудничества.

«Реализация данного научно-образовательного проекта способствует сохранению общего научного и культурного пространства, платформы гуманитарного сотрудничества между Россией, Арменией и другими странами, формированию и развитию конструктивного диалога», – подчеркнули председатель и сопредседатели Оргкомитета форума.

Башкин Е.Б., Корнилова О.А. и Берберян А.С., Козлов В.В., наградили почетными наградами, представленными Берберян А.С., руководителем Армянского отделения МАПН, на звание члена-корреспондента МАПН – канд.пс.н., проф. Папоян Вардуи Робертовну, канд.пс.н., доцента Малоян Заруи Андреевну, канд.пс.н., ст. преподавателя, ведущего психотерапевта Тевосян Марию Врамовну; на звание почетного члена МАПН – ст. преподавателя Саркисян Инну Аршавировну и преподавателя Будагян Ани Самвеловну, что явилось еще одним стимулом к развитию конструктивных российско-армянских научно-образовательных союзнических связей.

Участие в научно-практических конференциях, симпозиумах, конгрессах и других научных мероприятиях не только расширяет мировоззрение, общенаучный и профессиональный кругозор, но и создает возможности для эффективного и интенсивного переосмысления профессионального опыта эффективного и корректного участия в научной дискуссии, влияет как на профессиональный, так и на личностный рост специалиста, является ключевым фактором возникновения нового этапа в профессиональном и личностном развитии, *способствуя развитию самой значимой ключевой компетенции* – способности учиться всю жизнь, представляющейся как опора непрерывной подготовки в профессиональном плане, а также способности к саморазвитию и самореализации в личной и профессиональной жизни.

Известно, что сознание развивается, пока его активно кормят, и пища здесь одна – новые знания. Мы вывели для себя формулу: «Пока личность обучается, личность живет».

«Современное образование определяет прогресс развития общества в целом. Мы называем наш век «веком знаний, науки и высоких технологий», но задать верный вектор без качественного образования невозможно. И я уверена, что совместными усилиями мы можем решить многие вопросы», – заверила профессор А.С. Берберян.

Отражая мнения участников, можно с уверенностью ожидать продолжения конструктивного диалога и заинтересованного сближения ученых-исследователей в рамках психологического сообщества, а также закрепления традиции проведения широкомасштабных научных мероприятий на достойном профессиональном уровне.

Участники пришли к выводу о том, что педагог, который в безоценочной манере понимает и принимает уникальность и внутренний мир каждого обучающего,

создает необходимые условия для наставничества и фасилитации значимого обучения, в целом, мотивирует личность к развитию. Как отметили в своих восторженных отзывах о результатах мероприятия участники, на форуме концептуально, методологически убедительно и практически значимо прозвучал тезис о наставничестве как стратегии непрерывного развития.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Оганесян О.А. – старший преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Мартirosян Т.Л. – старший менеджер, преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Хачикян С.Р. – к.п.н., исследователь Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Галстян А.Г. – к.э.н., доцент Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Енгоян А.П. – д.п.н., профессор, преподаватель Кафедры политологии Ереванского государственного университета (ЕГУ), Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Агаян Н.А. – младший научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА

Петросян И.Б. – к.э.н., доцент, заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Акобян Э.Н. – студентка 4-го курса по специальности «Экономика» Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Бадалян Р.А. – соискатель Факультета международных экономических отношений Армянского государственного экономического университета

Аветисян А.Г. – к.э.н., доцент Кафедры математических методов и информационных технологий в экономике и бизнесе Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Мартirosян А.Р. – соискатель Кафедры психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Варданян М.А. – соискатель Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Овян Г.Р. – к.педаг.н., профессор, декан Факультета специального и инклюзивного образования Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна

Саакян К.А. – логопед в отделе поддержки Республиканского педагогико-психологического центра

Берберян А.С. – д.п.с.н., профессор, заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета

Башкин Е.Б. – к.п.с.н., заведующий Кафедрой психологии и педагогики Российского Университета Дружбы Народов (РУДН)

Новикова И.А. – к.п.с.н., доцент Кафедры психологии и педагогики Российского Университета Дружбы Народов (РУДН)

Корнилова О.А. – д.п.с.н., профессор, первый заместитель директора СФ ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Амантай Ж.А. – руководитель международного отдела, преподаватель Кафедры психологии и педагогики Российского Университета Дружбы Народов (РУДН)

**Вестник Российско-Армянского университета. Серия: гуманитарные
и общественные науки, №2 (45) 2023г.**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректор – А.С. Есаян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий Российско-Армянского университета:
*0051, г. Ереван, ул. Овсена Эмина, 123
тел/факс: (+374 12) 77-57-75, (внутр. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

Заказ № 24

Подписано к печати 28.09.2023г.
Формат 60x100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 8,3 п.л. Тираж 110 экз.